

The Collection of Humanitarian Studies. Electronic scientific journal

peer-reviewed * open access journal

ISSN 2500-3585

КОЛЛЕКЦИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Электронный научный журнал

4 (45) 2025

Председатель
редакционного совета
В.А. Лазаренко

Главный редактор
П.В. Ткаченко

Ответственный секретарь
Е.П. Непочатых

Технический секретарь
М.С. Филиппович

Редакционный совет

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
Лазаренко Виктор Анатольевич
доктор медицинских наук, профессор, ректор Курского
государственного медицинского университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
Ткаченко Павел Владимирович
доктор медицинских наук, доцент, зав. кафедрой нормальной
физиологии Курского государственного медицинского
университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Непочатых Елена Павловна
кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной
работы и безопасности жизнедеятельности Курского
государственного медицинского университета

Бобынцев Игорь Иванович
доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой
патофизиологии Курского государственного медицинского
университета

Пергаменщик Леонид Абрамович
доктор психологических наук, профессор Белорусского
государственного педагогического университета

Каменева Татьяна Николаевна
доктор социологических наук, профессор департамента
социологии Финансового университета при Правительстве РФ;
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Когай Евгения Анатольевна
доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии
Курского государственного университета

Шульгина Татьяна Алексеевна
кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой
социальной работы и безопасности жизнедеятельности Курского
государственного медицинского университета

Разуваева Татьяна Николаевна
доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой
общей и клинической психологии Белгородского
государственного университета

Сорокумова Елена Александровна
доктор психологических наук, профессор Московского
педагогического университета

Никишина Вера Борисовна
доктор психологических наук, профессор Российского
национального исследовательского медицинского университета
им. Н.И. Пирогова

Редакционная коллегия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Ткаченко П.В. д.м.н., доц.
(ФГБОУ ВО КГМУ, г. Курск)

Абрамов А.П. д.с.н., доц.
(ФГБОУ ВО ЮЗГУ, г. Курск)
Бабинцев В.П. д.филос., проф.
(НИУ БелГУ, г. Белгород)
Бобынцев И.И. д.м.н., проф.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)
Волкова О.А. д.с.н.
(ФГБОУ ВО МГГЭУ, г. Москва)
Василенко Т.Д., д.псих.н., проф.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)
Запесоцкая И.В. д.психол.н., проф.
(РНИМУ им. Н.И. Пирогова, г. Москва)
Зотов В.В. д.с.н., проф.
(ФГАОУ ВО МФТИ (НИУ), г. Москва)
Ильдарханова Ч.И.
(Академия наук Республики Татарстан, г. Казань)
Каменева Т.Н., д.соц.н., проф.
(Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва; Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород)

Кашапов С.М. д.психол.н., проф.
(ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль)
Клюева Н.В. д.психол.н., проф.
(ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль)
Когай Е.А. д.филос.н., проф.
(ФГБОУ ВО КГУ, г. Курск)
Лескова И.В. д.с.н., проф.
(ФГБОУ ВО РГСУ, г. Москва)
Молчанова Л.Н. д.псих.н.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)
Разуваева Т.Н. д.псих.н., проф.
(Белгородский государственный университет, г. Белгород)
Сорокумова Е.А. д.психол.н., проф.
(ФГБОУ ВО МПГУ, г. Москва)
Симоненко И.А. д.псих., проф.
(РНИМУ им. Н.И. Пирогова, г. Москва)
Шульгина Т.А. к.псих.н., доц.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)

Chairman
editorial board
V.A. Lazarenko

Editor-in-chief
P.V. Tkachenko

Executive Secretary
E.P. Nepochatykh

Technical secretary
M.S. Filippovich

Editorial council

CHAIRMAN
Dr. Victor Lazarenko
Honored Physician of the RF, MD, Full Professor, Rector of Kursk State Medical University, Russian Federation

VICE CHAIRMAN
Dr. Pavel Tkachenko
MD, Associate Professor, Head of Normal Physiology Department n.a. Professor Zavyalov of Kursk State Medical University, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY
Dr. Elena Nepochatykh
Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of Social Work and Life Safety Department, Kursk State Medical University

Dr. Igor Bobyntsev
MD, Full Professor, Professor, Head of Pathophysiology Department, Kursk State Medical University, Russian Federation

Dr. Leonid Pergamenshik
PhD in Psychology, Full Professor, Belarus State Pedagogical University, Belarus

Dr. Tatiana Kameneva
PhD in Sociology, Professor, Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Belgorod State National Research University, Russian Federation

Dr. Elena Kogai
PhD in Philosophy, Full Professor, Head of Sociology Department, Kursk State University, Russian Federation

Dr. Tatiana Shulgina
PhD in Psychology, Associate Professor, Head of Social Work and Life Safety Department, Kursk State Medical University, Russian Federation

Dr. Tatiana Razuvaeva
PhD in Psychology, Full Professor, Belgorod State National Research University, Russian Federation

Dr. Elena Sorokoumova
PhD in Psychology, Full Professor, Moscow State Pedagogy University, Russian Federation

Dr. Vera Nikishina
PhD in Psychology, Full Professor, Moscow State National Research University named after N.I. Pirogov

Editorial board

EDITOR-IN-CHIEF
Tkachenko P.V. MD, Associate Professor
(Kursk State Medical University, Russian Federation)

Abramov A.P. PhD, Associate Professor
(The Southwest State University, Kursk)
Babiyntsev V.P. PhD, Full Professor
(Belgorod State University, Belgorod)
Volkova O.A. PhD (Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow)
Zapesotskaya I.V. PhD, Associate Professor
(N.I. Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow)
Zotov V.V. PhD, Full Professor
(Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow)
Ildarkhanova Ch.I. PhD
(Tatarstan Academy of Science, Kazan)
Kashapov M.M. PhD, Full Professor
(P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl)
Kameneva T.N. PhD, Professor
(Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Belgorod State National Research University, Belgorod)

Klyuyeva N.V. PhD, Full Professor
(P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl)
Kogai E.A. PhD, Full Professor
(Kursk State University, Kursk)
Leskova I.V. PhD, Full Professor
(Russian State Social University, Moscow)
Molchanova L.N. PhD
(Kursk State Medical University, Kursk)
Pergamenshchik L.A. PhD, Full professor
(Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus)
Razuvaeva T.N. PhD, Full Professor
(Belgorod State University, Belgorod)
Sorokoumova E.A. PhD, Professor
(Moscow Pedagogical State University, Moscow)
Shulgina T.A. Candidate of Psychology, associate Professor (Kursk State Medical University, Kursk)
Vasilenko T.D. PhD, Full Professor (Kursk State Medical University, Kursk)
Simonenko I.A. PhD, associate Professor (N.I. Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow)

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Особенности социальных установок межличностного взаимодействия «выгорающих» волонтеров-медиков, работающих в условиях чрезвычайных ситуаций	6
Молчанова Л.Н., Кузнецова А.А., Касьянова К.В.	
Типологический анализ патриотических установок в контексте их структурной организации.....	21
Вечерин А.В., Чащина А.А., Чумакова М.А., Пташник Ю.П.	
Психологические механизмы межличностного взаимодействия студентов в полиэтнической образовательной среде	37
Хахутадзе Н.М.К., Кузнецова А.А.	

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Понимание традиционных российских ценностей будущими учителями	49
Сорокоумова Е.А., Пучкова Е.Б., Суховершина Ю.В.	
Критерияция субъектогенеза преподавателя высшей школы в условиях педагогической деятельности	62
Кузнецова А.А.	
Взаимосвязь между количеством экранного времени и психологическими проблемными паттернами поведения.....	76
Данильчук Д.В., Григорян С.М., Ткаченко П.В.	
Влияние благоприятной психологической среды на успехи учащихся общеобразовательной школы.....	91
Усик Д.А., Унатлоков В.Х.	
Психолого-педагогические детерминанты мотивации студентов к научно-исследовательской деятельности в рамках преподавания патофизиологии	108
Юрин С.М., Апальков Д.А., Ворвуль А.О.	

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Посттравматическое стрессовое расстройство и психиатрическая коморбидность: нейробиологические, клинические и социальные аспекты.....	117
Шелепин К.Ю., Шелепин Е.Ю., Скуратова К.А., Чausов А.С., Зубко В.М.	
Современные и перспективные методы диагностики посттравматического стрессового расстройства.....	139
Шелепин К.Ю., Шелепин Е.Ю., Скуратова К.А., Чausов А.С., Зубко В.М.	

СОЦИОЛОГИЯ

Социальные механизмы трудовой инклюзии ветеранов боевых действий в систему профессионального образования	161
Федосюк Д.В., Финикова О.В., Томилова Е.А.	

ОТ НАУКИ К ПРАКТИКЕ

- «Обучение служением» в цифровой среде: онлайн-волонтерство как новая образовательная среда (региональный аспект).....170
Маскалянова С.А., Тафинцева Л.М., Тепловодских С.И.
Специфика организации учебно-тренировочной деятельности юных спортсменов в секции дзюдо.....177
Курасбедиани З.В., Непочатых А.В., Берешвили Р.Н.

МОЛОДЕЖНАЯ НАУКА

- Методы развития гибкости у спортсменов-дзюдоистов в условиях тренировочного процесса на начальном этапе подготовки 187
Непочатых А.В.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ВЫГОРАЮЩИХ» ВОЛОНТЕРОВ-МЕДИКОВ, РАБОТАЮЩИХ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

© Молчанова Л.Н., Кузнецова А.А., Касьянова К.В.

Молчанова Л.Н. – профессор кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, доктор психологических наук, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России

e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российской Федерации

Кузнецова А.А. – проректор по воспитательной работе, социальному развитию и связям с общественностью, заведующий кафедрой психологии здоровья и нейропсихологии, кандидат психологических наук, доцент,

e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российской Федерации

6

Касьянова К.В. – ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России

e-mail: sam.meteorit@yandex.ru

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российской Федерации

АННОТАЦИЯ

Профессионально-ориентированная волонтерская деятельность относится к надситуативной активности и в силу высокой интенсивности, высокого спроса и ненормированного графика способствует росту психоэмоциональной напряженности во взаимодействии с другими людьми, истощению личностных ресурсов и возникновению эмоционального выгорания. Особенности содержания социальных установок волонтеров-медиков к ее реализации в условиях экстремизации выступают как его катализаторами, так и ингибиторами.

Цель исследования состоит в изучении особенностей структурной организации социальных установок межличностного взаимодействия «выгорающих» волонтеров-медиков, работающих в условиях ЧС.

Материалы и методы. Общий объем выборки составил 194 волонтера-медика в возрасте от 18 лет до 26 лет со стажем работы от года до 8 лет. Из них в экспериментальную и контрольную группы вошли по 97 профессионально ориентированных и непрофессионально ориентированных студентов-медиков. Для диагностики эмоционального выгорания и компонентов структуры социальных установок межличностного взаимодействия использовали стандартизированные опросники, а для

обработки полученных результатов – метод математической статистики и структурно-психологический анализ.

Результаты. Эмпирически выявлены особенности социальных установок межличностного взаимодействия «выгорающих» профессионально и непрофессионально ориентированных волонтеров-медиков, работающих в условиях чрезвычайных ситуаций. У профессионально ориентированных волонтеров-медиков, имеющих более низкое, в сравнении с непрофессионально ориентированными, выгорание в большей степени интегрированы мотивационно-потребностный и поведенческий компоненты, а у профессионально ориентированных – когнитивный и эмоциональный, что необходимо учитывать в разработке программы профилактики выгорания.

Выводы. Достоверно высокое выгорание непрофессионально ориентированных волонтеров-медиков в условиях экстремизации добровольческой деятельности при преобладающей, в сравнении с профессионально ориентированными волонтерами, структурированности социальных установок межличностного взаимодействия, служит адаптивной реакцией. Ведущая роль в его возникновении у непрофессионально-ориентированных волонтеров-медиков принадлежит эмоциональному и когнитивному компонентам структуры социальных установок, а в его преодолении у профессионально ориентированных – мотивационно-потребностному и поведенческому.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, волонтеры-медики, социальные установки, профессионально ориентированные волонтеры, непрофессионально ориентированные волонтеры, режим чрезвычайных ситуаций

Введение

Волонтерство в современном мире – один из наиболее эффективных инструментов успешного социального развития и повышения качества жизни людей. Добровольческая деятельность благотворно влияет не только на тех, кому оказывается помощь, но и на самих волонтеров, что выражается в становлении и укреплении их нравственной и гражданской позиций, развитии человеколюбия, отзывчивости, чувства справедливости, лидерских качеств [2; 8]. Кроме того, за рубежом молодежное волонтерство давно используется как важный элемент подготовки к исполнению профессиональных обязанностей. Участвуя в профессионально-ориентированном волонтерстве, обучающийся получает возможность приобрести профессиональный опыт, проверить правильность собственного профессионального самоопределения и свою профпригодность [9]. Подобное волонтерское служение особенно актуально для представителей «помогающих» и «выгорающих» профессий: медиков, педагогов, психологов, социальных работников [10; 11; 12]. Современные вызовы (пандемия COVID-19, СВО, возникающие чрезвычайные ситуации) оказывают глубокое воздействие на психическое и эмоциональное состояние профессионально-ориентированных волонтеров [1; 6; 13]. Добровольчество в сфере медицинской деятельности в силу высокой интенсивности, высокого спроса и ненормированного графика оказывает негативное влияние на психическое здоровье специалистов и волонтеров. Так, на фоне сложностей совмещения волонтерской работы с обучением и личной жизнью, физической усталости и нехватки ресурсов, свободного времени и опыта, происходит перенапряжение, которое может способствовать возникновению эмоционального выгорания [16] и отчислению студента из-за ошибочного суждения «этот профессия не мое» на фоне психической усталости.

Систематизация образовательных процессов в области добровольчества, содействие качественной подготовке добровольцев к реализации волонтерских инициатив способствует формированию соответствующих компетенций. В условиях ЧС реализуются «ключевые компетенции волонтера» – способность волонтера действовать в ситуации неопределенности при решении актуальных для него проблем либо осмысленно включаться в выполнение регулируемой руководителем деятельности в условиях

экстремизации [17]. При возникновении эмоционального выгорания снижается коэффициент полезного действия, что способствует снижению эффективности оказываемой помощи, дезорганизации профессиональных навыков, регрессу или уходу из профессиональной деятельности [4]. Своевременная психологическая профилактика выгорания волонтеров-медиков, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью в режиме чрезвычайных ситуаций, позволит поддерживать адаптационный потенциал и ресурсность, поскольку способствует формированию профессиональных компетенций, что обеспечивает их академическую успеваемость и сохранение контингента студентов на каждом курсе обучения.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 194 волонтера из ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России в возрасте от 18 лет до 26 лет, имеющих стаж профессиональной деятельности от года до 8 лет, вошедших в соответствии с критерием принадлежности к профессиональной деятельности в две одинаковые по количеству ($n=97$ человек) группы: экспериментальную – профессионально-ориентированную (ЭГ) и контрольную – непрофессионально-ориентированную (КГ).

Оценка сформированности профессионального выгорания волонтеров-медиков осуществлялась с помощью методики диагностики профессионального выгорания (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой), а компонентов социальных установок их межличностного взаимодействия – с помощью измерительного инструментария, представленного в таблице 1.

Таблица 1
Диагностические методики по изучаемым компонентам социальных установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков

Table 1

Diagnostic techniques for the studied components of social attitudes of interpersonal interaction of medical volunteers

8

№	Название и автор методики	Изучаемые переменные (шкалы)
Мотивационно-потребностный		
1.	тест ценностей Шварца (адаптация О.А. Тихомадицкой)	конформность, традиции, доброта, универсализм, самостоятельность, стимуляция, гедонизм, достижение, власть, безопасность
2.	методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина)	процесс, результат, альтруизм, эгоизм, труд, свобода, власть, деньги
Эмоциональный компонент		
3.	тест ЭМИн (Д.В. Люсин)	понимание чужих эмоций, управление чужими эмоциями, понимание своих эмоций, управление своими эмоциями, контроль экспрессии, межличностный эмоциональный интеллект, внутриличностный эмоциональный интеллект, понимание эмоций, управление эмоциями
Когнитивный компонент		
4.	опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазарус и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк	конфронтационный копинг, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения проблемы, положительная переоценка
5.	«Стиль саморегуляции поведения» (А.В. Моросанова)	планирование, моделирование, программирование, оценивание, гибкость, самостоятельность
Поведенческий компонент		

6.	опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI)	негативное прошлое, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее, будущее
7.	метод диагностики межличностных отношений Т. Лири в адаптации Л. Собчик	властный-лидирующий, независимый-доминирующий, прямолинейный-агрессивный, недоверчивый-скептический, покорный-застенчивый, зависимый-послушный, сотрудничающий-конвенциональный, ответственный-великодушный

Для проведения математической обработки данных использовались описательные статистики, структурно-психологический анализ с построением матриц интеркорреляций, расчета индексов структурной организации и метод эксперсс- χ^2 (А.В. Карпов),

Результаты и их обсуждение. Волонтерская деятельность относится к надситуативной активности, где доброволец самостоятельно ставит перед собой цели, избыточные по отношению к исходным требованиям ситуации (надпороговые), для реализации которых необходимо большое количество энергии, мотивации, ресурсов и навыков, сознательно корректируемых социальных установок межличностного взаимодействия, что не всегда соответствует реальным возможностям и способствует возникновению активной неадаптивности (эффект непредсказуемости последствий). При этом действия волонтеров характеризуются не только избыточностью, но и противоположностью результатов активности исходным ее мотивам (В.А. Петровский), а их социальные установки способствуют росту психоэмоциональной напряженности во взаимодействии с другими людьми, возникновению трудностей в организации деятельности и высокой ответственности за благополучателей, что увеличивает риск эмоционального выгорания.

В нашем исследовании мы придерживаемся определения С.С. Гордеевой о том, что социальная установка – это состояние психологической готовности индивида к определенным действиям в различных ситуациях, которое оказывает направляющее влияние на поведение личности [5]. Социальные установки межличностного взаимодействия волонтеров реализуются в интегральном взаимодействии всех структурных компонентов, которые включают в себя: потребности и ценности (мотивационно-потребностный), способность к работе в различных условиях и особенности саморегуляции поведения (когнитивный), особенности межличностного взаимодействия и реализации плана действий (поведенческий), эмоциональный интеллект (эмоциональный). Условия деятельности рассматриваются как надситуативная активность (медицинское волонтерство), в которой удовлетворяются определенные потребности, реализуются ценности, планы личности, межличностные отношения и способности идентифицировать, понимать и управлять своими собственными эмоциями и эмоциями других людей.

Волонтеров в медицинской сфере можно условно разделить на профессионально-ориентированных и непрофессионально ориентированных. Обязанности профессионально-ориентированных волонтеров сопряжены с профессиональными: измерение жизненно-важных показателей, определение состояния здоровья и степень его тяжести, диагностические процедуры, первичная и вторичная специализированная профилактика заболеваний, психоэмоциональная поддержка пациентов и членов их семей, помочь в проведении реабилитационных мероприятий.

Непрофессионально-ориентированные волонтеры занимаются решением различных материально-бытовых и социальных задач, навигацией пациентов в отделениях и регистратуре, организацией культурного и развлекательного досуга (например, проведение праздников для больных детей в условиях стационара), работой с документацией, транспортировкой необходимых медицинских средств или оборудования.

Диагностика выгорания профессионально ориентированных волонтеров-медиков засвидетельствовала средний уровень всех его показателей (таблица 2).

Таблица 2
Описательная статистика показателей профессионального выгорания волонтеров-медиков из ЭГ (n=97)
Table 2
Descriptive statistics of indicators of professional burnout of medical volunteers from the EG (n=97)

Наименование показателя	Количественный						Качественный Ме
	Mean	Confidence - 95,00%	Confidence +95,00%	Median	Percentile 25,00000	Percentile 75,00000	
Эмоциональное истощение	23,1	21,72	24,49	22,00	18,000	28,000	средний уровень
Деперсонализация	10,92	9,78	12,06	11,00	6,000	15,000	средний уровень
Редукция личных достижений	33,28	31,98	34,58	34,00	30,000	37,000	средний уровень

В группе непрофессионально-ориентированных волонтеров наблюдается высокий уровень выраженности показателей «Эмоциональное истощение» и «Деперсонализация» (см. табл. 3).

Таблица 3
Описательная статистика показателей профессионального выгорания волонтеров-медиков из КГ (n=97)
Table 3
Descriptive statistics of professional burnout indicators among medical volunteers from the control group (n=97)

10

Наименование показателя	Количественный						Качественный Ме
	Mean	Confidence - 95,00%	Confidence +95,00%	Median	Percentile 25,00000	Percentile 75,00000	
Эмоциональное истощение	25,44	24,02	26,87	25,00	16,00	34,00	высокий уровень
Деперсонализация	14,40	13,59	15,22	14,00	9,00	20,00	высокий уровень
Редукция личных достижений	31,58	30,19	32,96	31,00	23,00	40,00	средний уровень

Статистически значимые различия показателей профессионального выгорания обнаружены преимущественно по всем шкалам: причем значимо высокие у волонтеров КГ по шкалам «Эмоциональное истощение» ($X_{ср} \pm \sigma = 25,44 \pm 7,06$; $X_{ср} \pm \sigma = 23,1 \pm 6,86$; $p=0,047$), «Деперсонализация» ($X_{ср} \pm \sigma = 14,40 \pm 4,05$; $X_{ср} \pm \sigma = 10,92 \pm 5,65$; $p=0,000$), и значимо низкие по шкале «Редукция личных достижений» ($X_{ср} \pm \sigma = 31,58 \pm 6,88$; $X_{ср} \pm \sigma = 33,28 \pm 6,47$; $p=0,049$). Таким образом, непрофессионально ориентированные волонтеры-медики в значимо большей степени подвержены профессиональному выгоранию, что обеспечивается стремлением облегчить или сократить эмоционально затратные обязанности. В значимо большей степени они испытывают утомление и усталость, эмоциональную опустошенность, негативные установки и цинизм по отношению к чувствам и переживаниям других людей, а также обезличенность и формальность контактов.

Исследование особенностей социальных установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков осуществлялось с помощью метода структурно-психологического анализа (А.В. Карпов) [7] и предусматривало: вычисление индекса структурной организации значимо коррелирующих показателей всех четырех компонентов

социальных установок волонтеров ЭГ и КГ (таблица 4), выявления их базовых качеств (таблица 5), расчет экспресс- χ^2 для определения гомогенности/ гетерогенности структур.

Таблица 4
Мера интегрированности структур компонентов социальных установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков ЭГ и КГ

Table 4
Measure of the integration of the structures of the components of social attitudes of interpersonal interaction of medical volunteers of the EG and CG

Мера интегрированности структур компонентов	ЭГ	КГ
Мотивационно-потребностный		
ИКС	528	519
ИДС	83	69
ИОС	445	444
Эмоциональный		
ИКС	266	341
ИДС	28	83
ИОС	238	258
Когнитивный		
ИКС	249	358
ИДС	44	66
ИОС	205	292
Поведенческий		
ИКС	249	269
ИДС	42	76
ИОС	207	193
Общая структура (включая межкомпонентные связи)		
ИКС	1292	1487
ИДС	197	294
ИОС	1095	1187

Примечание: ИКС – индекс когерентности структуры; ИДС – индекс дивергентности (дифференцированности) структуры; ИОС – индекс организованности структуры; КГ – профессионально-ориентированные волонтеры-медики; ЭГ – непрофессионально-ориентированные волонтеры-медики

Содержание таблицы 4 свидетельствует о наибольшей величине индекса когерентности и общей организованности психологической структуры социальных установок межличностного взаимодействия непрофессионально ориентированных волонтеров (ЭГ) в сравнении с профессионально ориентированными (КГ) за счет высокой степени организованности ее эмоционального и когнитивного компонентов. Подобные результаты могут быть связаны с работой на пределе собственных возможностей за счет эмоциональной и когнитивной заинтересованности проблемами других, понимания сложности их жизненной ситуации и окружающих условий (пандемия, военные действия, ЧС).

В группе профессионально ориентированных волонтеров-медиков ИОС структуры мотивационно-потребностного и поведенческого компонентов выше, чем у непрофессионально ориентированных, что свидетельствует о большей включенности ЭГ в добровольческую деятельность и реализацию сверхнормативных показателей, что позволяет, с одной стороны, быть более эффективными в условиях экстремизации профессиональной деятельности, а с другой, вызывает профессиональное выгорание, но значительно меньшее, нежели у непрофессионально ориентированных волонтеров.

Таблица 5

Базовые качества показателей структур социальных установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков ЭГ и КГ

Table 5

Basic qualities of indicators of structures of social attitudes of interpersonal interaction of medical volunteers of EG and CG

№п/п	Наименование показателя	ЭГ				КГ			
		E^+	E^-	E_0	ранг	E^+	E^-	E_0	ранг
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Мотивационно-потребностный									
1	Конформность	40	0	40	2	41	0	41	2,5
2	Традиции	31	0	31	8,5	43	4	39	4
3	Доброта	39	2	37	3,5	44	0	44	1
4	Универсализм	33	1	32	7	43	2	41	2,5
5	Самостоятельность	30	2	28	10	30	2	28	9
6	Стимуляция	41	0	41	1	34	2	32	8
7	Гедонизм	35	1	34	5,5	35	2	33	7
8	Достижение	37	0	37	3,5	41	4	37	5
9	Власть	34	3	31	8,5	42	6	36	14
10	Безопасность	34	0	34	5,5	31	4	27	10
11	Процесс	16	4	12	15	18	2	16	12
12	Результат	31	6	25	11	7	2	5	18
13	Альтруизм	18	19	-1	17,5	23	9	14	13
14	Эгоизм	23	7	16	13	24	15	9	15
15	Труд	24	0	24	12	6	0	6	16,5
16	Свобода	18	17	1	17,5	7	1	6	16,5
17	Власть	22	8	14	14	24	5	13	14
18	Деньги	22	13	9	16	26	9	17	11
Когнитивный									
19	Конфронтационный копинг	17	5	12	7,5	29	11	18	7
20	Дистанцирование	25	1	24	3	18	1	17	8
21	Самоконтроль	11	3	8	11	37	0	37	2
22	Поиск социальной поддержки	9	8	1	14	17	6	11	10
23	Принятие ответственности	9	4	5	5	20	18	2	14
24	Бегство-избегание	30	5	25	2	43	10	33	3
25	Планирование решения проблемы	36	0	36	1	29	2	27	5
26	Положительная переоценка	20	0	20	4	52	0	52	1
27	Планирование	9	0	9	10	13	5	8	13
28	Моделирование	14	2	12	7,5	28	1	27	5
29	Программирование	12	1	11	9	16	6	10	11
30	Оценивание	11	7	4	13	27	0	27	5
31	Гибкость	22	3	19	5,5	14	0	14	9
32	Самостоятельность	24	5	19	5,5	15	6	9	12
Эмоциональный									
33	Понимание чужих эмоций	28	0	28	5,5	41	9	32	5

34	Управление чужими эмоциями	36	2	34	2	36	3	33	3,5
35	Понимание своих эмоций	28	0	28	5,5	31	12	19	7
36	Управление своими эмоциями	26	3	23	7	58	12	46	1
37	Контроль экспрессии	20	2	18	8	21	10	11	9
38	Межличностный эмоциональный интеллект	23	13	10	9	41	2	39	2
39	Внутриличностный эмоциональный интеллект	31	0	31	3,5	27	11	16	8
40	Понимание эмоций	35	0	35	1	42	13	29	6
41	Управление эмоциями	39	8	31	3,5	44	11	33	3,5
Поведенческий									
42	Негативное прошлое	1	6	-5	11	32	8	24	4
43	Позитивное прошлое	3	6	-3	13	10	9	1	13
44	Фаталистическое настоящее	7	11	-4	4	10	6	4	8,5
45	Гедонистическое настоящее	14	4	10	10	7	11	-4	8,5
46	Будущее	23	5	18	6	6	4	2	11
47	Властный-лидирующий	40	5	35	1	29	1	28	3
48	Независимый-доминирующий	16	0	16	7,5	25	2	23	5
49	Прямолинейный-агрессивный	31	0	31	2	19	0	19	6
50	Недоверчивый-скептический	27	1	26	4	14	12	2	12
51	Покорный-застенчивый	18	2	16	7,5	21	8	13	7
52	Зависимый-послушный	28	2	26	4	14	11	3	10
53	Сотрудничающий-конвенциональный	15	0	15	9	30	1	29	2
54	Ответственный-великодушный	26	0	26	4	52	3	49	1

Значимыми специфическими базовыми элементами, интегриирующими структуру мотивационно-потребностного компонента социальных установок межличностного взаимодействия «выгорающих» волонтеров ЭГ, выступают такие его элементы, как «Стимуляция» и «Достижение», а у «выгорающих» волонтеров КГ – «Универсализм». Значимыми качествами когнитивного компонента волонтеров ЭГ выступают «Дистанцирование» и «Планирование решения проблемы», а волонтеров КГ – «Самоконтроль» и «Положительная переоценка»; эмоционального компонента профессионально-ориентированных волонтеров – «Внутриличностный эмоциональный интеллект» и «Понимание эмоций», а у непрофессионально ориентированных – «Управление своими эмоциями» и «Межличностный эмоциональный интеллект»; поведенческого компонента волонтеров ЭГ – «Фаталистическое настоящее», «Прямолинейный-агрессивный», «Недоверчивый-скептический» и «Зависимый-послушный», а у волонтеров КГ – «Властный-лидирующий» и «Сотрудничающий-конвенциональный».

Таким образом, социальные установки межличностного взаимодействия «выгорающих» профессионально-ориентированных волонтеров имеют следующие особенности: мотивационно-потребностный компонент характеризуется потребностями в разнообразии и глубоких переживаниях, в новизне, в личном успехе через демонстрацию социальной компетентности; когнитивный компонент – обесценивает значимости собственных переживаний и снижением степени эмоциональной вовлеченности в ситуацию; содержит вектор на выполнение профессиональной миссии, в которой разработан определенный план действий, регулируемый объективными условиями, имеется ясная цель деятельности с позиции профессиональной реализации и упрочения навыков; эмоциональный компонент представлен способностью к интроспекции и управлению собственными эмоциональными состояниями; поведенческий –

импульсивностью, подозрительностью и трепетным отношением, скептицизмом и неконформностью, настойчивостью в достижении цели.

Отличительными характеристиками мотивационно-потребностного компонента социальных установок межличностного взаимодействия «выгорающих» непрофессионально ориентированных волонтеров выступают потребности выживания и защиты благополучия людей; когнитивного компонента — целенаправленное подавление и сдерживание эмоций, минимизация их влияния на оценку ситуации и выбор стратегии поведения, положительное ее переосмысление как стимула для личностного роста; эмоционального — способности к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей и управлению ими; эмпатия по отношению к благополучателям и создание «идеальных условий» для получения определенного результата от деятельности; поведенческого — уверенность, выраженная демонстрация дружелюбия и повышенной включенности в «общее дело», стремления к тесному сотрудничеству с референтной группой.

Оценка гомогенности и гетерогенности структур компонентов социальных установок межличностного взаимодействия профессионально-ориентированных и непрофессионально-ориентированных волонтеров, выполненная с помощью метода экспресс- χ^2 , засвидетельствовала отсутствие корреляционных взаимосвязей между ранговыми распределениями показателей структур эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов (таблица 6).

Таблица 6
Корреляционные взаимосвязи показателей рангов структур компонентов социальных установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков ЭГ и КГ (г- Спирмен, $p<0,05$)

Table 6
Correlation relationships of the ranks of the structures of the components of social attitudes of interpersonal interaction of medical volunteers of the EG and CG (r- Spearman, $p<0.05$)

Компонент Группа	Мотивационно- потребностный	Эмоциональный	Когнитивный	Поведенческий
ЭГ	1,00	0,71*	1,00	-0,15
КГ	0,71*	1,00	-0,15	1,00

Примечание: ЭГ — профессионально-ориентированные волонтеры-медики; КГ — непрофессионально-ориентированные волонтеры-медики

Следовательно, эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты социальных установок межличностного взаимодействия волонтеров являются гетерогенными. Таким образом, условия и содержание добровольческой деятельности специфицируют их структуру и содержание.

Полученные результаты согласуются с ранее полученными результатами отечественных и зарубежных исследований. С помощью библиометрического анализа публикационной активности ученых по запросу «выгорание медицинских работников» за последние 10 лет, выполненного в электронном пространстве национальной медицинской библиотеки «PubMed» с применением программного обеспечения «VOSviewer», выявлено, что в период с 2020 г. по 2024 г. исследовательское внимание преимущественно сконцентрировано на поиске факторов риска профессионального выгорания (профессиональная идентичность, образовательный формат) у специалистов первичной медико-санитарной помощи в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19 [19] и студентов-медиков [20], личностных ресурсов преодоления профессионального выгорания: практичность, смелость, отсутствие конформизма, смелость и высокий самоконтроль могут выступать факторами преодоления выгорания медицинских работников) [15], автономная мотивация и удовлетворенность жизнью [22], эмоциональных интеллект [18, 21], а также диагностика профессионального выгорания

работников после пандемии COVID-19 и профилактика последствий [14], работы системы комплексной психологической поддержки медицинского персонала в период пандемии [3].

Выводы. Исследование особенностей структурной организации социальных установок межличностного взаимодействия «выгорающих» волонтеров-медиков, работающих в условиях ЧС, позволило сформулировать следующие выводы:

- профессионально-ориентированные и непрофессионально-ориентированные волонтеры-медики выгорают в условиях экстремизации деятельности. Причем непрофессионально-ориентированные подвержены большему влиянию;
- социальные установки межличностного взаимодействия «выгорающих» волонтеров-медиков имеют свои особенности. И выявить их не только внутри структуры в целом (так называемые структурные эффекты и внутрисистемные перестройки), но и на уровне отдельно взятых компонентов и элементов позволяет метод структурно-психологического анализа (А.В. Карпов);
- структурированность социальных установок межличностного взаимодействия и выраженность выгорания непрофессионально ориентированных волонтеров-медиков больше, чем у профессионально-ориентированных. То есть сама структурная организация социальных установок непрофессионально ориентированных волонтеров детерминирует их адаптивные возможности;
- эмоциональный и когнитивный компоненты структуры социальных установок межличностного взаимодействия «выгорающих» непрофессионально ориентированных волонтеров-медиков интегрированы в большей степени, чем у профессионально ориентированных. Это объясняется эмоциональной и когнитивной сложностью ситуаций межличностного взаимодействия и обеспечивается такими характеристиками их специфических системообразующих базовых качеств (элементов), как целенаправленное сдерживание эмоций, минимизация их влияния на поведение и оценку степени сложности ситуации, ее положительная переоценка, способности к сопереживанию, к пониманию своих и чужих эмоций, эмоциональной регуляции и саморегуляции; можно предположить, что эти компоненты и их элементы катализируют высокое, в сравнении с профессионально ориентированными волонтерами, выгорание;
- мотивационно-потребностный и поведенческий компоненты структуры социальных установок межличностного взаимодействия «выгорающих» профессионально ориентированных волонтеров-медиков интегрированы в большей степени, чем у непрофессионально ориентированных. Это объясняется большей включенностью в реализацию текущих задач и сверхнормативных показателей и обеспечивается такими характеристиками их специфических системообразующих базовых качеств (элементов), как потребности в новизне и разнообразных переживаниях, стремление к успеху, целеустремленность, импульсивность, скептицизмом и неконформность, что позволяет рассматривать эти компоненты и их элементы как ингибиторы профессионального выгорания;
- эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты социальных установок профессионально и непрофессионально ориентированных «выгорающих» волонтеров-медиков разнородны, что свидетельствует о влиянии условий и содержания добровольческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова, Е.С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии / Елена Станиславовна Азарова. - Хабаровск, 2008. – 20 с. – URL : http://irbis.gnpbu.ru/Aref_2008/Azarova_E_S_2008.pdf (дата обращения: 13.09.2025)

2. Васильковская, М.И. Институт молодежного волонтерства как социально-культурный феномен / М.И. Васильковская. – Текст : электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. - 2018 - №2. – URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK218.pdf>. (дата обращения: 13.09.2025)
3. Верна, В.В. Профилактика профессионального выгорания медицинских работников в период распространения пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 / В.В. Верна, А.А. Иззетдинова. – Текст : электронный // Азимут научных исследований: экономика и управление. - 2020. - Т. 9, № 4(33). - С.91-94. - Текст : непосредственный.
4. Голосной, Д.В. Труд волонтера и его эмоциональное выгорание / Д.В. Голосной, О.Г. Зубова / Современные инновационные технологии в гуманитарной сфере: сб. науч. статей обучающихся. - Сочи, Москва, 2024. - С. 97-99. - Текст : непосредственный
5. Гордеева, С.С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии / С.С. Гордеева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. - 2016. - Вып. 3(27). - С. 135–140. – URL : <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-135-140/> (дата обращения: 13.09.2025)
6. Иванова, Е.М. Психология профессиональной деятельности: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Е.М. Иванова. - М.: Per se, 2006. – 386 с. - Текст : непосредственный
7. Карпов, А.В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности / А.В Карпов. – Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2018. – 744 с. - Текст : непосредственный
8. Кушхова, А.М. Становление волонтерских движений в России: проблемы развития и динамика / А.М. Кушхова, А.А. Кубова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. - 2023. - Том 15, № 4. - С. 135-142. – URL : <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-135-142> (дата обращения: 13.09.2025)
9. Молочко, Е.В. Вклад волонтеров-медиков Крыма в формирование здорового образа жизни населения / Е.В. Молочко. – Текст : электронный // Научный вестник Крыма. - 2018. - № 6 (17). – URL : <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/356/563> (дата обращения: 13.09.2025)
10. Молчанова, Л.Н. Внутрипрофессиональная дифференциация состояния выгорания в педагогической деятельности / Л.Н. Молчанова // Казанский педагогический журнал. - 2009. - № 9-10 (75-76). - С. 124-133. - Текст : непосредственный.
11. Молчанова, Л.Н. Трансформация состояния психического выгорания в личностные свойства как проявление профессиональной деформации представителей профессий помогающего типа / Л.Н. Молчанова, Е.Е. Старкова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. - 2013. - Т. 19, № 3. - С. 40-44. - Текст : непосредственный
12. Никишина, В.Б. Состояния выгорания медицинских работников в контексте внутрипрофессиональной дифференциации / В.Б. Никишина, Л.Н. Молчанова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. - 2011. - № 24. - С. 986-993. - Текст : непосредственный.
13. Овчинникова И.И., Ермильченко С.О., Недашковская М.П. Роль волонтерства в период СВО в современном российском обществе / В сборнике: Специальная военная операция (СВО) и гражданское общество: социальное самочувствие, оценка, адаптация. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2024. С. 264-267.
14. Полякова, О.Б. Профессиональное выгорание медицинских работников как последствие пандемии COVID-19: систематический обзор Scopus 2024 / О.Б. Полякова, Т.И. Бонкало. – Текст : электронный // Здоровье мегаполиса. – 2025. - № 6 (1). – С. 98 - 107. – URL : <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i1;98-107> (дата обращения: 17.10.2025)
15. Рерке, В.И. Личностные ресурсы преодоления профессионального выгорания медицинских работников в период пандемии COVID-19 / В.И. Рерке, В.И. Демаков, И.С. Бубнова. – Текст : электронный // Научно-педагогическое обозрение. - 2022. - Вып. 1 (61). -

- С. 170–180. – URL : <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-1-170-180>.
16. Серова, Е.А. Профилактика эмоционального выгорания студентов- волонтеров как фактор сохранения их психического здоровья: постановка проблемы / Е.А. Серова. – Текст : электронный // Психология здоровья в образовательном процессе (с использованием дистанционных технологий): сб. материалов Региональной науч.-прак. конф.; под ред. В.А. Липатова. - Курск, 2021. - С. 98-102. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=47243477&ysclid=miytv44p5w33353240> (дата обращения: 13.09.2025)
17. Торотоева, А.М. Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как вид добровольческой деятельности: основные черты, препятствия и возможности развития / А.М. Торотоева. - Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. – 2022. – № 4. – С. 89–108. DOI: 10.31249/rsoc/2022.04.06.
18. Blanchard C., Kravets V., Schenker M., Moore T.Jr. Emotional intelligence, burnout, and professional fulfillment in clinical year medical students. *Med Teach*, 2021, vol. 43 no. 9, pp. 1063-1069. DOI: 10.1080/0142159X.2021.1915468.
19. Cullum R.J., Shaughnessy A., Mayat N.Y., Brown M.E. Identity in lockdown: supporting primary care professional identity development in the COVID-19 generation. *Educ Prim Care*. 2020. 31(4):200-204. DOI: 10.1080/14739879.2020.1779616.
20. Esguerra S. et al. Are medical students happy despite unhappy conditions: a qualitative exploration of medical student cohorts during disruptive conditions. *BMC Medical Education*. 2023. 23:214 DOI: 10.1186/s12909-023-04203-6.
21. Merino-Soto C., Angulo-Ramos M., Llaja-Rojas V., Chans G.M. Academic performance, emotional intelligence, and academic burnout: A cross-sectional study of a mediational effect in nursing students. *Nurse Educ Today*, 2024, vol. 139 pp. 106221. DOI: 10.1016/j.nedt.2024.106221.
22. Yandan Wu & Chunxiao Li Helping Others Helps A Self-Determination Theory Approach on Work Climate and Wellbeing among Volunteers // *Applied Research in Quality of Life*. 2019. №14, pp.1099–1111. DOI: 10.1007/s11482-018-9642-z.

Получена: 10.08.2025

Принята к публикации: 18.11.2025

FEATURES OF SOCIAL ATTITUDES OF INTERPERSONAL INTERACTION OF "BURNED OUT" MEDICAL VOLUNTEERS WORKING IN EMERGENCY SITUATIONS

© Lyudmila N. Molchanova, Alesya A. Kuznetsova, Kristina V. Kasyanova

Lyudmila N. Molchanova - Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology of Health and Neuropsychology, Kursk State Medical University

e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Address: 305041, 3 K. Marx str., Kursk, Russian Federation

Alesya A. Kuznetsova - Candidate of Psychological Sciences, Vice-Rector for Educational Work, Social Development and Public Relations, Head of the Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University

e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

Address: 305041, 3 K. Marx str., Kursk, Russian Federation

Kristina V. Kasyanova - Assistant Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University

e-mail: sam.meteorit@yandex.ru

Address: 305041, 3 K. Marx str., Kursk, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. Professionally oriented volunteering is a supra-situational activity and, due to its high intensity, high demand, and irregular schedule, contributes to increased psycho-emotional stress in interactions with others, depletion of personal resources, and the development of emotional burnout. The specific social attitudes of medical volunteers toward its implementation in extreme situations act as both catalysts and inhibitors.

Purpose. To examine the structural organization of social attitudes in interpersonal interactions among "burned-out" medical volunteers working in emergency situations.

Materials and Methods. The total sample size consisted of 194 medical volunteers aged 18 to 26 years, with one to eight years of experience. Of these, the experimental and control groups included 97 professionally oriented and 97 non-professionally oriented medical students. Standardized questionnaires were used to assess emotional burnout and the components of the social attitudes and interpersonal interaction structure, and mathematical statistics and structural psychological analysis were used to process the results.

Results. The characteristics of social attitudes and interpersonal interactions among professionally and non-professionally oriented medical volunteers working in emergency situations were empirically identified. Professionally oriented medical volunteers, who have a lower burnout score than non-professionally oriented volunteers, have a greater integration of the motivational-need and behavioral components, while professionally oriented volunteers have a greater integration of the cognitive and emotional components. This should be taken into account when developing a burnout prevention program.

Conclusions. The significantly higher burnout rate among non-professionally oriented medical volunteers in the context of extreme volunteering, coupled with a more structured social attitudes toward interpersonal interactions than among professionally oriented volunteers, serves as an adaptive response. The leading role in its occurrence among non-professionally oriented medical volunteers belongs to the emotional and cognitive components of their social attitudes, while the motivational-needs and behavioral components play a key role in overcoming it among professionally oriented volunteers.

Key words: *professional burnout, medical volunteers, social attitudes, professionally oriented volunteers, non-professionally oriented volunteers, emergency response regime*

REFERENCES

1. Azarova E.S. Psikhologicheskie determinanty i effekty dobrovol'cheskoi deyatel'nosti: Avtoref. ... kand. psikhol. nauk / E.S. Azarova. Khabarovsk, 2008.
2. Vasil'kovskaya M.I. Institut molodezhnogo volonterstva kak sotsial'no-kul'turnyi fenomen // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya, 2018 №2, <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK218.pdf>.
3. Verna V.V., Izzetdinova A.A. Profilaktika professional'nogo vygoraniya meditsinskikh rabotnikov v period rasprostraneniya pandemii koronavirusnoi infektsii COVID-19 // Azimut nauchnykh issledovanii: ekonomika i upravlenie. 2020. T. 9. № 4(33). S.91-94.
4. Golosnoi D.V., Zubova O.G. Trud volontera i ego emotSIONAL'NOE vygoranie / V sbornike: Sovremennye innovatsionnye tekhnologii v gumanitarnoi sfere. Sbornik nauchnykh statei obuchayushchikhsya. Sochi, Moskva, 2024. S. 97-99.
5. Gordeeva S.S. Sushchnost' i struktura sotsial'noi ustanovki v sotsiologii i sotsial'noi psikhologii // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. 2016. Vyp. 3(27). S. 135–140. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-135-140/>
6. Ivanova E.M. Psikhologiya professional'noi deyatel'nosti. M., 2006.
7. Karpov, A.V. Metasistemnaya organizatsiya individual'nykh kachestv lichnosti / A.V Karpov. – Yaroslavl': YarGU im. P.G. Demidova, 2018. – 744 s.
8. Kushkhova A.M., Kubova A.A. Stanovlenie volonterskikh dvizhenii v Rossii: problemy razvitiya i dinamika // Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2023. Tom 15, № 4. S. 135-142. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-135-142>
9. Molochko E.V. Vklad volonterov-medikov Kryma v formirovание zdorovogo obraza zhizni naseleniya //Nauchnyi vestnik Kryma. 2018. № 6 (17).
10. Molchanova L.N. Vnutriprofessional'naya differentsiatsiya sostoyaniya vygoraniya v pedagogicheskoi deyatel'nosti // Kazanskii pedagogicheskii zhurnal. 2009. № 9-10 (75-76). S. 124-133.
11. Molchanova L.N., Starkova E.E. Transformatsiya sostoyaniya psikhicheskogo vygoraniya v lichnostnye svoistva kak proyavlenie professional'noi deformatsii predstavitelei professii pomogayushchego tipa // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika. 2013. T. 19. № 3. S. 40-44.
12. Nikishina V.B., Molchanova L.N. Sostoyaniya vygoraniya meditsinskikh rabotnikov v kontekste vnutriprofessional'noi differentsiatsii // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. 2011. № 24. S. 986-993.
13. Ovchinnikova I.I., Ermil'chenko S.O., Nedashkovskaya M.P. Rol' volonterstva v period SVO v sovremennom rossiiskom obshchestve / V sbornike: Spetsial'naya voennaya operatsiya (SVO) i grazhdanskoe obshchestvo: sotsial'noe samochuvstvie, otsenka, adaptatsiya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Makhachkala, 2024. S. 264-267.
14. Polyakova O.B., Bonkalo T.I. Professional'noe vygoranie meditsinskikh rabotnikov kak posledstvie pandemii COVID-19: sistematicheskii obzor Scopus 2024. Zdorov'e megapolisa. 2025;6(1):98–107. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i1;98-107>.

15. Rerke V.I., Demakov V.I., Bubnova I.S. Lichnostnye resursy preodoleniya professional'nogo vygoraniya meditsinskikh rabotnikov v period pandemii COVID-19 // Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. 2022. Vyp. 1 (61). S. 170–180. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-1-170-180>.
16. Serova E.A. Profilaktika emotSIONAL'nogo vygoraniya studentov- volonterov kak faktor sokhraneniya ikh psikhicheskogo zdorov'ya: postanovka problemy / V sbornike: Regional'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Psikhologiya zdorov'ya v obrazovatel'nom protsesse" (s ispol'zovaniem distantsionnykh tekhnologii). Materialy Regional'noi nauchno-prakticheskoi. Pod redaktsiei V.A. Lipatova. Kursk, 2021. S. 98-102.
17. Torotoeva A.M. Volonterstvo v chrezvychainykh situatsiyakh kak vid dobrovol'cheskoi deyatel'nosti: osnovnye cherty, prepyatstviya i vozmozhnosti razvitiya. (Obzor) // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11. Sotsiologiya. – 2022. – № 4. – S. 89–108. DOI: 10.31249/rsoc/2022.04.06.
18. Blanchard C., Kravets V., Schenker M., Moore T.Jr. Emotional intelligence, burnout, and professional fulfillment in clinical year medical students. *Med Teach*, 2021, vol. 43 no. 9, pp. 1063-1069. DOI: 10.1080/0142159X.2021.1915468.
19. Cullum R.J., Shaughnessy A., Mayat N.Y., Brown M.E. Identity in lockdown: supporting primary care professional identity development in the COVID-19 generation. *Educ Prim Care*. 2020. 31(4):200-204. DOI: 10.1080/14739879.2020.1779616.
20. Esguerra S. et al. Are medical students happy despite unhappy conditions: a qualitative exploration of medical student cohorts during disruptive conditions. *BMC Medical Education*. 2023. 23:214 DOI: 10.1186/s12909-023-04203-6.
21. Merino-Soto C., Angulo-Ramos M., Llaja-Rojas V., Chans G.M. Academic performance, emotional intelligence, and academic burnout: A cross-sectional study of a mediational effect in nursing students. *Nurse Educ Today*, 2024, vol. 139 pp. 106221. DOI: 10.1016/j.nedt.2024.106221.
22. Yandan Wu & Chunxiao Li Helping Others Helps A Self-Determination Theory Approach on Work Climate and Wellbeing among Volunteers // *Applied Research in Quality of Life*. 2019. №14, pp.1099–1111. DOI: 10.1007/s11482-018-9642-z.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАТРИОТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В КОНТЕКСТЕ ИХ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

© Вечерин А.В., Чащина А.А., Чумакова М.А., Пташник Ю.П.

Вечерин А.В. – доцент департамента психологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Регионального научно-методического центра «Основы российской государственности», Сибирский федеральный университет, кандидат психологических наук
e-mail: avecherin@hse.ru

Адрес: 109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11, Российская Федерация

Чащина А.А. – доцент кафедры теории и методики социальной работы, Юридический институт ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»; ведущий научный сотрудник Регионального научно-методического центра «Основы российской государственности» ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», кандидат философских наук
e-mail: Chashina05@mail.ru

Адрес: 660041, Красноярский край, Красноярск, пр. Свободный, 79, Российская Федерация

Чумакова М.А. – доцент департамента психологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Регионального научно-методического центра «Основы российской государственности» ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», кандидат психологических наук
e-mail: mchumakova@hse.ru

Адрес: 109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11, Российская Федерация

Пташник Ю.П. – доцент кафедры открытых горных пород ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»; директор Регионального научно-методического центра «Основы российской государственности» ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», кандидат технических наук
e-mail: YPtashnik@sfu-kras.ru

Адрес: 660041, Красноярский край, Красноярск, пр. Свободный, 79, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. В современной науке патриотизм рассматривается как сложный многокомпонентный феномен, претерпевающий трансформацию в сознании молодежи. Существующие исследования выявляют противоречия между декларируемой поддержкой патриотизма и личной самоидентификацией, а также региональную и профессиональную дифференциацию патриотических установок, что требует перехода от упрощенных моделей к дифференцированным подходам в изучении патриотизма.

Цель. Проведение структурно-типологического анализа патриотических установок студенческой молодежи для выявления их латентных компонентов и качественно различных типов представлений о патриотизме.

Материалы и методы. Эмпирическую базу составили 104 аргументационных эссе студентов вузов Сибирского федерального округа России (Красноярский край, Кемеровская и Иркутская области, Республики Тыва и Хакасия). Методология включала контент-анализ текстов с последующей факторизацией данных для выявления структурных компонентов и кластерный анализ для построения типологии.

Результаты. Факторный анализ выявил три устойчивых структурных компонента патриотизма: коллективно-эмоциональную солидарность, гражданско-практическую ориентацию и культурно-историческую преемственность. Кластерный анализ позволил идентифицировать три типа представлений: рационально-практический (акцент на действиях), интегративный (сбалансированный) и дистанцированный (низкая вовлеченность). Выявлена низкая представленность интегративного типа и отсутствие критического осмысливания прошлого в структуре представлений.

Вывод. Результаты подтверждают многокомпонентную природу патриотизма и демонстрируют его неоднородность в студенческой среде. Полученные данные позволяют разрабатывать дифференцированные подходы к формированию патриотической идентичности в образовательной среде, что имеет практическое значение для совершенствования системы патриотического воспитания в вузах.

Ключевые слова: патриотизм; студенческая молодежь; структурно-типологический анализ; ценностные ориентации; гражданская идентичность.

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки России в рамках реализации государственного задания № 6938-25 «Научно-методическое обеспечение деятельности регионального центра по включению в образовательные программы высшего образования модуля «Основы российской государственности».

Введение

В современной социологической и психологической науке патриотизм рассматривается как сложный многокомпонентный феномен, включающий когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты. Эмпирические исследования последних лет демонстрируют трансформацию содержательного наполнения патриотизма в сознании молодого поколения, уход от узких интерпретаций к более широкому пониманию, включающему гражданско-практические и культурно-исторические компоненты. Студенческая молодежь представляет собой уникальный объект для изучения патриотических установок в силу своей двойственной социальной позиции: являясь человеческим капиталом будущего, она одновременно представляет собой сформировавшуюся социальную группу с пройденной значительной частью образовательной траектории и накопленным опытом социальных практик. Важным аспектом в этом контексте является изучение ценностных компонентов патриотического потенциала, которые, как показано в исследовании О.В. Сальниковой (2022), образуют сложную структуру, включающую этические, гражданские и культурные ориентации, во многом предопределяющие готовность к активному проявлению патриотической позиции. Данные характеристики позволяют рассматривать патриотические ориентации студентов в качестве значимого эмпирического индикатора результативности системы патриотического воспитания.

В ряде современных эмпирических исследований отечественных авторов констатируется высокий уровень патриотических чувств среди современной студенческой молодежи (А. Н. Николаев, А. Р. Нижник, В. П. Кузьмин, Н. А. Цветкова и другие), однако их содержание и структурные компоненты могут существенно различаться.

Анализ эмпирических данных указывает на сохранение патриотизма как значимой ценности для большинства российских студентов. Так, согласно исследованиям А. Н. Николаева (2024) у студентов-выпускников патриотизм в целом превышает формально средний уровень по большинству компонентов, особенно по отношению к стране и готовности говорить правду о стране. Однако автор фиксирует статистически достоверное снижение уровня патриотизма у студентов за восьмилетний период (с 2015 по 2023 гг.), особенно по компоненту «патриотизм действия», что свидетельствует о росте дифференциации в патриотических установках студенческой молодежи. Данные о высоком уровне патриотических настроений в молодежной среде подтверждаются и в исследовании А. Л. Маршака и соавторов (2024), которые отмечают, что под влиянием современных реалий в российском обществе наблюдается рост числа людей, считающих себя патриотами, а институты власти создают инициативы для укрепления духа россиян. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о методологических основах формирования патриотизма, подробно рассмотренный в работе И. П. Скворцова и С. А. Глотова (2023), где подчеркивается важность создания организационно-педагогических условий для развития деятельностного компонента патриотизма и гражданской ответственности у молодежи. В частности, исследование А. Р. Нижник и В. П. Кузьмина (2024), показавшее отсутствие прямой связи патриотизма с субъективным качеством жизни, косвенно подтверждает наш тезис об автономности и сложной природе патриотических установок. Патриотизм, как показывают оба исследования, является относительно независимым конструктом, в основе которого лежат не столько текущие условия жизни, сколько глубоко усвоенные ценности, такие как выявленные в нашем исследовании коллективно-эмоциональная солидарность и культурно-историческая преемственность. В исследованиях В. В. Маленкова и Н. В. Мальцевой (2020) выявлены значимые различия между качественными и количественными методами изучения патриотизма: в интервью доминируют традиционалистские представления, тогда как в анкетных опросах более явно проявляется гражданская сущность патриотизма. Как отмечают авторы, «полученные в ходе интервью высказывания свидетельствуют о доминировании у студентов традиционалистских представлений о патриотизме. В тоже время по результатам анкетного опроса гражданская сущность патриотизма проявляется более явно» [6, С. 9]. Данная тенденция находит свое подтверждение и в исследованиях патриотизма в других обществах с коллективистской культурой. Например, изучение вьетнамского патриотизма показывает, что его ядро составляют именно традиционалистские и солидаристские элементы: осознание обязательств перед нацией, готовность к жертвенности ради общего блага и чувство сопричастности к коллективной судьбе народа (Van & Hong, 2025). Авторы так же отмечают, что концепт «гражданственность» воспринимается студентами как формальный и эмоционально нейтральный, в отличие от патриотизма, вызывающего яркие эмоциональные реакции. Ядром представлений о патриотизме выступает его интерпретация как иррационального чувства, изначально присущего каждому человеку в силу его рождения на определенной территории, при этом в структуре представлений преобладает традиционалистская модель, а не гражданская. Исследователи приходят к выводу: «в структуре представлений о патриотизме превалирует традиционалистская модель, а не гражданская, что обусловлено спецификой преобладающего в настоящий момент общественно-политического дискурса» (С. 9). Эта эволюция от «традиционного» к «гражданскому» патриотизму находит свое отражение и в теоретических дискуссиях, в частности, в концепции «конституционного патриотизма», который предполагает лояльность не этнокультурной общности, а демократическим принципам и институтам (Abraham, 2008). Однако, как показывают данные нашего и других отечественных исследований, в российском студенческом сознании доминирующей пока остается традиционалистская модель.

Особый интерес представляют исследования, раскрывающие многомерную природу патриотического сознания. Так, Н. А. Цветкова (2025) в сравнительном анализе курсантов

ФСИН и студентов гражданских вузов выявляет, что первые в значительно более высокой степени идентифицируют себя с патриотами своей страны. В структуре патриотического профиля курсантов доминирует конструктивный патриотизм, однако у них же достоверно выше показатели «слепого» патриотизма, что указывает на сочетание рационального и эмоционально-оценочного компонентов в их патриотических установках [12]. Это перекликается с выводами зарубежных исследований, где также фиксируется одновременное присутствие различных форм патриотизма. Например, Rizaie и коллеги (2023) в своем исследовании работников здравоохранения отмечают, что патриотизм, опосредующий связь между гражданским поведением и устойчивостью производительности, может включать как конструктивные, так и прославляющие (близкие к «слепым») формы, что демонстрирует комплексность этого феномена даже в критических условиях.

Е. В. Демидько (2025) в своем исследовании взаимосвязи установок личностного поведения с пониманием патриотизма выявляет три основных типа патриотической идентификации: рационально-деятельностный (36,7%), эмоционально-созерцательный (41,2%) и критически-преобразующий (22,1%). Автор устанавливает статистически достоверное положительное соотношение между уровнем рефлексивности студентов и их способностью к конструктивному проявлению патриотизма ($r=0,47$, $p<0,01$), что подчеркивает важность критического мышления для формирования зрелой гражданской позиции [1]. Данный вывод находит убедительное подтверждение в международных работах. В частности, Simić (2024) эмпирически показал, что именно конструктивный патриотизм (аналогичный «критически-преобразующему» типу), характеризующийся критической приверженностью и стремлением к улучшению страны, положительно коррелирует с готовностью к коллективным действиям и социально-предпринимательскими намерениями, выступая движущей силой позитивных изменений.

Полученные данные позволили автору сделать вывод, что «имеется высокий уровень корреляции установок личностного поведения с пониманием духовно-нравственных ценностей и патриотизма у студенческой молодежи: чем выше уровень патриотизма и духовно-нравственных ценностей, тем выше готовность брать на себя ответственность, отношение к людям и этика поведения в общественных местах» [1, С. 42]. Эта взаимосвязь между внутренними установками, моральными ценностями и патриотизмом также документируется в зарубежных исследованиях. Так, Ни и коллеги (2024) выявили, что благодарность как позитивная моральная эмоция является значимым предиктором патриотизма, а общая удовлетворенность жизнью опосредует это отношение, что указывает на глубокую интеграцию патриотических чувств в общую систему личностного благополучия и ценностных ориентаций человека.

Важный вклад в понимание патриотизма как ценностной ориентации вносит исследование К. В. Першиной (2020), которая выявляет трехуровневую структуру патриотизма: эмоциональная сторона (отношение к Родине), сознание (понимание патриотизма как ценности) и деятельность (практическое отстаивание патриотических ценностей). Автор отмечает дисбаланс между декларируемой поддержкой патриотизма и личной самоидентификацией: 78,3% респондентов положительно относятся к патриотизму как социальному феномену, но лишь 42,5% из них идентифицируют себя как патриоты. Кроме того, у студентов гуманитарных специальностей доминирует конструктивный патриотизм (67,2%), в то время как у студентов технических направлений преобладает «слепой» патриотизм (54,8%), что свидетельствует о влиянии профессиональной направленности на формирование патриотических установок [9].

На основе анализа патриотического сознания молодёжи Пензенской области И. М. Кузнецов (2023) отмечает, что в его структуре преобладает безоговорочный патриотизм, который характеризуется как «любовь к Родине как таковой, без оглядки на лучшую жизнь где-то, без стремления разрушить сложившиеся ценности» [5, С. 10]. Автор подчёркивает, что региональная специфика патриотических установок тесно связана с историко-

культурными особенностями территории. При этом исследователь критически оценивает существующие методики измерения патриотизма, указывая на их идеологическую нагруженность: «суждения, отражающие слепой вариант патриотизма, сформулированы так, что привлекают прежде всего сторонников консервативных взглядов, а формулировки конструктивного характера – сторонников либеральных ценностей» [5, С. 4]. Выявленная автором региональная специфика патриотизма требует учёта не только содержательных, но и методологических аспектов его изучения.

Согласно эмпирическому исследованию В. С. Калинич и О. Ю. Верпатовой (2023), восприятие патриотизма современной студенческой молодёжью отличается сложностью и многогранностью, с выраженным смещением в сторону его гражданских, а не сугубо военно-патриотических проявлений. Как демонстрируют данные анкетирования, наиболее распространёнными трактовками патриотизма среди респондентов стали: «любить свою страну» (55,4%), «пытаться сделать жизнь в стране лучше» (41,3%), «знать и любить историю и культуру своей страны» (39,5%) и «быть готовым защищать свою страну» (38,2%) [4, С. 169]. Такой спектр ответов отражает стремление молодёжи связывать патриотизм с созидающей деятельностью, гражданской ответственностью и культурной идентичностью, что указывает на её дистанцирование от узко понимаемого военно-оборонного компонента в концепции патриотизма. Современное понимание патриотизма как многомерного феномена, включающего эмоциональные, когнитивные и деятельностные компоненты, требует углубленного анализа его структурных особенностей в силу выявленных противоречий между декларируемыми установками и реальной самоидентификацией, а также динамики трансформации содержательного наполнения этого социального явления. Наличие значительного дисбаланса между положительным отношением к патриотизму как общественной ценности и низким уровнем личной идентификации с патриотической позицией, сочетание рациональных и эмоционально-оценочных компонентов в патриотическом сознании, региональная специфика и профессиональная дифференциация патриотических установок свидетельствуют о необходимости перехода от упрощенных моделей к более тонким, дифференцированным подходам в исследовании этой сложной социальной ценности.

Целью нашего исследования стало проведение структурно-типологического анализа патриотических установок студенческой молодежи для выявления их латентных компонентов и качественно различных типов представлений о патриотизме.

Материалы и методы. В качестве эмпирической основы данного исследования выступают аргументационные эссе, созданные студентами высших учебных заведений Сибирского федерального округа. Исследуемая совокупность включает образцы письменной речи студентов из пяти субъектов Российской Федерации: Красноярского края, Кемеровской и Иркутской областей, а также Республики Тыва и Хакасия. Данные материалы были получены в ходе участия студентов в региональном этапе Всероссийского студенческого конкурса социальных проектов «Российская государственность», реализуемого в рамках проекта ДНК России.

Формирование исследовательской выборки осуществлялось на основании критерия содержательной релевантности: в анализ включены только те работы, которые содержали развернутый аргументированный ответ на поставленный исследовательский вопрос о сущности патриотизма как социальной ценности. Итоговая выборка составила 104 текста, собранных из 25 различных высших учебных заведений указанных регионов.

Для систематического изучения содержания текстового материала был применен метод контент-анализа, реализованный в три последовательных этапа.

Этап 1: Первичное кодирование и выявление категорий

На первом этапе исследования два независимых эксперта-аналитика провели сквозное чтение всего массива текстовых материалов. Целью данного этапа являлось выявление как эксплицитно представленных, так и имплицитно выраженных категорий, используемых респондентами при концептуализации феномена патриотизма. В ходе

анализа фиксировались все значимые смысловые единицы, относящиеся к исследуемой проблематике.

Этап 2: Формирование единого тезауруса

После завершения первичного кодирования был организован процесс сравнительной экспертизы, в ходе которого осуществлялось сопоставление результатов работы независимых экспертов. Проведение содержательной дискуссии между экспертами позволило устранить субъективные расхождения в интерпретации данных и согласовать терминологические различия. В результате данной процедуры был сформирован единый тезаурус, включающий 14 семантических категорий, адекватно отражающих понятийное поле исследуемого конструкта патриотизма в сознании современных студентов.

Этап 3: Формализованная разметка текстов

На заключительном этапе исследования каждый текст из исследовательской выборки был подвергнут повторной сквозной проверке с применением разработанного тезауруса. Осуществлялась формализованная разметка текстовых материалов по принципу бинарного кодирования, где: «1» обозначал наличие в тексте признаков соответствующей семантической категории; «0» фиксировал отсутствие указанных признаков.

Данный подход к кодированию позволил трансформировать качественные данные в структурированную матрицу количественных показателей, пригодную для последующей статистической обработки и интерпретации в рамках количественного анализа. Полученная матрица данных обеспечила возможность проведения комплексного анализа структурных и кластерных характеристик исследуемого феномена.

Для дальнейшей статистической обработки данных был выбран метод факторного анализа. Выбор обусловлен рядом принципиально важных методологических и содержательных аспектов, определяющих специфику исследования концептуального поля патриотизма. Факторный анализ представляет собой оптимальный инструмент для выявления латентных структур в многомерных данных, что особенно актуально в исследованиях социально-гуманитарной направленности. В данном случае, несмотря на первоначальное выделение 14 семантических категорий через контент-анализ, существует вероятность того, что эти категории не являются полностью независимыми, а объединяются в более глубокие, скрытые измерения исследуемого конструкта. Факторный анализ позволяет обнаружить эти скрытые факторы, которые могут отражать фундаментальные измерения патриотизма в сознании современных студентов, неявно присутствующие в их аргументационных построениях. Результаты факторного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты факторного анализа данных контент-анализа представлений студентов о патриотизме (вращение oblimin)

Table 1

Results of the factor analysis of the content analysis data on students' perceptions of patriotism (Oblimin rotation)

Категории	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Уникальность
Объединение людей в единое целое	0.772			0.402
Чувство сопричастности к общей судьбе народа	0.707			0.420
Готовность к личным жертвам ради общего блага	0.645			0.548
Готовность защищать интересы страны	0.514			0.710
Чувство любви к своей стране				0.893
Стремление трудиться на благо Отечества		0.982		0.024
Повседневная гражданская активность		0.589	0.335	0.522

Осознание долга перед будущими поколениями				0.934
Сохранение традиций и культурных ценностей			0.733	0.441
Гордость за достижения страны и ее историю			0.392	0.737
Знание и уважение истории страны			0.387	0.720
Формирование национального самосознания	0.329		0.379	0.699
Уважение к государственным символам			0.345	0.859
Критическое осмысление прошлого для улучшения будущего				0.847

Результаты и их обсуждение. В ходе проведенного факторного анализа данных контент-анализа представлений студентов о патриотизме выявлено три устойчивых структурных компонента, отражающих различные измерения представлений о патриотизме у студентов (таблица 1). Решение об итоговом количестве факторов было принято на основании параллельного анализа и «графика осыпи».

Первый фактор, объединяющий такие ключевые элементы, как объединение людей в единое целое (0.772), чувство сопричастности к общей судьбе народа (0.707), готовность к личным жертвам ради общего блага (0.645) и готовность защищать интересы страны (0.514), целесообразно обозначить как «Коллективно-эмоциональную солидарность». Данный компонент отражает фундаментальную способность индивида переживать свою неразрывную связь с народом как единым организмом, где личные интересы подчиняются общим целям сообщества. Высокие факторные нагрузки указывают на доминирование именно этого измерения в структуре патриотического сознания студентов. Особую значимость представляет выявленная взаимосвязь между эмоциональным переживанием общей судьбы и волевой готовностью к самопожертвованию, что свидетельствует о синтезе аффективной и волевой составляющих в данном аспекте патриотизма. Данный фактор, таким образом, раскрывает ту часть представлений о патриотизме, где преобладает эмоциональная связь с народом как носителем общей судьбы и готовность к активным действиям в интересах коллектива.

Второй фактор, характеризующийся чрезвычайно высокой нагрузкой по категории «стремление трудиться на благо Отечества» (0.982) и значимой по «повседневной гражданской активности» (0.589), предложено назвать «Гражданско-практическая ориентация». В отличие от первого фактора, данный компонент акцентирует внимание не на эмоциональных переживаниях, а на повседневных действиях и конкретных проявлениях гражданской позиции. Стремление к труду как форме патриотического служения обществу выступает здесь центральным элементом, вокруг которого формируется система повседневных гражданских практик. Интересно, что в современных исследованиях сфера такой практической деятельности расширяется, включая и экологическую ответственность. Зарубежные исследователи показывают, что патриотизм, понимаемый как забота о своей стране и желание сохранить ее для будущих поколений, является значимым предиктором про-экологического поведения (Cafaro, 2010; Hamada et al., 2021). Таким образом, выявленный компонент может лежать в основе не только традиционных форм труда на благо страны, но и новых, актуальных видов гражданской активности, таких как экологическое волонтерство. Высокая чистота этого фактора (низкая уникальность для обеих категорий) свидетельствует о его компактности и внутренней целостности как отдельного измерения представлений о патриотизме. Данный компонент отражает переход от абстрактных представлений о патриотизме к его конкретной, деятельностной реализации в повседневной жизни, что представляет собой важный аспект формирования зрелой гражданской позиции.

Третий фактор, объединяющий сохранение традиций и культурных ценностей (0.733), а также включающий в меньшей степени гордость за достижения страны (0.392), знание истории (0.387) и уважение государственных символов (0.345), целесообразно обозначить как «Культурно-историческую преемственность». Данный компонент раскрывает связь патриотизма с исторической памятью и культурным наследием, где сохранение традиций выступает ключевым элементом, обеспечивающим преемственность поколений. Высокая нагрузка категории сохранения традиций по сравнению с другими элементами данного фактора указывает на приоритет именно этого аспекта в культурно-историческом измерении патриотического сознания студентов. Важно отметить, что данный фактор, в отличие от двух предыдущих, менее выражен в сознании респондентов, о чем свидетельствуют более низкие факторные нагрузки у ряда его составляющих. Тем не менее, его выделение как отдельного компонента подчеркивает значимость культурно-исторического контекста для понимания полной картины представлений о патриотизме у студентов, где прошлое выступает основой для осмысливания настоящего и будущего.

Важным практическим аспектом формирования патриотизма выступает использование пятикомпонентной модели (пентабазиса), которая отражает основные элементы структуры идентичности гражданина: человек, семья, общество, страна, государство. Данный подход соответствует этапам социализации личности и реализуется через вовлечение молодежи в деятельность, направленную на сохранение исторической памяти. Примером может служить участие волонтеров в оцифровке архивов в рамках всероссийских проектов, что способствует не только сохранению культурного наследия, но и формированию феномена «исторической памяти и преемственности поколений» как базового элемента гражданской идентичности. Согласно данному подходу, ядро национальной идентичности формируется пятью взаимосвязанными элементами: историческое единство, культурное наследие, государственность, патриотизм и социальная справедливость [13, С. 6], что согласуется с выявленными в нашем исследовании структурными компонентами — коллективно-эмоциональной солидарностью, гражданско-практической ориентацией и культурно-исторической преемственностью, — что подчеркивает комплексный характер патриотизма как ценностно-мировоззренческого конструкта, интегрирующего личностные и общественные интересы.

Особый интерес представляет анализ категорий, не вошедших ни в один из выделенных факторов, а именно: чувство любви к своей стране, осознание долга перед будущими поколениями и критическое осмысление прошлого для улучшения будущего. Высокие значения уникальности для этих категорий (0.893, 0.934 и 0.847 соответственно) свидетельствуют об их слабой корреляции с выявленными структурными компонентами представлений о патриотизме. Эти результаты могут быть объяснены несколькими взаимосвязанными причинами. Чувство любви к стране, будучи фундаментальной эмоциональной основой патриотизма в традиционном понимании, оказалось не выделено как отдельная категория, что может свидетельствовать о том, что для современных студентов эта эмоция не выступает как самостоятельный конструкт, а распадается на более конкретные проявления, представленные в выделенных факторах.

Отсутствие осознания долга перед будущими поколениями в структуре представлений о патриотизме может быть связано с особенностями возрастной психологии студентов, находящихся в переходном возрасте, где доминируют текущие задачи и актуальные потребности. Временная перспектива у студентов ограничена краткосрочным планированием, в котором «не находится места» для мыслей о будущих поколениях. Кроме того, это может указывать на недостаточное развитие межпоколенческой преемственности в современном обществе, где акцент смещен в сторону индивидуализма и материализма. Такая тенденция согласуется с исследованиями, указывающими на снижение исторического сознания у молодежи в условиях постмодернистской культуры [3].

Отсутствие критического осмысления прошлого в структуре представлений о патриотизме представляет собой наиболее значимый результат исследования. Это может свидетельствовать либо о недостаточном развитии критического мышления у респондентов, либо о том, что в их понимании патриотизм ассоциируется с безусловной поддержкой страны, а критический анализ истории рассматривается как несовместимый с патриотическими чувствами.

В рамках исследования представлений о патриотизме студентов был проведен кластерный анализ на основе выявленных ранее трех факторов патриотизма: коллективно-эмоциональной солидарности, гражданско-практической ориентации и культурно-исторической преемственности (таблица 2). Кластерный анализ представляет собой методологически обоснованный этап, логически дополняющий факторный анализ в исследовании структуры концептуализации патриотизма. Если факторный анализ позволил выявить латентные измерения патриотизма, сократив первоначальные 14 семантических категорий до меньшего числа теоретически содержательных факторов, то кластерный анализ направлен на выявление типологических групп студентов на основе комбинации выявленных факторных нагрузок.

Анализ выявил три качественно различных типа представлений о патриотизме, каждый из которых характеризуется уникальным профилем выраженности указанных компонентов (по совокупности критериев из пакета NbClust в среде R). Представленные ниже результаты позволяют глубже понять структуру представлений о патриотизме в студенческой среде и выявить специфические модели гражданской позиции молодежи.

Таблица 2
Результаты кластерного анализа факторной структуры представлений о патриотизме
Table 2
Results of the cluster analysis of the factor structure of perceptions of patriotism

Факторы патриотизма	Кластер	Количество	Средне значение	sd	ci (95%)
Коллективно-эмоциональная солидарность	1	39	0,053	1,034	0,335
Коллективно-эмоциональная солидарность	2	24	0,084	0,928	0,392
Коллективно-эмоциональная солидарность	3	41	-0,100	1,023	0,323
Гражданско-практическая ориентация	1	39	0,746	0,095	0,031
Гражданско-практическая ориентация	2	24	0,883	0,101	0,043
Гражданско-практическая ориентация	3	41	-1,227	0,086	0,027
Культурно-историческая преемственность	1	39	-0,873	0,427	0,138
Культурно-историческая преемственность	2	24	1,282	0,497	0,210
Культурно-историческая преемственность	3	41	0,080	0,724	0,229

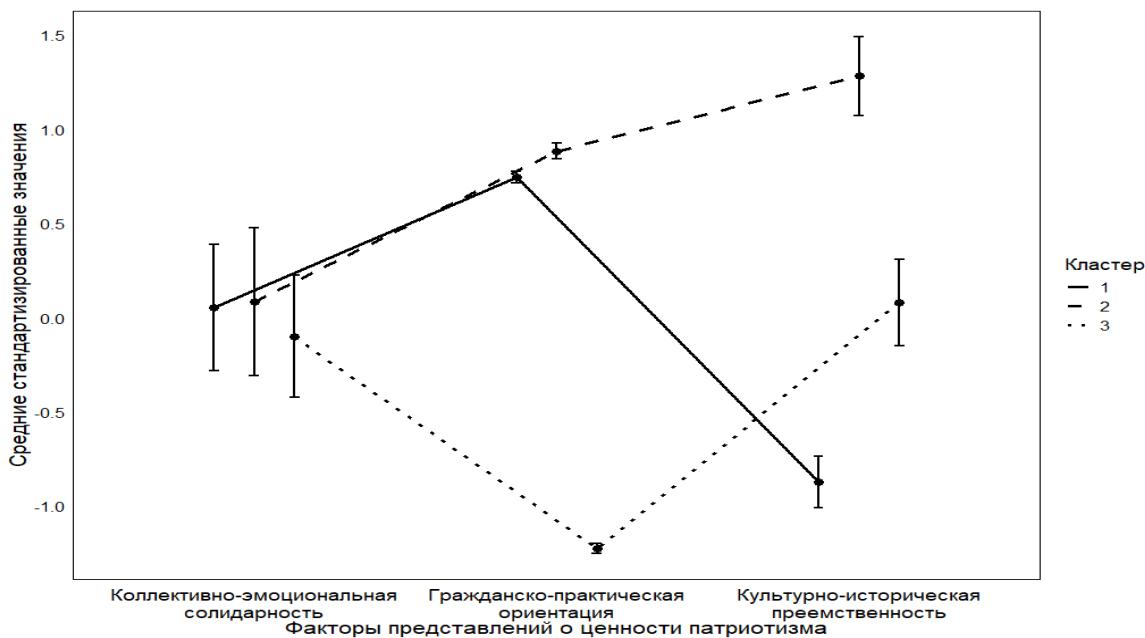

Рис. 1. Средние стандартизированные значения и 95% доверительный интервал для выделенных кластеров по каждому фактору представлений о ценности патриотизма

Fig. 1. Mean standardized values and 95% confidence intervals for the identified clusters across each factor of perceptions about the value of patriotism.

Первый кластер (рисунок 1, сплошная линия), объединяющий 39 респондентов, характеризуется выраженной гражданско-практической ориентацией (среднее значение 0.746) при одновременно низкой выраженности культурно-исторической преемственности (среднее значение -0.873). При этом коллективно-эмоциональная солидарность у представителей данного кластера носит нейтральный характер (среднее значение 0.053), что свидетельствует об отсутствии ярко выраженной эмоциональной привязанности к народу как к коллективу. Данный тип представлений о патриотизме можно охарактеризовать как рационально-практический, где акцент делается на конкретных действиях и повседневной гражданской активности, а не на эмоциональных переживаниях или историко-культурных аспектах. Представители кластера 1 демонстрируют четкую ориентацию на трудовую реализацию патриотических установок, рассматривая служение обществу через профессиональную деятельность как основную форму проявления гражданской позиции. Низкий уровень культурно-исторической преемственности указывает на слабую связь представлений о патриотизме с традициями и историческим наследием, что может отражать определенную деидеологизацию их гражданской позиции.

Второй кластер (рисунок 1, пунктирная линия), включающий 24 респондента, представляет собой наиболее сбалансированный тип представлений о патриотизме, характеризующийся высокой выраженностью как гражданско-практической ориентации (0.883), так и культурно-исторической преемственности (1.282). Коллективно-эмоциональная солидарность у представителей данного кластера также носит позитивный, хотя и умеренный характер (0.084). Этот тип представлений о патриотизме можно охарактеризовать как интегративный, где различные измерения патриотизма взаимно дополняют друг друга, формируя целостную гражданскую позицию. Представители кластера 2 демонстрируют уникальную способность сочетать повседневную гражданскую активность с глубоким уважением к историческому и культурному наследию, что свидетельствует о развитой исторической рефлексии как составляющей их представлений о патриотизме. Интересно, что несмотря на высокую выраженность обоих компонентов, эмоциональная составляющая остается умеренной, что может свидетельствовать о рационально-обоснованном характере их патриотических установок.

Третий кластер (рисунок 1, точечная линия), объединяющий 41 респондента, характеризуется низкой выраженностью гражданско-практической ориентации (среднее значение -1.227) и умеренно-низкой коллективно-эмоциональной солидарностью (среднее значение -0.100), при этом культурно-историческая преемственность у представителей данного кластера носит нейтральный характер (0.080). Данный тип представлений о патриотизме можно охарактеризовать как дистанцированный, где отсутствует выраженная вовлеченность в гражданскую активность и средне развита эмоциональная связь с национальным сообществом. Низкая выраженность коллективно-эмоциональной солидарности указывает на слабую эмоциональную вовлеченность в национальное сообщество, что в совокупности с низкой гражданской активностью формирует профиль пассивного наблюдателя. Подобный профиль может быть связан со слабой актуализацией ценностных компонентов патриотического потенциала, которые, по данным О.В. Сальниковой (2022), являются ключевым внутренним ресурсом для перехода от патриотических чувств к реальной гражданской активности. Особое внимание привлекает крайне низкий уровень гражданско-практической ориентации, который значительно ниже среднего по выборке. Это указывает на то, что представители данного кластера в меньшей степени ассоциируют патриотизм с повседневной деятельностью и трудовым служением обществу. При этом их отношение к культурно-историческим аспектам патриотизма носит нейтральный характер, что может свидетельствовать об отсутствии как явной поддержки, так и отрицания этих элементов. Низкая выраженность коллективно-эмоциональной солидарности указывает на слабую эмоциональную вовлеченность в национальное сообщество, что в совокупности с низкой гражданской активностью формирует профиль пассивного наблюдателя, а не активного участника гражданской жизни.

Реализация патриотического воспитания в образовательной среде успешно осуществляется через систему мероприятий гражданско-патриотической и военно-спортивной направленности. Например, в Сибирском федеральном университете действует военно-патриотический клуб «Патриот Сибири», в рамках которого проводятся всероссийские акции («День Героев Отечества»), военно-тактические игры («Зарница», «Лазертаг»), а также интеллектуальные квизы, клубы исторической реконструкции, направленные на актуализацию знаний по истории и законодательству РФ. Подобные практики способствуют формированию не только эмоционально-чувственного компонента патриотизма, но и его поведенческой составляющей, развивая лидерские качества, командный дух и гражданскую ответственность.

Проведенный кластерный анализ позволил выявить три качественно различных типа представлений о патриотизме среди студентов: pragматически ориентированных граждан, гармонично-интегрированных патриотов и дистанцированных наблюдателей. Каждый из выявленных типов характеризуется уникальным сочетанием трех основных компонентов представлений о патриотизме, что подчеркивает ее многомерность и сложность. Особенно примечательно, что наиболее сбалансированный тип (кластер 2), объединяющий высокую гражданскую активность и глубокую связь с культурным наследием, представлен меньшинством респондентов, тогда как большинство студентов демонстрирует либо узко-практический подход (кластер 1), либо дистанцированную позицию (кластер 3).

Выявленные типы представлений о патриотизме, основанные на структурных компонентах, перекликаются с моделями, описанными в других эмпирических исследованиях. В частности, выявленный Ивченковым С.Г. и Сайгановой Е.В. (2020) «критический патриотизм», характеризующийся конструктивной критикой недостатков в стране, находит свое отражение в умеренной выраженности коллективно-эмоциональной солидарности у наших респондентов из рационально-практического кластера. С другой стороны, «локальный патриотизм» из указанной типологии, сфокусированный на любви к своему городу и семье, возможно, является одной из основ дистанцированной позиции, когда связь с малой родиной присутствует, но не проецируется на активную гражданскую позицию в масштабах страны. Эффективным инструментом формирования локального

патриотизма выступает интеграция образовательных, волонтерских и общественных инициатив, что иллюстрируется опытом Красноярского края. Такие проекты, как региональный конкурс социальных инициатив «Мой край — мое дело», направлены на развитие социально-ответственной позиции школьников и студентов через реализацию собственных проектов в области социального предпринимательства, медиа и инфраструктурного развития. Подобная деятельность способствует осознанию личной причастности к развитию территории и формированию устойчивой идентичности, основанной на гордости за место проживания и готовности к созидательной деятельности.

Выводы. Полученные результаты имеют важные теоретические и практические последствия. С теоретической точки зрения, они подтверждают гипотезу о том, что представления о патриотизме являются сложным многокомпонентным конструктом, где различные измерения могут проявляться независимо друг от друга. С практической точки зрения, выделенные типы позволяют разработать дифференцированные подходы к формированию патриотической идентичности в образовательной среде, учитывающие специфику каждого из выявленных профилей. Особое внимание следует уделить преодолению дистанцированности, выявленной в кластере 3, и развитию интегративного подхода, характерного для кластера 2, что может способствовать формированию более зрелой и устойчивой гражданской позиции у студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демидько, Е. В. Исследование взаимосвязи установок личностного поведения с пониманием личностного поведения и патриотизма у студенческой молодежи / Е. В. Демидько // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 6. – С. 37-43. – DOI 10.24412/2220-2404-2025-6-9. – EDN YYLXCS. - Текст: непосредственный
2. Ивченков, С. Г. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодёжи / С. Г. Ивченков, Е. В. Сайганова // Вестник Института социологии. - 2020. - Том 11. - № 2. - С. 106-125. - DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.643. - Текст: непосредственный
3. Истомина, О. Б. Биосоциальные трансформации постцифровой эзистенции / О. Б. Истомина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2024. – № 4. – С. 48-55. – DOI 10.18101/1994-0866-2024-4-48-55. – EDN HLWHRT. - Текст: непосредственный
4. Калинич, В. С. Патриотизм в восприятии современной студенческой молодёжи / В. С. Калинич, О. Ю. Верпатова // Социология. – 2023. – № 4. – С. 165-174. – EDN NCOLVA. - Текст: непосредственный
5. Кузнецов, И. М. Патриотизм региональной молодёжи в социологическом измерении (на примере Пензенской области) / И. М. Кузнецов // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11, № 2. – С. 25-40. – DOI 10.19181/snsp.2023.11.2.2. – EDN JHXXVO. - Текст: непосредственный
6. Маленков, В. В. Гражданственность и патриотизм в представлениях постсоветского поколения / В. В. Маленков, Н. В. Мальцева // Социология. – 2020. – № 5. – С. 152-162. – EDN WAMOPY. -Текст: непосредственный
7. Нижник, А. Р. Взаимосвязь уровня патриотизма и субъективного качества жизни студентов: опыт эмпирического исследования / А. Р. Нижник, В. П. Кузьмин // Коллекция гуманитарных исследований. – 2024. – № 2(39). – С. 48-54. – DOI 10.21626/j-chr/2024-2(39)/6. – EDN AMAWMR. - Текст: непосредственный
8. Николаев, А. Н. Динамика патриотизма студентов / А. Н. Николаев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2024. – № 2(42). – С. 22-26. – DOI 10.52928/2070-1640-2024-42-2-22-26. – EDN HVVQCM. - Текст: непосредственный

9. Першина, К. В. Патриотизм как ценностная ориентация студентов / К. В. Першина // Вестник экспериментального образования. – 2020. – № 4(25). – С. 39-47. – EDN KVYYXM. - Текст: непосредственный
10. Сальникова, О. В. Ценностные компоненты патриотического потенциала студенческой молодежи / О. В. Сальникова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2022. – № 4(64). – С. 68-76. – DOI 10.21685/2072-3016-2022-4-6. – EDN HTTQMZ. - Текст: непосредственный
11. Скворцов, И. П. Формирование патриотизма у молодёжи в современных социокультурных условиях: теоретические и практические аспекты / И. П. Скворцов, С. А. Глотов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2023. – № 2. – С. 6-20. – DOI 10.18384/2310-7219-2023-2-6-20. – EDN RTOLPU. - Текст: непосредственный
12. Цветкова Н. А. Идентификация «Я – Патриот» и особенности патриотизма у курсантов федеральных казенных образовательных учреждений высшего образования ФСИН России / Н. А. Цветкова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2025. - № 5. - С. 28–36. - Текст: непосредственный
13. Чащина, А. А. Формирование гражданской идентичности средствами нравственной мотивации в условиях вуза / А. А. Чащина, Н. А. Никитина, Н. В. Высоцкая // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2025. – № 56(56). – EDN RVLXNG. - Текст: непосредственный
14. Маршак, А. Л. Гражданственность и патриотизм во взглядах региональной молодежи / А. Л. Маршак, Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина // Власть. – 2024. – Т. 32, № 3. – С. 239-245. – DOI 10.24412/2071-5358-2024-3-239-245. – EDN NNWIQO. - Текст: непосредственный
15. Hamada, T., Shimizu, M. & Ebihara, T. Good patriotism, social consideration, environmental problem cognition, and pro-environmental attitudes and behaviors: a cross-sectional study of Chinese attitudes. *SN Appl. Sci.* 3, 361 (2021). <https://doi.org/10.1007/s42452-021-04358-1>
16. Cafaro, P. Patriotism as an Environmental Virtue. *J Agric Environ Ethics* 23, 185–206 (2010). <https://doi.org/10.1007/s10806-009-9189-y>
17. Abraham D., Constitutional patriotism, citizenship, and belonging, *International Journal of Constitutional Law*, Volume 6, Issue 1, January 2008, Pages 137–152, <https://doi.org/10.1093/icon/mom038>
18. Hu Y, Zhang H, Zhang W, Li Q and Cui G (2024) The influence of gratitude on patriotism among college students: a cross-sectional and longitudinal study. *Front. Psychol.* 15:1278238. doi: 10.3389/fpsyg.2024.1278238
19. Rupar, M., Jamróz-Dolińska, K., Kołeczek, M., and Sekerdej, M. (2021). Is patriotism helpful to fight the crisis? The role of constructive patriotism, conventional patriotism, and glorification amid the COVID-19 pandemic. *Eur. J. Soc. Psychol.* 51, 862–877. doi: 10.1002/ejsp.2777
20. Chiaburu, D. S., Lorinkova, N. M., and Van Dyne, L. (2013). Employees' social context and change-oriented citizenship: a meta-analysis of leader, coworker, and organizational influences. *Group Org. Manag.* 38, 291–333. doi: 10.1177/1059601113476736
21. Simić, A. (2024). Being critical is innovative: Constructive patriotism and collective actions are related to social entrepreneurship intentions. *Social Psychological Bulletin*, 19, Article e12705. <https://doi.org/10.32872/spb.12705>
22. Wang, J. X., & Jia, S. Y. (2015). The Contemporary Value of Patriotism. *Advances in Applied Sociology*, 5, 161-166. <http://dx.doi.org/10.4236/aasoci.2015.55015>
23. Van, T. B., & Hong, V. V. (2025). Vietnam's Patriotism and Its Significance in Comprehensive Education for Students. *Cadernos De Educação Tecnologia E Sociedade*, 18(se3), 183-194. <https://doi.org/10.14571/brajets.v18.nse3.183-194>

TYPOLOGICAL ANALYSIS OF PATRIOTIC ATTITUDES IN THE CONTEXT OF THEIR STRUCTURAL ORGANIZATION

© Alexander V. Vecherin, Anna A. Chashchina, Maria A. Chumakova, Julia P. Ptashnik

Alexander V. Vecherin - Associate Professor of the Department of Psychology, National Research University «Higher School of Economics», Leading Research Fellow of the Regional Scientific and Methodological Center "Foundations of Russian Statehood", Siberian Federal University, Candidate of Psychological Sciences

e-mail: avecherin@hse.ru

Address: 109028, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 11, Russian Federation

Anna A. Chashchina - Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Social Work, Law School, Siberian Federal University, Leading Research Fellow of the Regional Scientific and Methodological Center "Foundations of Russian Statehood", Siberian Federal University, Candidate of Philosophical Sciences

e-mail: Chashchina05@mail.ru

Address: 660041, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Svobodny Avenue, 79, Russian Federation

34

Maria A. Chumakova - Associate Professor of the Department of Psychology, National Research University «Higher School of Economics»; Leading Research Fellow of the Regional Scientific and Methodological Center «Foundations of Russian Statehood» Siberian Federal University, Candidate of Psychological Sciences

e-mail: mchumakova@hse.ru

Address: 109028, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 11, Russian Federation

Julia P. Ptashnik - Associate Professor of Siberian Federal University; Director of the Regional Scientific and Methodological Center «Foundations of Russian Statehood», Siberian Federal University, Candidate of Technical Sciences

e-mail: YPtashnik@sfu-kras.ru

Address: 660041, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Svobodny Avenue, 79, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. In modern science, patriotism is considered a complex, multi-component phenomenon undergoing transformation in the consciousness of youth. Existing research reveals contradictions between declared support for patriotism and personal self-identification, as well as regional and professional differentiation of patriotic attitudes, which necessitates a shift from simplified models to differentiated approaches in studies of patriotism.

Purpose. To conduct a structural and typological analysis of the patriotic attitudes of student youth to identify their latent components and qualitatively different types of perceptions of patriotism.

Materials and Methods. The empirical base consisted of 104 argumentative essays by students from universities in the Siberian Federal District of Russia (Krasnoyarsk Krai, Kemerovo and Irkutsk Oblasts, Republics of Tyva and Khakassia). The methodology included content analysis of the texts with subsequent factor analysis of the data to identify structural components and cluster analysis to build a typology.

Results. Factor analysis revealed three stable structural components of patriotism: collective-emotional solidarity, civic-practical orientation, and cultural-historical continuity. Cluster analysis identified three types of perceptions: rational-practical (focus on actions), integrative (balanced), and distanced (low involvement). A low representation of the integrative type and an absence of critical reflection on the past in the structure of perceptions were revealed.

Conclusion. The results confirm the multi-component nature of patriotism and demonstrate its heterogeneity among the student population. The obtained data allows for the development of differentiated approaches to the formation of patriotic identity in the educational environment, which is of practical importance for improving the system of patriotic education in universities.

Keywords: *patriotism; student youth; structural-typological analysis; value orientations; civic identity.*

This work was supported by the Russian Ministry of Science and Higher Education as part of the implementation of the state assignment № 6938-25 «"Scientific and methodological support for the activities of the regional center for the inclusion of the module 'Foundations of Russian Statehood' into higher education programs»

REFERENCES

1. Demid'ko, E. V. Issledovanie vzaimosvyazi ustanovok lichnostnogo povedeniya s ponimaniem lichnostnogo povedeniya i patriotizma u studencheskoi molodezhi / E. V. Demid'ko // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, Social-Economic and Social Sciences]. – 2025. – № 6. – S. 37-43. – DOI 10.24412/2220-2404-2025-6-9. – EDN YYLXCS.
2. Ivchenkov, S. G. Tsennostnye orientiry i ikh vliyanie na vospriyatiye patriotizma u molodezhi / S. G. Ivchenkov, E. V. Saiganova // Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. - 2020. - Tom 11. - № 2. - C. 106-125. - DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.643.
3. Istomina, O. B. Biosotsial'nye transformatsii posotsifrovoy ekzistsentsii / O. B. Istomina // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Buryat State University]. – 2024. – № 4. – S. 48-55. – DOI 10.18101/1994-0866-2024-4-48-55. – EDN HLWHRT.
4. Kalinich, V. S. Patriotizm v vospriyatiyi sovremennoi studencheskoi molodezhi / V. S. Kalinich, O. Yu. Verpatova // Sotsiologiya [Sociology]. – 2023. – № 4. – S. 165-174. – EDN NCOLVA.
5. Kuznetsov, I. M. Patriotizm regional'noi molodezhi v sotsiologicheskem izmerenii (na primere Penzenskoi oblasti) / I. M. Kuznetsov // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological Science and Social Practice]. – 2023. – T. 11, № 2. – S. 25-40. – DOI 10.19181/snsn.2023.11.2.2. – EDN JHXXVO.
6. Malenkov, V. V. Grazhdanstvennost' i patriotizm v predstavleniyakh postsovetskogo pokoleniya / V. V. Malenkov, N. V. Mal'tseva // Sotsiologiya [Sociology]. – 2020. – № 5. – S. 152-162. – EDN WAMOPY.
7. Nizhnik, A. R. Vzaimosvyaz' urovnya patriotizma i sub"ektivnogo kachestva zhizni studentov: opyt empiricheskogo issledovaniya / A. R. Nizhnik, V. P. Kuz'min // Kolleksiya gumanitarnykh issledovanii [Collection of Humanitarian Research]. – 2024. – № 2(39). – S. 48-54. – DOI 10.21626/j-chr/2024-2(39)/6. – EDN AMAWMR.
8. Nikolaev, A. N. Dinamika patriotizma studentov / A. N. Nikolaev // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki [Bulletin of Polotsk State

- University. Series E. Pedagogical Sciences]. – 2024. – № 2(42). – S. 22-26. – DOI 10.52928/2070-1640-2024-42-2-22-26. – EDN HVVQCM.
9. Pershina, K. V. Patriotizm kak tsennostnaya orientatsiya studentov / K. V. Pershina // Vestnik eksperimental'nogo obrazovaniya [Bulletin of Experimental Education]. – 2020. – № 4(25). – S. 39-47. – EDN KVYYXM.
10. Sal'nikova, O. V. Tsennostnye komponenty patrioticheskogo potentsiala studencheskoi molodezhi / O. V. Sal'nikova // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki [University News. Volga Region. Social Sciences]. – 2022. – № 4(64). – S. 68-76. – DOI 10.21685/2072-3016-2022-4-6. – EDN HTTQMZ.
11. Skvortsov, I. P. Formirovaniye patriotizma u molodezhi v sovremennykh sotsiokul'turnykh usloviyakh: teoreticheskie i prakticheskie aspekty / I. P. Skvortsov, S. A. Glotov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Pedagogy]. – 2023. – № 2. – S. 6-20. – DOI 10.18384/2310-7219-2023-2-6-20. – EDN RTOLPU.
12. Tsvetkova N. A. Identifikatsiya «Ya – Patriot» i osobennosti patriotizma u kursantov federal'nykh kazennykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii vysshego obrazovaniya FSIN Rossii / N. A. Tsvetkova // Vedomosti ugovolovno-ispolnitel'noi sistemy [Bulletin of the Penitentiary System]. – 2025. – № 5. – S. 28–36.
13. Chashchina, A. A. Formirovaniye grazhdanskoi identichnosti sredstvami nравственности motivatsii v usloviyakh vuza / A. A. Chashchina, N. A. Nikitina, N. V. Vysotskaya // Vestnik Vostochno-Sibirskoi Otkrytoi Akademii [Bulletin of the East Siberian Open Academy]. – 2025. – № 56(56). – EDN RVLXNG.
14. Marshak, A. L. Grazhdanstvennost' i patriotizm vo vzglyadakh regional'noi molodezhi / A. L. Marshak, L. V. Rozhkova, A. Sh. Dubina // Vlast' [The Power]. – 2024. – T. 32, № 3. – S. 239-245. – DOI 10.24412/2071-5358-2024-3-239-245. – EDN NNWIQO.
15. Hamada, T., Shimizu, M. & Ebihara, T. Good patriotism, social consideration, environmental problem cognition, and pro-environmental attitudes and behaviors: a cross-sectional study of Chinese attitudes. *SN Appl. Sci.* 3, 361 (2021). <https://doi.org/10.1007/s42452-021-04358-1>
16. Cafaro, P. Patriotism as an Environmental Virtue. *J Agric Environ Ethics* 23, 185–206 (2010). <https://doi.org/10.1007/s10806-009-9189-y>
17. Abraham D., Constitutional patriotism, citizenship, and belonging, *International Journal of Constitutional Law*, Volume 6, Issue 1, January 2008, Pages 137–152, <https://doi.org/10.1093/icon/mom038>
18. Hu Y, Zhang H, Zhang W, Li Q and Cui G (2024) The influence of gratitude on patriotism among college students: a cross-sectional and longitudinal study. *Front. Psychol.* 15:1278238. doi: 10.3389/fpsyg.2024.1278238
19. Rupar, M., Jamróz-Dolińska, K., Kołeczek, M., and Sekerdej, M. (2021). Is patriotism helpful to fight the crisis? The role of constructive patriotism, conventional patriotism, and glorification amid the COVID-19 pandemic. *Eur. J. Soc. Psychol.* 51, 862–877. doi: 10.1002/ejsp.2777
20. Chiaburu, D. S., Lorinkova, N. M., and Van Dyne, L. (2013). Employees' social context and change-oriented citizenship: a meta-analysis of leader, coworker, and organizational influences. *Group Org. Manag.* 38, 291–333. doi: 10.1177/1059601113476736
21. Simić, A. (2024). Being critical is innovative: Constructive patriotism and collective actions are related to social entrepreneurship intentions. *Social Psychological Bulletin*, 19, Article e12705. <https://doi.org/10.32872/spb.12705>
22. Wang, J. X., & Jia, S. Y. (2015). The Contemporary Value of Patriotism. *Advances in Applied Sociology*, 5, 161-166. <http://dx.doi.org/10.4236/aasoci.2015.55015>
23. Van, T. B., & Hong, V. V. (2025). Vietnam's Patriotism and Its Significance in Comprehensive Education for Students. *Cadernos De Educação Tecnologia E Sociedade*, 18(se3), 183-194. <https://doi.org/10.14571/brajets.v18.nse3.183-194>

Received: 13.10.2025

Accepted: 18.12.2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

© Хахутадзе Н.М.К., Кузнецова А.А.

Хахутадзе Н.М.К. – ассистент кафедры психологии здоровья и нейропсихологии ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России

e-mail: HahutadzeNM@kurskstu.net

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российской Федерации

Кузнецова А.А. – проректор по воспитательной работе, социальному развитию и связям с общественностью, зав. кафедрой психологии здоровья и нейропсихологии ФГБОУ ВО

ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России

e-mail: Kuznetsova.a80@mail.ru

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российской Федерации

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Современный мир идет по пути глобализации, поддерживая этот процесс, современное российское высшее образование характеризуется полиглоссией. Главная цель данного процесса — формирование гармонично развитой личности, способной к творческому самовыражению и осознанному выбору своей этнокультурной и гражданской идентичности на основе национальных традиций и ценностей российской и мировой культуры. Из этого вытекает необходимость решения ряда важных задач: создание условий для изучения и понимания культур других народов, воспитание уважения и терпимости в отношениях с людьми разных этнических и расовых групп, при сохранении уникальности каждой культуры и этноса.

Понимание этого, даёт основу к изучению психологических механизмов межличностного взаимодействия различных этнических групп, к поиску различных путей формирования культуры межнационального общения, готовности и способности к продуктивному межкультурному взаимодействию в полиглоссической образовательной среде.

Цель: исследовать психологические механизмы межличностного взаимодействия студентов в полиглоссической образовательной среде.

Материалы и методы. Теоретический анализ научных данных; эмпирические методы: методика «Способ диагностики базовых смысловых установок»; методика «Диагностики коммуникативной установки»; методика «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно - потребностной сфере»; методика «Виды и компоненты толерантности -интолерантности»; «Опросник межличностных отношений»; методика измерения этноцентризма; методы статистической обработки данных.

Результаты. Отечественные студенты склонны устанавливать близкие чувственные отношения, осторожны при установлении близких интимных отношений, при выборе лиц, с которыми создают более глубокие эмоциональные отношения. Интенсивность их поведения, больше направлена на потребность налаживать и поддерживать хорошие отношения с другими, на создание тесных эмоциональных связей с другими. В отличие от иностранных студентов, которые имеют тенденцию и к поиску, и к избеганию людей, осторожны при установлении близких интимных отношений, при выборе лиц, с которыми создают более глубокие эмоциональные отношения.

Выводы. Системообразующую роль в структуре психологических, социально-психологических установок и межличностного взаимодействия у иностранных студентов отводится установочному механизму – «фактор интолерантности», у российских студентов – межличностным отношениям: «фактору интенсивности поведения, направленного на удовлетворение потребности налаживать и поддерживать отношения с другими».

Ключевые слова: *полиэтническая образовательная среда; студенты-иностранные; установки; межличностное взаимодействие; толерантность; интолерантность.*

Введение

Современное российское образование – как высшее, так среднее профессиональное, общее – должно отвечать реалиям и вызовам эпохи и стать многокультурным, активно влияющим на успешную интеграцию обучаемого в современную поликультурную среду единого культурного и образовательного пространства страны [1]. Согласно указу Президента РФ, к 2030 году в России планируется увеличить число иностранных студентов до 500 тысяч человек. Для достижения этой цели к 2030 году, предполагается ежегодный поэтапный рост: в 2026 году — до 425 тысяч, в 2027 году — до 440 тысяч, с последующим ежегодным увеличением на 20 тысяч человек [13]. Соответственно, еще большую актуальность приобретает вопрос о создании условий для эффективной адаптации студентов, приезжающих из разных стран для получения образования в России.

Процесс профессиональной адаптации студентов-иностранных к обучению в российских ВУЗах зачастую осложняется необходимостью изучать не только новые условия обучения, но и новую культуру, быт, язык. Содержанием этой деятельности является освоение новых социокультурных условий, решение проблем в процессе обучения путем использования новых технологий, способов социального поведения, принятия социальных норм и культурных ценностей образовательной среды и страны, уже сложившихся здесь форм межличностного взаимодействия.

Процесс профессиональной адаптации студентов-иностранных также может сопровождаться рядом негативных явлений: высоким уровнем тревожности, психологическим дискомфортом, стрессами и т.д. Их накопление может привести к развитию невротических, психотических и психосоматических расстройств, отклоняющемуся, зависимому (аддиктивному) поведению [4; 5]. В такой ситуации особое значение имеют сложившиеся социальные ожидания и представления относительно специфики обучения в российском университете, особенностей общения преподавателей со студентами, общения студентов между собой.

Целью нашего исследования выступило изучение психологических механизмов межличностного взаимодействия студентов в полиэтнической образовательной среде.

В.И. Слободчиков определяет образование как «универсальный способ трансляции культурно-исторического опыта, дар одного поколения другому; общий механизм социального наследования, механизм связывания нацело некоторой общности людей и способа их жизни, передачи и сохранения норм и ценностей общей жизни во времени» [12].

Термины «поликультурная образовательная среда вуза», «этнокультурная образовательная среда», «поликультурное образование», «полиэтническое образование»,

«многокультурное образование» и «мультикультурное образование» вместе охватывают сущность и особенности полиэтнической образовательной атмосферы.

Полиэтническая образовательная среда высшего учебного заведения, как ключевой фактор межкультурной адаптации студентов, представляет собой сложную систему взаимосвязанных психолого-педагогических, социокультурных, методических, материально-технических и коммуникативных условий. Эти условия направлены на формирование и развитие личностных качеств обучающихся, что способствует их успешной интеграции в поликультурное пространство и эффективному взаимодействию с представителями различных этнических групп в рамках учебной, профессиональной и личной коммуникации. При этом студенты «сохраняют свою этнокультурную идентичность как базовую ценность, что является важным аспектом их личностного и профессионального становления» [13].

Термин «этнос» обозначает социально-историческую общность людей, объединенных единой системой культурных, языковых и ценностных установок, сформировавшихся в процессе этногенеза. Этнос представляет собой устойчивую социальную структуру, включающую в себя племенные, народности и национальные образования. Генезис этноса обусловлен единством этнического самосознания, которое проявляется в осознании идентичности с членами своей общности и в противопоставлении себя другим этническим группам. Ключевыми факторами формирования этноса являются «территориальная целостность, языковая общность и культурная гомогенность, что позволяет рассматривать этнос как целостное образование, обладающее уникальными характеристиками и спецификой» [8].

Поликультурное образование, как ключевой элемент современной образовательной парадигмы, представляет собой многогранное явление, охватывающее интересы различных социальных групп и институциональных уровней. Оно не только способствует гармоничному развитию этнокультурных идентичностей, но и выполняет важные функции в контексте национальной политики и глобальных процессов. Данное направление образовательной практики направлено на формирование межкультурного диалога, укрепление международного сотрудничества и интеграцию различных культурных традиций в единое образовательное пространство [10].

Так, «поликультурная образовательная среда вуза» представляет собой «духовно насыщенную атмосферу деловых и межличностных контактов, обусловливающую кругозор, стиль мышления и поведения, включенных в нее субъектов и стимулирующую в них потребность приобщения к общенациональным и общечеловеческим духовным ценностям; учреждение с многокультурным контингентом, включающим разновозрастной, многонациональный и разноконфессиональный профессорско-преподавательский и студенческий состав, призванным удовлетворить образовательные, социокультурные и адаптивные потребности обучающихся» [11].

Условием реализации полиэтнического образования является полиэтническая образовательная среда, под которой понимается, часть образовательной среды какого-либо учебного заведения, представляющая собой совокупность условий, влияющих на формирование личности, готовой к эффективному межэтническому взаимодействию, сохраняющей свою этническую идентичность и стремящейся к пониманию других этнокультур, уважающей иноэтнические общности, умеющей жить в мире и согласии с представителями разных национальностей. В принципе, это есть пространство позитивного образовательного взаимодействия индивидов, групп, представляющих разные этносы [7; 10].

Образование в полиэтнической среде предоставляет человеку знания, умения и навыки, ориентированные на этнические особенности. Это способствует успешной адаптации к полиэтническому окружению и интеграции в глобальное культурно-образовательное пространство [3].

Исследователи выделяют следующие структурные элементы полиэтнической образовательной среды вуза:

1. Пространственно-семантический компонент направлен на удовлетворение познавательных и культурно-образовательных потребностей участников, а также на развитие их творческого потенциала в сферах этнокультурных интересов.
2. Коммуникативно-организационный компонент создает благоприятный социально-психологический климат, дружественную атмосферу и взаимную ответственность, способствуя личностному росту и опыту межэтнического взаимодействия.
3. Содержательно-методический компонент учитывает специфику полиэтнического образования, его концепции и направления [9].

В качестве основных функций полиэтнической образовательной среды выступают:

1. Этнокультурное просвещение: ознакомление с национальной и мировой культурой.
2. Ценностно-ориентационная: формирование системы ценностей и отношений в межэтническом взаимодействии.
3. Этнокультурное самосохранение: сохранение и защита индивидуальности, понимание этнопсихологических особенностей.
4. Социальная адаптация: воспитание гражданина, заботящегося о целостности РФ, и адаптация к полиэтническому обществу.
5. Креативная: развитие творческого потенциала через познавательную и социальную активность [6; 9].

Вигель Н.Л. и Меттини Э. предлагают три направления для реализации поликультурного подхода в образовании:

1. Повышение квалификации преподавателей для развития межкультурной компетентности.
2. Интеграция в учебные планы тем о культурных различиях, включая религиозные праздники и традиции.
3. Создание клубов и сообществ для обмена культурным опытом и снижения барьеров восприятия [2].

В данном исследовании будет дано описание структуры установочных механизмов межличностного взаимодействия студентов в полиэтнической образовательной среде.

Методы исследования. В исследовании приняло участие 100 студентов первого курса в возрасте от 17 до 23 лет, обучающихся на медицинских факультетах ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России. В исследуемую группу вошло 50 иностранных студентов с более выраженным полиэтническим составом: представители индийской этногруппы (52 %), ланкийской этногруппы (18 %), малазийской этногруппы (14 %), африканской этногруппы (12 %), бразильской этногруппы (4 %). Группу русскоязычных студентов составили 50 человек с менее выраженным полиэтническим составом: представители русской этногруппы (80 %), армянской этногруппы (10 %), татарской этногруппы (6 %), белорусской этногруппы (4 %).

В качестве методов исследования были использованы: теоретический анализ научных исследований; библиометрический анализ данных; эмпирические методы: методика «Способ диагностики базовых смысловых установок» (А.Д. Ишков, Н.Г. Милорадова); методика «Диагностики коммуникативной установки» (В. В. Бойко); методика «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно - потребностной сфере» (О.Ф. Потемкина); методика «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ВИКТИ) (Г. Л. Бардиер); «Опросник межличностных отношений» (ОМО) (В. Шутц, в адаптации А.А. Рукавишникова); методика измерения этноцентризма (М. Г. Стадников).

Результаты исследования. Библиометрический анализ производился на платформе научной электронной библиотеки Elibrary.

По запросу «полиэтническая образовательная среда» было найдено 18499 публикаций. Число статей в журналах по основному запросу, входящих в Web of Science или Scopus — 536 публикаций.

Распределение по тематическим рубрикам публикаций из подборки «Полиэтническая образовательная среда» следующее: «Народное образование. Педагогика» — 8482 публикаций, «Языкоизнание» — 1762 публикации, «История. Исторические науки» — 1416 публикаций, «Социология» — 1269 публикаций, «Психология» — 933 публикации.

Распределение по годам из подборки по основному запросу носит волнообразный характер (Рис.1)

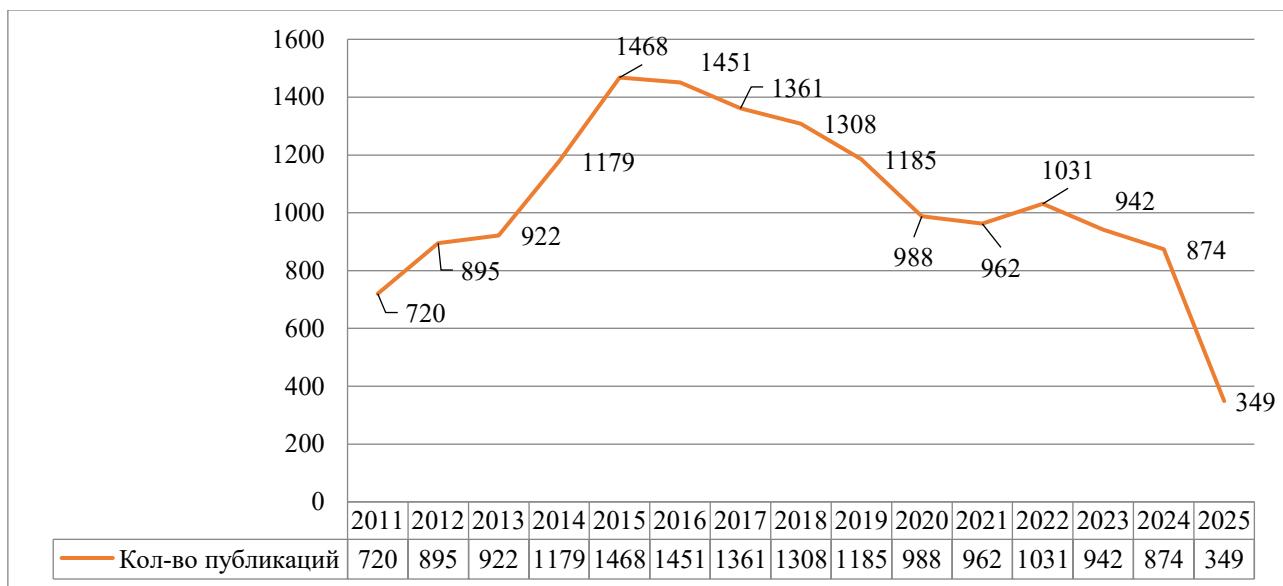

Рис. 1. Диаграмма публикационной активности по запросу «Полиэтническая образовательная среда» за период 2011 - 2025 г.г.

Fig. 1. Publication activity chart for the query "Multicultural Educational Environment" for the period 2011-2025.

Первые публикации, размещенные в научной электронной библиотеке Elibrary по основному запросу, датируются 1989 годом.

Для решения поставленной задачи – исследование особенностей межличностного взаимодействия студентов в полиэтнической образовательной среде была использована методика «Опросник межличностных отношений» (ОМО) В. Шутц, в адаптации А.А. Рукавишникова.

В результате исследования были получены следующие данные.

При оценке значимости различий показателей межличностных отношений в группах иностранных и русскоязычных студентов по непараметрическому критерию У-Манна-Уитни были получены результаты, свидетельствующие о наличии значимых различий, при уровне значимости $p < 0,05$, по показателям: 1e-выраженное поведение «включения» ($U_{эмп.}=931,00^*$), Сe-выраженное поведение «контроля» ($U_{эмп.}=841,50^*$), Cw-требуемое поведение «контроля» ($U_{эмп.}=744,00^*$), Ae-выраженное поведение «аффекта» ($U_{эмп.}=876,00^*$), Aw-требуемое поведение «аффекта» ($U_{эмп.}=958,00^*$), 1e+lw общий объем интеракции включения ($U_{эмп.}=948,50^*$), Сe+Cw общий объем интеракции контроля ($U_{эмп.}=600,00^*$), Ae+Aw общий объем интеракции аффекта ($U_{эмп.}=847,00^*$). По остальным показателям межличностных отношений значимых различий обнаружено не было.

Таким образом, русскоязычные студенты чувствуют себя комфортно в университетской образовательной среде, склонны устанавливать близкие отношения,

осторожны при установлении близких интимных отношений, при выборе лиц, с которыми создают более глубокие эмоциональные отношения. Интенсивность их поведения, больше направлена на потребность налаживать и поддерживать хорошие отношения с другими, на создание тесных эмоциональных связей с другими, зачастую проявляющаяся как потребность нравиться, быть любимым.

Иностранные студенты имеют тенденцию как к поиску, так и к избеганию установления межличностных отношений, осторожны при установлении близких интимных отношений, при выборе лиц, с которыми создают более глубокие эмоциональные отношения. Иностранные студенты стараются брать на себя ответственность, соединенную с ведущей ролью, нетерпимы к контролю над собой, а так же склонны к колебанию при принятии решений. Интенсивность их поведения, больше направлена на потребность создавать контролируемые и поддерживать удовлетворительные отношения с другими людьми.

Для исследования особенностей психологических и социально-психологических установок студентов в полиэтнической образовательной среде использовались методики: «Способ диагностики базовых смысловых установок» А.Д. Ишкова, Н.Г. Милорадовой, «Диагностика коммуникативной установки» В. В. Бойко, «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно - потребностной сфере» О.Ф. Потемкиной, «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ВИКТИ) Г. Л. Бардиер, методика измерения этноцентризма М. Г. Стадникова. По данным методик были получены следующие результаты.

В результате сравнительного анализа уровня выраженности показателей смысловых установок в группах иностранных и русскоязычных студентов были получены результаты, свидетельствующие о наличии значимых различий по показателям: вербальная зависимость ($U_{эмп.}=864,50^*$), эмоциональная зависимость ($U_{эмп.}=757,00^*$), требовательность к другим ($U_{эмп.}=897,50^*$), ответственность за других ($U_{эмп.}=498,50^*$) при уровне значимости $p<0,05$. По остальным показателям смысловых установок различий обнаружено не было.

Таким образом, у русскоязычных студентов наблюдается нормальная реакция на критику и одобрение, здоровое чувство собственного достоинства. Для них важна эмоциональная поддержка со стороны близких людей. Они обладают чувством любви и уважения к самим себе, умеренно требовательны к другим, принимают на себя ответственность за независящие от них события, необоснованно обвиняют себя за поступки других людей, не находящихся под их контролем. Иностранные студенты скрывают свои переживания; отношения строятся на взаимности, а не на зависимостях.

При оценке значимости различий показателей установок толерантности-интолерантности в группах иностранных и русскоязычных студентов по непараметрическому критерию U-Манна-Уитни были получены результаты, свидетельствующие о наличии значимых различий, по шкалам: межпоколенная толерантность ($U_{эмп.}=848,50^*$), гендерная толерантность ($U_{эмп.}=962,00^*$), профессиональная толерантность ($U_{эмп.}=875,50^*$), управленческая толерантность ($U_{эмп.}=760,50$), политическая толерантность ($U_{эмп.}=800,00^*$). По остальным показателям установок толерантности-интолерантности, таким, различий обнаружено не было.

Следовательно, русскоязычные студенты демонстрируют более высокий уровень терпимости к представителям различных поколений, полов, профессий, а также в управленческих отношениях и взаимодействии между руководителями и подчиненными по сравнению с иностранными студентами.

Исследование структуры установочных механизмов межличностного взаимодействия студентов в полиэтнической образовательной среде осуществлялось с помощью факторного анализа (процедуры варимакс-вращения).

Проведенная факторизация структуры психологических, социально-психологических установок и межличностного взаимодействия в группе иностранных студентов выявила наличие шести факторов.

В группе иностранных студентов самым мощным является первый фактор с нагрузкой 15,2% общей дисперсии, объединяющий в себе с такие показатели, как межличностная толерантность (-0,740), межэтническая толерантность (-0,758), межкультурная толерантность (-0,725), профессиональная толерантность (-0,705), управленческая толерантность (-0,737), социально-экономическая толерантность (-0,739). Данный фактор, являющийся наиболее интегрированным и однородным, можно определить как «фактор интолерантности».

Второй фактор, с нагрузкой 9,5 % общей дисперсии, объединяющий в себе показатели межличностных отношений такие, как Iw -требуемое поведение «включения» (0,837), $le+lw$ (0,801), $Ce+Cw$ (0,702), можно интерпретировать как «фактор интенсивности поведения, направленного на удовлетворение потребностей налаживать и поддерживать хорошие и контролируемые отношения с другими».

Третий фактор с нагрузкой 9,0% общей дисперсии, включающий такой показатель смысловой установки, как требовательность к другим условно можно интерпретировать как «фактор требовательности к другим (0,702), условно можно интерпретировать как «фактор требовательности к другим».

Четвертый фактор с нагрузкой 8,2% общей дисперсии, объединяющий в себе показатели межличностных отношений такие, как Aw -требуемое поведение «аффекта» (0,814), $Ae+Aw$ (0,823), можно назвать «фактор интенсивности поведения, направленного на удовлетворение потребности в создании тесных эмоциональных связей с другими».

Пятый фактор с нагрузкой 7,2% общей дисперсии, объединяющий в себе показатели межличностных отношений такие, как Ae -выраженное поведение «аффекта» (0,743), $Ae-Aw$ (0,843), можно определить как «фактор внутренних конфликтов в создании тесных эмоциональных связей с другими».

Шестой фактор с нагрузкой 5,8% общей дисперсии, включающий в себя один показатель межличностных отношений такой, как le -выраженное поведение «включения», можно охарактеризовать как «потребность налаживать и поддерживать хорошие отношения с другими».

Проведенная факторизация структуры психологических, социально-психологических установок и межличностного взаимодействия в группе российских студентов указала на наличие восьми факторов.

В группе русскоязычных студентов самым мощным является первый фактор с нагрузкой 10,8% общей дисперсии, объединяющий в себе такие показатели межличностных отношений, как Iw -требуемое поведение «включения» (0,916), $le+lw$ (0,902), $Ae+Aw$ (0,704), можно назвать как «фактор интенсивности поведения, направленного на удовлетворение потребности налаживать и поддерживать удовлетворительные отношения с другими».

Второй фактор с нагрузкой 9,3% общей дисперсии, объединяющий в себе такие показатели, как межпоколенная толерантность (0,741), межэтническая толерантность (0,774), можно охарактеризовать как «фактор межпоколенной и межэтнической толерантности».

Третий фактор с нагрузкой 8,9% общей дисперсии, включающий в себя показатель коммуникативной установки такой, как открытая жестокость в отношениях к людям (-0,722), его можно интерпретировать как «фактор открытых негативных оценок и переживаний в отношениях к людям».

Четвертый фактор с нагрузкой 8,8% общей дисперсии, объединяющий в себе показатели смысловой установки такие, как «эмоциональная зависимость» (0,777), требовательность к себе (0,756), можно обозначить как «фактор целеполагания и эмоциональной поддержки».

Пятый фактор с нагрузкой 7,8% общей дисперсии, объединяющий в себе показатели межличностных отношений такие, как Се-выраженное поведение «контроля» (-0,909), Се-Cw (-0,748), можно обозначить как «фактор внутренних конфликтов в создании и сохранении удовлетворительных отношений на основе контроля и силы».

Шестой фактор с нагрузкой 7,4% общей дисперсии, включающий в себя показатель межличностных отношений такой, как Cw-требуемое поведение «контроля» (0,840), который можно обозначить как «фактор требуемого поведения в области контроля».

Седьмой фактор с нагрузкой 7,2% общей дисперсии, включающий в себя показатель социально-психологической установки ориентации на эгоизм (0,801), можно обозначить как «фактор эгоцентризма».

Восьмой фактор с нагрузкой 5,8% общей дисперсии, включающий в себя показатель межличностных отношений такой, как Ae-Aw (0,752), обозначаемый как «фактор внутренних конфликтов в создании и поддержании эмоциональных отношений».

Сравнительный анализ факторных структур психологических, социально-психологических установок и межличностного взаимодействия студентов в полиэтнической образовательной среде указал на следующие особенности:

- у иностранных студентов, в отличие от русскоязычных респондентов, система установочных механизмов межличностного взаимодействия более интегрированная; самые высокие факторные нагрузки присущи первому фактору, являющемуся системообразующим и включающим в свой состав межличностную, межэтническую, межкультурную, профессиональную, управленческую и социально-экономическую толерантность, который условно можно охарактеризовать как «фактор интолерантности»; наряду с этим к установочным механизмам межличностного взаимодействия в полиэтнической образовательной среде относят «фактор требовательности к другим»;

- у русскоязычных студентов установочные механизмы межличностного взаимодействия в полиэтнической образовательной среде представлены «фактором межпоколенной и этнической толерантности», «фактором открытых негативных оценок и переживаний в отношениях к людям», «фактором целеполагания и эмоциональной поддержки», «фактором эгоцентризма»; системообразующая роль в структуре психологических, социально-психологических установок и межличностного взаимодействия отводится «фактору интенсивности поведения, направленного на удовлетворение потребности налаживать и поддерживать удовлетворительные отношения с другими».

Выводы. Особенности межличностного взаимодействия студентов в полиэтнической образовательной среде характеризуются тем, что у иностранных студентов преобладают такие межличностные потребности, как выраженное поведение «контроля», требуемое поведение «контроля». Для русскоязычных студентов характерны такие межличностные потребности, как выраженное поведение «включения», выраженное поведение «аффекта», требуемое поведение «аффекта», общий объем интеракции включения, общий объем интеракции аффекта.

Особенности психологических и социально-психологических установок студентов межличностного взаимодействия в полиэтнической образовательной среде характеризуются тем, что у русскоязычных студентов, в большей степени, нежели у иностранных, выражена нормальная реакция на критику и одобрение, здоровое чувство собственного достоинства. Для них более важна эмоциональная поддержка со стороны близких людей. Они обладают чувством любви и уважения к самим себе, умеренно требовательны к другим, принимают на себя ответственность за независящие от них события, необоснованно обвиняют себя за поступки других людей, не находящихся под их контролем. В отличие от иностранных студентов, которые боятся проявлять свои переживания.

Структура установочных механизмов межличностного взаимодействия студентов в полиэтнической образовательной среде характеризуется специфичностью: у иностранных

студентов, в отличие от русскоязычных респондентов, представлена двумя факторами: «фактором интолерантности» и «фактором требовательности к другим». У русскоязычных студентов структура установочных механизмов межличностного взаимодействия включает «фактор межпоколенной и межэтнической толерантности», «фактор открытых негативных оценок и переживаний в отношениях к людям», «фактор целеполагания и эмоциональной поддержки», «фактор эгоцентризма».

Системообразующую роль в структуре психологических, социально-психологических установок и межличностного взаимодействия у иностранных студентов отводится установочному механизму – «фактор интолерантности», у русскоязычных студентов – межличностным отношениям («фактору интенсивности поведения, направленного на удовлетворение потребности налаживать и поддерживать отношения с др.»).

Выявленные особенности заложены в программу комплексной социально-психологической программы адаптации студентов в полиэтнической образовательной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова, А.И. Формирование толерантности студентов в поликультурной образовательной среде ВУЗА / Алла Ивановна Богданова: автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. пед. наук по специальности 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования. – Текст: электронный. - Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2015. – URL: <https://www.kspu.ru/upload/documents/2015/03/26/ac49e868b89c4dbebd68a8f9c3b967b6/dissertatsiya-bogdanovoj-ai-formirovanie-tolerantnosti-u-studentov-v-polikulturn.pdf?ysclid=mixeh1rpc987371809> (дата обращения: 25.07.2025).
2. Вигель, Н.Л. Педагогические методы А.С. Макаренко в современном поликультурном и полиэтническом пространстве академической среды образовательных учреждений / Н.Л. Вигель, Э. Меттини. – Текст: непосредственный // Учебный год. - 2025. - № 2 (80). - С. 43 - 48.
3. Кутбиддинова, Р.А. Полиэтническая образовательная среда вуза как объект психолого-педагогического исследования / Р.А. Кутбиддинова. – Текст: непосредственный // Психология и педагогика. – 2009. – № 5. – С. 174-179.
4. Маргарян, Л.И. Методика развития умений межличностного взаимодействия у подростков в поликультурной среде детской школы искусств / Л.И. Маргарян, Е.Р. Сизова. – Текст: непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 1 (38). – С. 160-162.
5. Михеева, Г.А. Взаимодействие студентов в вузе / Г.А. Михеева // Педагогика и психология, теория и методика обучения. – 2013. – Т. 17, № 43-2. - С. 168-174. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_11932493_31745736.pdf (дата обращения: 25.07.2025).
6. Ооржак, С.Я. Этнопедагогика и этнопедагогические исследования (осмысление теоретико-методологических подходов): монография / С.Я. Ооржак, Х.Д-Н. Ооржак. – Текст: непосредственный. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – 104 с.
7. Пахтусова, Н.А. Социально-психологический анализ проблемы межличностного взаимодействия субъектов образовательной среды вуза / Н.А. Пахтусова. – Текст: непосредственный // Педагогика и психология. – 2013. – С. 200-207.
8. Почебут, Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология : учебник для вузов / Л. Г. Почебут. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Изд-во Юрайт, 2025. - 279 с.
9. Поштарева, Т.В. Особенности образования в этнически разнообразной среде / Т.В. Поштарева. - – Текст: непосредственный // Среднее профессиональное образование. — 2008. — № 6. — С. 59.

10. Поштарева, Т.В. Формирование этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде / Татьяна Витальевна Поштарева: автореферат дисс. на соис. уч. степени доктора пед. наук по специальности 13.00.01 - Общая педагогика, история педагогики и образования. – Текст : электронный // Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. – Ставрополь, 2007. – 41 с. – URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003052821/?ysclid=mixf5gvrzx396601363 (дата обращения: 25.07.2025).
11. Пугачева, Е.А. Формирование толерантности студентов в поликультурной среде ВУЗА // Елена Александровна Пугачева : автореферат дисс. на соис. уч. степени кандидата пед. наук по специальности 13.00.01 - Общая педагогика, история педагогики и образования. – Текст : электронный / Нижний Новгород, 2008. – 24 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003164754/?ysclid=mixfchjiwt834211403 (дата обращения: 20.07.2025).
12. Слободчиков, В.И. Антропология образования / В.И. Слободчиков. – Текст: непосредственный // Школьные технологии. — 2008. — № 3. — С. 3-8.
13. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» / Президент России : официальный сайт. – Тест : электронный. – URL : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 • Президент России (дата обращения: 25.07.2025)
14. Чжоу С. Полиэтническая образовательная среда вуза как фактор межкультурной адаптации студентов / С. Чжоу. – Текст: непосредственный // Психология образования в поликультурном пространстве. — 2023. — № 2 (62). — С. 107-119. – URL : https://files.elsu.ru/journal/1/2023_2_62/107.pdf (дата обращения: 25.07.2025).

PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF INTERPERSONAL INTERACTION OF STUDENTS IN A MULTIETHNIC EDUCATIONAL ENVIRONMENT

© Nilofer M.K. Khakhutadze, Alesya A. Kuznetsova

Nilofer M.K. Khakhutadze – assistant professor at the department of health psychology and neuropsychology, Kursk State Medical University
e-mail: HahutadzeNM@kurskemu.net
Address: 305041, Kursk, Karl Marx St., 3, Russian Federation

Alesya A. Kuznetsova – vice-rector for educational work, social development and public relations, head of the department of health psychology and neuropsychology, Kursk State Medical University
e-mail: Kuznetsova.a80@mail.ru
Address: 305041, Kursk, Karl Marx St., 3, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The modern world is following the path of globalization, supporting this process, modern Russian higher education is characterized by polyethnicity. The main goal defining this process is the formation of a healthy personality capable of creative self-development and exercising ethno-cultural and civic self-determination based on national traditions, values of Russian and world culture. This implies the need to solve a number of tasks: creating conditions for learning and understanding the cultures of other peoples, fostering tolerance in interpersonal relationships with people belonging to different ethnic groups and races, while preserving the identity of each culture and ethnic group separately. Understanding this provides the basis for studying the psychological mechanisms of interpersonal interaction between different ethnic groups, searching for various ways to form a culture of interethnic communication, readiness and ability for productive intercultural interaction in a multiethnic educational environment.

Purpose: to investigate the psychological mechanisms of interpersonal interaction of students in a multiethnic educational environment.

Materials and methods. Theoretical analysis of scientific data; empirical methods: methodology "Method of diagnosis of basic semantic attitudes"; methodology "Diagnosis of communicative attitudes"; methodology "Diagnosis of socio-psychological attitudes of personality in the motivational-need sphere"; methodology "Types and components of tolerance -intolerance"; "Questionnaire of interpersonal relations"; methodology for measuring ethnocentrism; methods statistical data processing.

Results. Russian students tend to establish close sensual relationships, are careful when establishing close intimate relationships, and when choosing people with whom they create deeper emotional relationships. The intensity of their behavior is more focused on the need to establish and maintain good relationships with others, to create close emotional bonds with others. Unlike international students, who tend to seek out and avoid people, they are careful when establishing

close intimate relationships, when choosing people with whom they create deeper emotional relationships.

Conclusions. The system-forming role in the structure of psychological, socio-psychological attitudes and interpersonal interaction among foreign students is assigned to the setting mechanism – the "factor of intolerance", among Russian students - to interpersonal relations: "the factor of intensity of behavior aimed at satisfying the need to establish and maintain relationships with others".

Key words: *multiethnic educational environment; foreign students; attitudes; interpersonal interaction; tolerance; intolerance.*

REFERENCES

1. Bogdanova A.I. Formation of students' tolerance in the multicultural educational environment of the university // abstract of the dissertation for the degree of candidate of pedagogical Sciences / Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafiev University. Krasnoyarsk, 2015.
2. Vigel N.L., Mettini E. Pedagogical methods of A.S. Makarenko in the modern multicultural and multiethnic space of the academic environment of educational institutions // Academic year. — 2025. — № 2 (80). — Pp. 43-48.
3. Kutbiddinova R.A. The multiethnic educational environment of a university as an object of psychological and pedagogical research// Psychology and Pedagogy, 2009, No. 5, pp. 174-179.
4. Margaryan L.I. Sizova E.R. Methods of developing interpersonal skills among adolescents in a multicultural environment of a children's art school// The world of science, culture, and education. — 2013. — № 1 (38). — Pp. 160-162.
5. Mikheeva G.A. Interaction of students at the university// Pedagogy and psychology, theory and teaching methods. - 2013. – pp. 168-174.
6. Oorzhak S.Ya. Ethnopedagogy and ethnopedagogic research (understanding theoretical and methodological approaches): monograph / S.Ya. Oorzhak, H.D.N. Oorzhak. – Cheboksary: Publishing house "Wednesday", 2020. 104 p.
7. Pakhtusova N.A. Socio-psychological analysis of the problem of interpersonal interaction of subjects of the educational environment of the university // Pedagogy and psychology. – 2013. – pp. 200-207.
8. Pochebut, L. G. Cross-cultural and ethnic psychology : textbook for universities / L. G. Pochebut. — 2nd ed., ispr. and add. — M.: Yurait Publishing House, 2025. — 279 p.
9. Poshtareva T.V. Features of education in an ethnically diverse environment // Secondary vocational education. – 2008. – No. 6. – p. 59.
10. Poshtareva T.V. Formation of ethnocultural competence of students in a multiethnic educational environment // abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences / North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov. Vladikavkaz, 2009.
11. Pugacheva E.A. Formation of students' tolerance in the multicultural environment of the university // abstract of the dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences / Nizhny Novgorod, 2008.
12. Slobodchikov V.I. Anthropology of education // School technology. -2008. – No. 3. – PP. 3-8
13. Decree of the President of the Russian Federation No. 309 dated May 7, 2024, «On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Prospect up to 2036» / President of Russia: official website. – Test: electronic. – URL: Decree of the President of the Russian Federation № 309 dated May 7, 2024 • President of Russia (acc. on November 25, 2025)
14. Zhou S. Polyethnic educational environment of a university as a factor of intercultural adaptation of students // Psychology of education in a multicultural space. – 2023. – № 2 (62). – Pp. 107-119.

Received: 28.07.2025

Accepted: 10.11.2025

ПОНИМАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ БУДУЩИМИ УЧИТЕЛЯМИ

© Сорокоумова Е.А., Пучкова Е.Б., Суховершина Ю.В.

Сорокоумова Е.А. – заслуженный работник высшей школы, профессор кафедры психологии труда и психологического консультирования ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», доктор психологических наук, профессор
e-mail: ea.sorokoumova@mpgu.su

Адрес: 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, строение 1, Российская Федерация

Пучкова Е.Б. – заведующий кафедрой психологии труда и психологического консультирования ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», кандидат психологических наук, доцент
e-mail: eb.puchkova@mpgu.su

Адрес: 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, строение 1, Российская Федерация

Суховершина Ю.В. – доцент кафедры психологии труда и психологического консультирования ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», кандидат психологических наук, доцент
e-mail: yuv.sukhovershina@mpgu.su

Адрес: 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, строение 1, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Современная социальная ситуация развития общества обращает нас к традиционным российским ценностям, которые играют ключевую роль в формировании у будущих педагогов критического взгляда на мир и способности быстро реагировать на новые вызовы. В условиях, когда моральные ориентиры становятся размытыми, учителя должны владеть глубокими знаниями о традиционных ценностях для формирования нравственности учащихся. Цифровой мир, при всех его неоспоримых плюсах, также является источником множества сведений, в том числе тех, которые могут искажать или принижать традиционные ценности. Будущие учителя должны быть готовы критически анализировать информацию, распознавать попытки манипуляции и прививать своим будущим ученикам навыки цифровой грамотности, опираясь на прочную основу традиционных ценностей.

Цель исследования: выявление понимания ценностей будущих учителей в их сравнении с перечнем традиционных российских ценностей.

Материалы и методы исследования: теоретический анализ литературы; методы психодиагностики: анкетирование, методика ценностных ориентаций М. Рокича, Портретный ценностный опросник PVQ-RR (русская версия – PVQ-R2); методы математической статистики: коэффициент значимых различий Манна-Уитни, коэффициент корреляции Спирмена.

Выборку респондентов составили 103 студента в возрасте от 18 до 20 лет, обучающихся в Московском педагогическом государственном университете по направлению подготовки «Педагогическое образование».

Результаты и выводы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что у будущих учителей доминируют традиционные российские ценности. Опираясь на глубокое понимание традиционных ценностей, они могут помочь ученикам осмысливать свою роль в обществе и ответственность за его дальнейшее развитие, вдохновляя их не только на изучение прошлого, но и на активное участие в сохранении и приумножении культурного наследия, что, в свою очередь, укрепляет национальную идентичность и гражданскую позицию.

Результаты исследования могут быть полезны для специалистов, которые занимаются воспитательной и культурно-массовой работой в вузах, а также для разработки программ, направленных на самосовершенствование личностных качеств, необходимых для эффективной работы в современной школе.

Ключевые слова: ценности, традиционные российские ценности, индивидуальная иерархия ценностей, ценностные ориентации, понимание ценностей, будущие учителя.

Введение

Мир стремительно меняется, и вместе с ним меняются и ценностные ориентиры. Однако, несмотря на все трансформации, традиционные ценности остаются фундаментом для построения здорового и устойчивого общества. Будущие учителя, обладающие глубоким пониманием этих ценностей и умением адаптировать их к современным реалиям, смогут подготовить своих учеников к жизни в условиях глобализации и цифровизации, научив их не только справляться с трудностями, но и находить в себе силы для созидания и развития.

В условиях глобализации и активного межкультурного обмена важно, чтобы будущие учителя были способны передавать эти ценности, сохраняя связь поколений и культурное наследие. Будущий учитель должен понимать и осознавать суть традиционных ценностей, их эволюцию и современное значение. Отсутствие такого понимания может привести к формальному или даже негативному развитию личности ученика.

Ценностные ориентиры будущих учителей активно развиваются в процессе обучения в высшем учебном заведении. В период профессиональной подготовки будущих учителей, происходит становление их мировоззренческой позиции, включающей в себя систему принципов и взглядов и убеждений, которые развиваются в процессе в учебно-профессиональную деятельность [9].

В современном, быстро меняющемся мире, роль учителя приобретает особое значение. Он не просто транслирует знания, но и формирует мировоззрение, нравственные ориентиры и гражданскую идентичность подрастающего поколения, помогает успешно справляться с вызовами сложного и динамичного мира, не теряя при этом своей культурной самобытности.

Цифровые технологии глубоко интегрируются в нашу повседневность, преобразуя бизнес-процессы, обеспечивая мгновенный доступ к информации и меняя формы человеческого общения. Цифровая среда, отличающаяся ускоренным ритмом, поверхностным потреблением информации, психологическими рисками цифровой зависимости и стиранием межличностных границ, может породить у молодых людей ощущение ценностного вакуума, приводя к потере ориентиров и смыслов [11].

В этой связи особую актуальность приобретает глубокое понимание и осмысление будущими учителями традиционных российских ценностей.

В отечественной психологии, философии, культурологии проблема изучения ценностей исследуется достаточно широко (Б.Г. Ананьев, Д.А. Леонтьев, М. Каган, С.Л. Рубинштейн и др.).

По мнению Б.Г. Ананьева, ценности субъективны и являются неотъемлемой частью личности, формируясь в результате её активной деятельности и отражая её жизненный путь. Они представляют собой индивидуальные ориентиры, которые помогают человеку воспроизводить и поддерживать ценности жизни и культуры. Ценностные ориентации личности, как совокупность её направленности на определённые ценности, составляют основу её ценностно-нормативной системы и определяют её жизненный путь [4].

Д.А. Леонтьев предлагает рассматривать ценности с нескольких сторон. Во-первых, он приравнивает ценность к смыслу и значимости. Во-вторых, ценности могут быть как конкретными объектами, удовлетворяющими потребности, так и абстрактными понятиями, ценными сами по себе. В-третьих, они могут быть как сугубо личными, так и общими для группы или общества. В-четвертых, он указывает на то, что надындивидуальные ценности могут быть связаны с их осмыслением в обществе или с их фундаментальной природой. В-пятых, ценности выступают как внутренние мотивы, определяющие направление личности. Наконец, в-шестых, ценности могут проявляться как четкие правила и стандарты, либо как более общие жизненные цели, идеалы и смыслы, задающие лишь общее направление, но не конкретные параметры [10].

С.Л. Рубинштейн, считал, что ценности, которые человек принимает, направляют его поведение. Развитие человека движется его активностью, которая, в свою очередь, определяется его ценностями [14].

Ценность как «специфическое субъект-субъектное отношение в деятельности» рассматривается М.С. Каганом в его работе «Философская теория ценности». Автор высказывает мысль о том, что ценность – это не предмет и не его свойство, а ценностное отношение, уникальность которого, состоит в том, что оно соединяет объект не с другим объектом, а с человеком, чьи социальные и культурные черты определяют его духовное содержание. Именно в деятельности человек выступает либо как действующее лицо (субъект), либо как то, на что направлена деятельность (объект) [8].

Изучению ценностей и ценностных ориентаций посвятил свой работы американский психолог М. Рокич. Под ценностями им понимается вид убеждений, имеющий центральное положение в индивидуальной системе убеждений [13].

По мнению Ш. Шварца ценностями являются стандартами, которые направляют выбор человека и формируют его мнение о действиях, людях и событиях [12].

Ценности играют ключевую роль в формировании нашего понимания мира и нашей жизни. Они служат ориентирами, которые помогают нам принимать решения, строить отношения и выстраивать цели.

Таким образом, можно говорить, что ценности - это основа понимания человеком мира; это внутренние ориентиры и убеждения, установки, формирующие личностную структуру, направляющие выбор и придающие смысл существованию. Они становятся осознанными и проявляются в стремлениях, идеалах и убеждениях, формируя содержательную основу направленности личности и определяя ее отношение к реальности.

Традиционные российские ценности включают в себя ряд культурных, моральных и социальных аспектов, которые формировались на протяжении многих веков и лежат в основе общественной жизни в России. Это духовное и культурное наследие России, передаваемое из поколения в поколение. Они служат нравственным ориентиром для граждан, формируют общее мировоззрение, объединяют многонациональный народ и укрепляют гражданское единство, отражая при этом уникальный исторический и духовный опыт России.

В Указе Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 отражены основные традиционные ценности, к которым относятся «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость,

коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [2].

Особое место занимают традиционные ценности российского педагогического образования, которые представляют собой систему нравственных принципов и убеждений, сформировавшихся под влиянием исторического опыта, культурных традиций и особенностей национального самосознания российского народа [5]. Следует отметить, что традиционные ценности играют роль, выходящую за рамки образования, формируя будущее российского общества и государства. Их развитие способствует обеспечению национальной и социальной безопасности россиян [6, с. 11].

В Федеральном законе от 25.12.2023 № 685-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»» указано, что «педагог должен осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

Основой целью отечественного педагогического образования по-прежнему являются укрепление традиционных ценностей, направленных на духовно-нравственное воспитание будущих учителей с высокими моральными принципами, твёрдыми гражданскими убеждениями и развитой духовностью. При этом понимание традиционных российских ценностей будущими учителями проходит через весь учебно-воспитательный процесс в высшей школе и тесно связано с их самопознанием, поскольку понимание личностью окружающего мира и других людей невозможно без глубокого понимания себя самого, своих убеждений и ценностей.

Понимание как мыслительный процесс в своем развитии проходит несколько стадий, высшей из которых является понимание личностных смыслов. Понимание представляет собой когнитивное отражение субъективного смысла, эмоциональное отношение выступает как форма субъективной выраженности личностного смысла, проявляющаяся в сознании человека в отношении значимых объектов и явлений [16, с. 107].

Таким образом, понимание, как процесс и результат нахождения, порождения и интерпретации личностных смыслов представляет собой когнитивную и личностно-смысловую стороны субъекта обучения и воспитания. Следует отметить, что понимание ценностей также подразумевает нахождение личностного смысла этих ценностей будущими учителями, то есть самопознание [16].

Самопознание является основой для объединения людей, независимо от их убеждений, жизненных принципов и мировоззрения, и способствует их личностному и культурному росту. «Самопознание становится отправной точкой для консолидации и единения людей независимо от их взглядов, жизненных позиций, ориентиров, жизненной философии, сопровождая личностное и культурное развитие человека» [17, с. 205]. В процессе обучения в вузе, самопознание будущих учителей предполагает активное усвоение знаний о мире через осознание собственной личности и ее роли в окружающем мире и социуме. Взаимодействие с другими людьми - педагогами и студентами, способствует формированию общего смыслового поля, которое становится основой для новых личностных смыслов.

Владение цифровыми инструментами и работа с цифровыми ресурсами открывает перед учителем новые горизонты, позволяя не только расширить свои педагогические возможности, но и переосмыслить способы восприятия, анализа и трансляции культурно-исторического наследия как традиционной ценности.

Цифровая грамотность предоставляет будущему педагогу возможность активно использовать разнообразные исторические, культурные и этнографические материалы (такие как оцифрованные архивы, мультимедийные коллекции и устные истории), что ведет к более глубокому пониманию традиционных ценностей.

Как известно, в образовательном процессе школьный учитель играет центральную роль в передаче традиционных российских ценностей:

- во-первых, через воспитательную практику и личный пример, педагог формирует у учеников нравственный фундамент, где семейные ценности, уважение к старшим поколениям выступают в качестве основополагающих ориентиров для их нравственного становления;

- во-вторых, включение этих ценностей в образовательную практику способствует формированию гражданской позиции учащихся. Это выражается в развитии чувства национальной идентичности, уважении к историческому и культурному наследию, а также осознании ответственности за будущее страны;

- в-третьих, создавая атмосферу уважения к различным культурам и религиям, учителя способствуют формированию межнационального согласия, выступая посредниками в межкультурном общении, показывают примеры толерантности и взаимопонимания.

Понимание учителями традиционных российских ценностей способствует также сохранению уникальных черт российской культуры в условиях глобализации и культурно-исторической преемственности поколений, укрепляет национальную идентичность, создает предпосылки для социальной стабильности, формируя устойчивый нравственно-культурный фундамент.

Таким образом, будущие учителя, обладающие глубоким пониманием традиционных российских ценностей и осознанным отношением к ним, выступают важным фактором формирования духовно развитого и нравственно ориентированного поколения.

Цель исследования - выявление понимания ценностей будущих учителей в их сравнении с перечнем традиционных российских ценностей.

В качестве **объекта исследования** рассматривались традиционные российские ценности.

Предметом исследования - процесс понимания традиционных российских ценностей, их восприятие и интерпретация будущими учителями.

Гипотеза исследования - в личном профиле будущих учителей доминируют традиционные российские ценности.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 139 студентов, девушки в возрасте от 18 до 20 лет, обучающиеся в Московском педагогическом государственном университете по направлению подготовки «Педагогическое образование» на 2 курсе и имеющие достаточный уровень академической успеваемости.

Исследование осуществлялось в несколько этапов:

- на первом этапе было проведено сопоставление списка традиционных российских ценностей с перечнем ценностей, диагностика которых предлагается в Методике ценностных ориентаций М. Рокича, содержащем наиболее полный по сравнению с другими опросниками список терминальных ценностей, понимаемых как ценности-цели, которые определяют для человека смысл жизни [18];

- на втором этапе было проведено психодиагностическое обследование с помощью методики ценностных ориентаций М. Рокича (адаптация В. А. Ядов и др.).

- на третьем этапе было осуществлено анкетирование с целью выявления персонального приоритетного списка традиционных российских ценностей и представленностью их у современного педагога.

- на четвертом этапе результаты анкетирования и психодиагностического обследования обрабатывались с помощью методов математической статистики: коэффициент значимых различий Манна-Уитни, коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение. Сопоставление списка традиционных российских ценностей с перечнем терминальных ценностей, диагностика которых предлагается в Методике ценностных ориентаций М. Рокича, показало наличие 4-х одинаковых по смыслу ценностей (таблица 1).

Таблица 1
Сопоставление списка традиционных российских ценностей
и перечня терминальных ценностей по Методике ценностных ориентаций М. Рокича
Table 1
Comparison of the list of traditional Russian values and the list of terminal values according to the M. Rokich Value Orientation Technique

№ п/п	Традиционные российские ценности	Терминальные ценности по Методике ценностных ориентаций М. Рокича
1.	Жизнь	Продуктивная жизнь, Активная деятельная жизнь
2.	Права и свободы человека	Свобода, Независимость
3.	Крепкая семья	Счастливая семейная жизнь
4.	Созидательный труд	Интересная работа
5.	Взаимопомощь и взаимоуважение	Наличие хороших и верных друзей

Психодиагностическое обследование по Методике ценностных ориентаций М. Рокича (адаптация В. А. Ядов и др.) показало перечень предпочтаемых испытуемыми терминальных и инструментальных ценностей (таблица 2).

Таблица 2
Предпочитаемые ценности по методике ценностных ориентаций М. Рокича
Table 2
Preferred values according to the M. Rokich value orientation method

Предпочитаемые терминальные ценности		Предпочитаемые инструментальные ценности	
1. Здоровье		1. Ответственность	
2. Любовь		2. Воспитанность	
3. Наличие хороших и верных друзей		3. Самоконтроль	
4. Счастливая семейная жизнь		4. Честность	
5. Интересная работа		5. Эффективность в делах	
6. Активная деятельная жизнь		6. Образованность	

Сопоставление предпочтаемых ценностей по методике ценностных ориентаций М. Рокича со списком выбранных традиционных российских ценностей показывает, что ценность «Права и свободы человека» (по М. Рокичу: Свобода, Независимость) не вошла в число предпочтаемых, таким образом, процент совпадения двух списком составляет 80%.

Между предпочтаемыми терминальными ценностями и предпочтаемыми инструментальными ценностями (ценности-средства – это убеждения человека в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации) был проведен корреляционный анализ по коэффициенту корреляции Спирмена (таблица 3).

Таблица 3
Результаты корреляционного анализа терминальных и инструментальных ценностей
Table 3
Results of the correlation analysis of terminal and instrumental values

№ п/п	Предпочитаемые терминальные ценности	Активная дeятельная жизнь / Жизнь	Счастливая семейная жизнь / Крепкая семья	Интересная работа / Созидательный труд	Наличие хороших и верных друзей / Взаимопомощь и взаимоуважение
	Предпочитаемые инструментальные ценности				
1	Ответственность	rs = -0,185	rs = 1,093	rs = -0,131	rs = -0,243
2	Воспитанность	rs = -0,183	rs = -0,185	rs = 0,176	rs = 0,701
3	Самоконтроль	rs = 0,702	rs = -0,035	rs = 0,644	rs = 0,155

4	Честность	rs = 0,109	rs = 0,749	rs = -0,268	rs = 0,443
5	Эффективность в делах	rs = 0,866	rs = -0,226	rs = 0,521	rs = -0,242
6	Образованность	rs = 0,829	rs = 0,078	rs = 0,723	rs = -0,254

Корреляционный анализ показал наличие значимых положительных связей между:

- ценностью «Жизнь» и ценностями «Самоконтроль», «Эффективность в делах», «Образованность»;
- ценностью «Крепкая семья» и ценностями «Ответственность» и «Честность»;
- ценностью «Созидательный труд» и ценностями «Самоконтроль», «Эффективность в делах», «Образованность»;
- ценностью «Взаимопомощь и взаимоуважение» с ценностями «Воспитанность» и «Честность».

Рассмотрев выявленные корреляционные связи, можно отметить, что наиболее часто активизируемые (*ключевые*) традиционные российские ценности «Жизнь – Семья – Труд» имеют устойчивые основания, так как базируются на большинстве предпочтаемых студентами качеств личности и образе действий в любой ситуации «Образованность – Самоконтроль – Эффективность в делах – Ответственность – Честность».

Для выявления общих тенденций проверялось предположение об отсутствии значимых различий между персональным перечнем традиционных российских ценностей и взглядами на то, как они должны быть представлены у современного педагога. С этой целью было осуществлено ранжирование списка традиционных российских ценностей в форме анкеты, содержащей два раздела:

- 1) ценности, наиболее важные для Вас;
- 2) ценности, наиболее важные для современного учителя.

Результаты ранжирования представлены в таблице 4.

Таблица 4
Традиционные российские ценности в представлении студентов
Table 4

Traditional Russian Values in the Students' Perception

№	Перечень традиционных российских ценностей	Ценности, наиболее важные для Вас		Ценности, наиболее важные для современного учителя	
		средний балл	ранговое место по ср. баллу	средний балл	ранговое место по ср. баллу
1.	Жизнь	1,3	1	2,0	1
2.	Достоинство	6,1	5	6,5	3
3.	Права и свободы человека	5,0	2	5,0	2
4.	Патриотизм	12,6	14	11,4	12
5.	Гражданственность	11,8	13	11,5	13
6.	Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	14,8	17	13,9	16
7.	Высокие нравственные идеалы	8,5	9	8,1	7
8.	Крепкая семья	5,3	3	8,6	9
9.	Созидательный труд	5,8	4	7,0	4
10.	Приоритет духовного над материальным	11,5	11	11,7	14
11.	Гуманизм	7,8	8	7,6	5
12.	Милосердие	6,3	6	7,8	6

13.	Справедливость	10,4	10	9,6	10
14.	Коллективизм	11,6	12	10,3	11
15.	Взаимопомощь и взаимоуважение	7,3	7	8,5	8
16.	Историческая память и преемственность поколений	13,7	15	13,4	15
17.	Единство народов России	14,1	16	14,4	17

Поиск значимых различий по U-критерий Манна-Уитни между персональным списком ценностей и ценностей, наиболее важных для современного учителя, показал, что полученное эмпирическое значение U эмп (139) находится в зоне незначимости. Следует отметить совпадение ценностей для личной жизни и для будущей профессиональной деятельности. Важно отметить, что ключевые традиционные российские ценности «Жизнь – Семья – Труд» находятся в предпочтаемой зоне и тем самым подтверждают результаты психодиагностического обследования. Обозначенные студентами приоритеты в области терминальных ценностей, предпочтаемые ценности в персональном и профессиональном профиле, на наш взгляд, свидетельствуют о понимании студентами содержания и значимости традиционных российских ценностей.

Традиционные российские ценности способствуют созданию устойчивой системы нравственных ориентиров, что, в свою очередь, ведет к гармоничному развитию личности и укреплению межличностных связей. Они служат основой для воспитания новых поколений, ориентированных на сотрудничество, заботу о близких и уважение к культурным традициям,

Понимание традиционных ценностей будущими учителями – это многогранный и крайне важный аспект их профессиональной подготовки. Это не просто знание истории или философии, а активное осмысление и интеграция этих ценностей в свою педагогическую практику.

В перспективе мы видим необходимость включения в программы подготовки модуля «Ценностная рефлексия и педагогическая практика», где студенты анализируют собственные ценности, разрабатывают практико-ориентированные кейсы, ориентированные на работу с традиционными российскими ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 25.12.2023 № 685-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской // Официальное опубликование правовых актов. - Текст : электронный. – URL : <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.07.2025)
2. Указ президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809 // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – Текст : электронный. – URL : <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 12.07.2025)
3. О Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 июня 2022 г. № 1688-р. - Текст : электронный. – URL : https://www.smoladminru/files/1014/rasp_prrf_22_01688.pdf (дата обращения: 12.07.2025)
4. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. - 288 с. – Текст : непосредственный.
5. Васильева, О.Ю. Традиционные ценности современного российского педагогического образования / О. Ю. Васильева, В. С. Басюк, Е. И. Казакова // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – 2022. – Т. 20, № 4. – С. 4-17. – DOI 10.51314/2073-2635-2022-4-4-17. – Текст : непосредственный

6. Гукаленко О.В., Ёлкина, И.М. Приобщение учащихся к традиционным российским ценностям средствами внеурочной деятельности: методология и практика: сб. докладов и тезисов участников круглых столов на тему: «Психолого-педагогические технологии внеурочной и просветительской деятельности в общеобразовательной школе» в рамках IV Всероссийского научно-образовательного форума с международным участием «миссия университетского педагогического образования в XXI веке» (Ростов-на-Дону 2022) и на тему: «Приобщение учащихся к традиционным российским ценностям во внеурочной деятельности: современные подходы и технологии» (Москва, 17.11.2022 г., ИСРО РАО); под ред, О.В. Гукаленко – М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2022.

7. Диагностика психологических рисков обучающихся в цифровой образовательной среде / Е. А. Сорокоумова, Е. Б. Пучкова, Л. В. Темнова [и др.] // Педагогика и психология образования. – 2022. – № 2. – С. 161-177. – DOI 10.31862/2500-297X-2022-2-161-177. – Текст : непосредственный

8. Каган, М.С. Философская теория ценностей / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. - 204 с. – Текст : непосредственный

9. Ледовская, Т.В. Становление системы ценностей студентов педагогического вуза в период получения высшего профессионального образования / Т.В. Ледовская, Н.Э. Солынин, А.М. Ходырев // Science for Education Today, – 2019. – № 5, – С. 7-23, DOI: 10.15293/2658-6762.1905.01. – Текст : непосредственный

10. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой регуляции / Д.А. Леонтьев. - М.: Смысл, 2019. - 586 с. – Текст : непосредственный

11. Представления педагогов и обучающихся о существующих преимуществах и возможных рисках использования цифровых продуктов в образовательной среде / Е. Б. Пучкова, Е. А. Сорокоумова, Е. И. Чердымова, Л. В. Темнова // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 5(53). – С. 95-109. – DOI 10.32744/pse.2021.5.7. – Текст : непосредственный

12. Психология ценностей личности / О.В. Каракулова, С.П. Степаненко, Н.А. Буравлева. – Текст : электронный. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2024. – 99 с. – URL : <https://fulltext.tspu.ru/OA/m2024-6.pdf> (дата обращения: 12.07.2025)

13. Рокич, М. Природа человеческих ценностей / М. Рокич. – . – Текст : электронный. – М.: Свободная пресса, 1973. – URL: <https://archive.org/details/natureofhumanval00roke/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 12.07.2025)

14. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. 720 с. – Текст : непосредственный

15. Сорокоумова, Е.А. Психология детей младшего школьного возраста. Самопознание в процессе обучения: уч. пособие / Е. А. Сорокоумова. – 2-е изд., пер. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2018. – 304 с. – (Авторский учебник). – ISBN 978-5-534-06314-1. – Текст : непосредственный

16. Сорокоумова, Е.А. Понимание метафоры как способ внешней презентации смыслов ценностных ориентаций личности / Е. А. Сорокоумова, Д. С. Фадеев, С. Л. Киященко // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 104-114. – DOI 10.17759/pse.2021260409.

17. Сорокоумова, Е.А. К вопросу изучения психологических аспектов ценностей личности в юношеском возрасте / Е.А. Сорокоумова, М.В. Ферапонтова // Ценностно-смысловые ориентиры в современном образовании: сб. материалов Всерос. науч.-прак. конф. с междунар. участием, (Луганск, 04–05 декабря 2024 г.). – Луганск: Луганский государственный педагогический университет, 2024. – С. 204-209. – Текст : непосредственный

18. Ядов, В.А. Диспозиционная концепция саморегуляции и прогнозирования социального поведения личности / В.А. Ядов [и др.]. – М.: ЦСПиМ, 2013. - 376 с. – Текст : непосредственный

Получена: 13.09.2025

Принята к публикации: 18.12.2025

UNDERSTANDING TRADITIONAL RUSSIAN VALUES BY FUTURE TEACHERS

© Elena A. Sorokoumova, Elena B. Puchkova, Julia V. Sukhovershina

Elena A. Sorokoumova — Honored Worker of Higher Education, Professor, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Labor Psychology and Psychological Counseling at Moscow Pedagogical State University

e-mail: ea.sorokoumova@mpgu.su

Address: 119435, Moscow, Malaya Pirogovskaya Street, Building 1, Russian Federation

Elena B. Puchkova — Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of Labor Psychology and Psychological Counseling at Moscow Pedagogical State University

e-mail: eb.puchkova@mpgu.su

Address: 119435, Moscow, Malaya Pirogovskaya Street, Building 1, Russian Federation

Julia V. Sukhovershina — Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Labor Psychology and Psychological Counseling at Moscow Pedagogical State University

e-mail: yuv.sukhovershina@mpgu.su

Address: 119435, Moscow, Malaya Pirogovskaya Street, Building 1, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The current social situation of society development turns us to traditional Russian values, which play a key role in the formation of future teachers' critical view of the world and the ability to quickly respond to new challenges. In conditions when moral guidelines become blurred, teachers must have in-depth knowledge of traditional values to form the morality of students. The digital world, for all its undeniable advantages, is also a source of a wealth of information, including information that can distort or degrade traditional values. Future teachers must be prepared to critically analyze information, recognize attempts at manipulation, and instill digital literacy skills in their future students, building on a solid foundation of traditional values.

The purpose of the study: identifying the understanding of future teachers' values in comparison with the list of traditional Russian values.

Research material and methods: theoretical analysis of literature; methods of psychodiagnostics: questionnaires, M. Rokich's value orientation method, PVQ-RR Portrait Value Questionnaire (Russian version – PVQ-R2); methods of mathematical statistics: Mann-Whitney significant difference coefficient, Spearman correlation coefficient. The sample of respondents consisted of 103 students aged 18 to 20 who were studying at the Moscow State Pedagogical University in the field of Pedagogical Education.

Results and conclusions. The results obtained indicate that future teachers are dominated by traditional Russian values. Based on a deep understanding of traditional values, they can help

students to comprehend their role in society and their responsibility for its further development, inspiring them not only to study the past, but also to actively participate in preserving and enhancing the cultural heritage, which in turn strengthens national identity and civic engagement.

The results of this study can be useful for specialists who are engaged in educational and cultural activities at universities, as well as for developing programs aimed at self-improvement of personal qualities necessary for effective work in a modern school.

Keywords: *values, traditional Russian values, individual hierarchy of values, value orientations, understanding of values, prospective teachers.*

REFERENCES

1. Federal Law No. 685-FZ dated 25.12.2023 "On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation // <http://publication.pravo.gov.ru/>
2. Decree of the President of the Russian Federation "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" dated 09.11.2022 No. 809 // <https://www.garant.ru/>.
3. On the Concept of teacher training for the education system for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation dated June 24, 2022 No. 1688-R. https://www.smoladmin.ru/files/1014/rasp_prrf_22_01688.pdf.
4. Ananyev, B.G. Man as an object of cognition. – St. Petersburg, 2001. 288 p.
5. Vasilyeva O.Y. Traditional values of modern Russian pedagogical education / O. Y. Vasilyeva, V. S. Basyuk, E. I. Kazakova // Bulletin of the Moscow University. Series 20: Teacher education. – 2022. – Vol. 20, No. 4. – pp. 4-17. – DOI 10.51314/2073-2635-2022-4-4-17.
6. Gukalenko O.V., Elkina, I.M. Introducing students to traditional Russian values through extracurricular activities: methodology and practice: a collection of reports and abstracts by participants of round tables on the topic: "Psychological and pedagogical technologies of extracurricular and educational activities in general education schools" within the framework of the IV All-Russian Scientific and Educational Forum with international participation "The mission of University teacher education in the 21st century" (Rostov-on-Don 2022) and on the topic: "Introducing students to traditional Russian values in extracurricular activities: modern approaches and technologies" (Moscow, 11/17/2022, ISRO RAO) / Edited by O.V. Gukalenko, Moscow: Institute of Educational Development Strategy of RAO, 2022.
7. Diagnostics of psychological risks of students in the digital educational environment / E. A. Sorokoumova, E. B. Puchkova, L. V. Temnova [et al.] // Pedagogy and psychology of education. – 2022. – No. 2. – pp. 161-177. – DOI 10.31862/2500-297X-2022-2-161-177.
8. Kagan M.S. Philosophical theory of values. – St. Petersburg, 1997. 204 p.
9. Ledovskaya T.V., Solynin N.E., Khodyrev A.M. The formation of a value system for students of a pedagogical university during higher professional education // Science for Education Today, 2019, No. 5, pp. 7-23, DOI: 10.15293/2658-6762.1905.01.
10. Leontiev D.A. Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic regulation. Moscow: Smysl, 2019. 586 p.
11. Representations of teachers and students about the existing advantages and possible risks of using digital products in the educational environment / E. B. Puchkova, E. A. Sorokoumova, E. I. Cherdymova, L. V. Temnova // Perspectives of science and education. – 2021. – № 5(53). – Pp. 95-109. – DOI 10.32744/pse.2021.5.7.
12. Psychology of personality values / O.V. Karakulova, S.P. Stepanenko, N.A. Buravleva; Tomsk State Pedagogical University. – The electron. text data. (1,68 Mb). Tomsk: Publishing House of Tomsk State Pedagogical University, 2024. 99 p. // <https://fulltext.tspu.ru/OA/m2024-6.pdf>.
13. Rokich M. The nature of human values. 1973. URL: <https://archive.org/details/natureofhumanval00roke/page/n5/mode/2up>.

14. Rubinstein S.L. Fundamentals of general psychology. – St. Petersburg: Peter, 2002. 720 p.
15. Sorokoumova E.A. Psychology of primary school age children. Self-knowledge in the learning process: A textbook / E. A. Sorokoumova. - 2nd ed., translated and supplemented – Moscow: Yurayt Publishing House, 2018. – 304 p. – (Author's textbook). – ISBN 978-5-534-06314-1.
16. Sorokoumova E.A. Understanding metaphor as a way of external representation of meanings of value orientations of personality / E. A. Sorokoumova, D. S. Fadeev, S. L. Kiyashchenko // Psychological science and education. – 2021. – Vol. 26, No. 4. – pp. 104-114. – DOI 10.17759/pse.2021260409.
17. Sorokoumova E.A. On the issue of studying the psychological aspects of personality values in adolescence / E.A. Sorokoumova, M.V. Ferapontova // Value-semantic guidelines in modern education: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Lugansk, December 04-05, 2024. Lugansk: Lugansk State Pedagogical University, 2024. pp. 204-209.
18. Yadov V.A. et al. The dispositional concept of self-regulation and forecasting of social behavior of a personality. Moscow: Publishing House: CSPiM, 2013. 376 pages.

Received: 13.09.2025

Accepted: 18.12.2025

КРИТЕРИАЗИЯ СУБЪЕКТОГЕНЕЗА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© Кузнецова А.А.

Кузнецова А.А. - проректор по воспитательной работе, социальному развитию и связям с общественностью, заведующий кафедрой психологии здоровья и нейропсихологии ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России, кандидат психологических наук

e-mail: Kuznetsova.a80@mail.ru

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Проблемы субъектогенеза много лет интересует исследователей, но в последнее время все большее внимание уделяется вопросу в аспекте этапов профессионализации, влияния различных профессиональных сред и условий профессиональной деятельности, а также критериев оценки его формирования, конструктивной и деструктивной моделям его формирования. В нашем фокусе внимания преподаватели высшей школы в условиях непрерывной педагогической деятельности.

Цель: выявить и измерить уровень сформированности критериев субъектогенеза преподавателей высшей школы.

Методы исследования: теоретический анализ научных публикаций по теме исследования; эмпирические - психодиагностические методики: опросник социально-психологической адаптации личности К. Роджерса и Р. Даймонда; Шкала субъективного благополучия (Г. Перуэ-Баду) (G. Perrudet-Badoux) (адаптация М.В. Соколовой); опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой; методика определения уровня рефлексивности А.В. Карпова; Шкала психологического благополучия К.Рифф (Шевеленкова, Фесенко), Шкала субъективного счастья С. Любомирски в переводе Д.А.Леонтьева, Шлала удовлетворенности жизнью Э. Динера в переводе Д.А. Леонтьева, Мотивация в педагогической деятельности; методы статистической обработки собранных данных.

Результаты исследования. В процессе диагностики были получены эмпирические данные о специфике отношения современных педагогов к мотивационным факторам, влияющим на успешность их профессиональной деятельности. Также было проведено эмпирическое исследование, направленное на оценку критериев сформированности этапов субъектогенеза у преподавателей высшей школы. В ходе изучения субъективного благополучия и саморегуляции у преподавателей вузов выявлен низкий уровень. Система саморегуляции характеризуется средним уровнем выраженности планирования, программирования, гибкости, оценивания результатов и самостоятельности, при этом показатели моделирования условий достижения цели оказались низкими. Уровень развития рефлексивности также оказался средним. Недостаточная рефлексивность способствует

развитию тревожности, редукции профессиональных обязанностей, что может привести к состоянию выгорания в условиях педагогической деятельности.

В рамках исследования были рассмотрены показатели «нормы», в качестве которых выступает социально-психологическая адаптация, и «отклонения», представленные состоянием выгорания. В результате факторизации структурных компонентов состояния выгорания, социально-психологической адаптации и критериев субъектогенеза были выделены три основных фактора. У преподавателей высшей школы первый фактор включает структурные компоненты состояния выгорания и общий индекс состояния выгорания. Второй фактор состоит из субъективного благополучия как критерия влияния состояния выгорания, которое выступает в качестве механизма, регулирующего состояние выгорания у преподавателей вузов. Третий по значимости фактор представлен рефлексивными механизмами.

Ключевые слова: непрерывное образование; преподаватель высшей школы; развитие субъектности; субъектогенез; рефлексивность; саморегуляция; профессиональное выгорание.

Введение

Проблемы субъектогенеза много лет интересует исследователей, но в последнее время все большее внимание уделяется вопросу в аспекте этапов професионализации, влияния различных профессиональных сред и условий профессиональной деятельности, а также критериев оценки его формирования, конструктивной и деструктивной моделям его формирования. В нашем фокусе внимания преподаватели высшей школы в условиях непрерывной педагогической деятельности. «Изменения в понимании сущности и содержания современного высшего образования с очевидностью обнаруживают значимость поиска оснований повышения эффективности профессиональной жизнедеятельности преподавателя высшей школы, развитие субъектности преподавателя при этом является показателем его продвижения к высотам професионализма. Однако «каковы внутренние, сущностные основы такого продвижения?» – вот проблема, которая находится в стадии концептуального осмысления» [1].

Субъектогенез в данном контексте понимается как процесс становления преподавателя высшей школы как активного, рефлексивного, самоуправляемого субъекта профессиональной деятельности, способного к целеполаганию, смыслотворчеству и ответственному выбору в быстро меняющейся образовательной среде. Мы можем рассмотреть несколько проблемных исследовательских зон.

1. *Проблема трансформации профессиональной идентичности в современных реалиях.* Традиционная роль «лектора-транслятора знаний» стремительно устаревает. Преподаватель вынужден осваивать множество новых ролей (тьютор, фасилитатор, модератор, наставник, амбассадор), что может приводить к «размытию» профессионального Я. Так И.Ю. Ильина указывает на основные риски цифровизации: риск чрезмерной «технологизации» профессиональной деятельности преподавателей, риск существенного повышения интенсивности труда преподавателей, риск, связанный с отсутствием эффективных механизмов мотивации и стимулирования преподавателей к повышению уровня цифровой компетентности, риск разрушения привычных форматов взаимодействия преподавателей со студентами, а также классической вузовской культуры [2]. Таким образом, цифровая среда может порождать «гибридную идентичность», совмещающую черты традиционного педагога и цифрового методиста. Это требует пересмотра педагогических установок [16]. Что соотносится с мнением Марковой А.К., что достижение уровня «мастерства» и «творчества» невозможно без преодоления внутренних барьеров и принятия новой субъектной позиции [6]. А далее период самоизоляции внес необходимость перехода от использования информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности преподавателя к погружению в цифровую

среду, виртуальное пространство. Появился еще один модус проблемы - субъект цифровой образовательной среды [9].

2. *Становление преподавателя как субъекта невозможно без интеграции его в цифровую среду.* Однако этот процесс сопровождается риском деформации субъектности: превращения в «оператора платформы», ростом «выгорания», потерей аутентичности в онлайн-коммуникации. Мухидинов М.Г., Абдуразаков М.М., Батыгов З.О. говорят о том, что образовательная деятельность в цифровой образовательной среде может трансформировать деятельность педагога, в том числе и его ролевые позиции. «Реализация той или иной ролевой позиции педагога могут комбинироваться в некоторых случаях, трансформируя содержание традиционных моделей профессиональной деятельности педагога, а в других моделируя новые профессии, актуализированные в условиях использования ЦОС в обучения [11].

Однако простое владение цифровыми инструментами недостаточно. Необходимо развитие критического мышления по отношению к цифровым ресурсам и способности проектировать образовательный процесс в новой среде.

3. *Проблема рефлексивно-оценочной деятельности и внешнего контроля.* Система тотальной метрики (публикационная активность, рейтинги, отчетность) создает внешний, навязанный контур оценки, который подавляет внутреннюю мотивацию и рефлексию преподавателя высшей школы – ключевые компоненты субъектогенеза. В современных условиях именно развитая рефлексия позволяет преподавателю сохранять внутренний стержень и субъектность вопреки внешнему формализованному контролю.

4. *Проблема непрерывного самообразования (непрерывной педагогической деятельности) как основы субъектогенеза.* Во-первых, возникает потребность нахождения «новых» ресурсов преодоления профессиональных деформаций [5]. Во-вторых, скорость изменений требует от преподавателя постоянного повышения уровня компетенций. Однако эффективное непрерывное образование возможно только при сформированной субъектной позиции самого преподавателя. Ключевыми вызовами являются: цифровая трансформация, ролевой конфликт, метрический прессинг и необходимость выстраивания новых отношений со студентами и с самим собой. Решение этих проблем видится в целенаправленном развитии рефлексивной культуры, самоорегуляции, критического мышления, внутренней мотивации к непрерывному саморазвитию у самих преподавателей на практическом уровне и критерии оценки сформированности субъектогенеза на исследовательском уровне.

Рассмотрение саморегуляции, рефлексивности, мотивации и субъективного благополучия в качестве критериев позитивного субъектогенеза отражает современный интегративный подход к проблеме субъектности в психологии.

Позитивный субъектогенез – это процесс становления человека, в котором он приобретает и усиливает способность сознательно управлять своим поведением, рефлексировать свой опыт и выстраивать жизнь в соответствии со своими ценностями, что в итоге приводит к переживанию внутреннего благополучия и полноты жизни. Исходя из этого критериями субъектогенеза могут выступать: инструментальный (как я действую), когнитивный (как я мыслю о себе) и результирующий (что я при этом чувствую). Уровень саморегуляции, как способность человека управлять своими психическими процессами, состояниями, поведением и деятельностью для достижения поставленных целей, может выступать как инструментально-волевой критерий. Без саморегуляции поведение человека реактивно, зависит от внешних стимулов и сиюминутных импульсов. Обеспечивает устойчивость и целенаправленность деятельности. Рефлексивность может выступать как гогнитивно-смысловый критерий. Рефлексия позволяет человеку не просто переживать события, а находить причинно-следственные связи, корректировать свои мотивы, действия, позволяет конструировать и пересматривать свою идентичность, опираясь на рефлексивный анализ своего опыта. Субъективное благополучие может выступать как эмоционально-оценочный критерий. Переживание благополучия подкрепляет успешные

стратегии поведения и стимулирует человека к дальнейшему развитию. Выступает индикатором и результатом успешного субъектогенеза. Если человек – эффективный автор своей жизни (развита саморегуляция) и эта жизнь им осмысlena (развита рефлексивность), закономерным результатом является переживание благополучия.

Критерия неразрывно связаны и образуют взаимоусиливающий цикл позитивного субъектогенеза: рефлексивность помогает человеку осознать свои истинные цели, мотивы и ценности; саморегуляция предоставляет инструментарий для достижения этих целей, преодоления препятствий на пути; достижение значимых целей и реализация ценностей закономерно приводят к субъективному благополучию; пережитое благополучие мотивирует на новые свершения, а рефлексия этого успешного опыта укрепляет веру в свои силы и уточняет дальнейшие цели, замыкая цикл.

Цель исследования: выявить и измерить уровень сформированности критерии субъектогенеза преподавателей высшей школы.

Методы: теоретические - метод категориально-понятийного анализа, проблемологический, библиометрический анализ; эмпирические - психоdiagностические методики: опросник социально-психологической адаптации личности К. Роджерса и Р. Даймонда; Шкала субъективного благополучия (Г. Перуэ-Баду) (G. Perrudet-Badoux) (адаптация М.В. Соколовой); опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой; методика определения уровня рефлексивности А.В. Карпова; Шкала психологического благополучия К.Рифф (Шевеленкова, Фесенко), Шкала субъективного счастья С. Любомирски в переводе Д.А.Леонтьева, Шлала удовлетворенности жизнью Э. Динера в переводе Д.А.Леонтьева, Мотивация в педагогической деятельности.

В качестве концептуальных оснований исследования выступили: основных положениях теории системогенеза в психологии (В.А. Барабанщиков, А.В. Карпов, Ю.П. Поваренков); общая теория систем и ее применение в психологии (Б.Г. Ананьев, В.А. Ганзен, А.В. Карпов, Б.Ф. Ломов, В.Д. Шадриков и др.); теории профессиоанализации личности (Е.А. Климов, О.Г. Носкова, В.Е. Орёл, Ю.П. Поваренков); концепция педагогической деятельности и профессионального развития педагога (Е.А. Сорокоумова, Н.В. Клюева, Л.М. Митина, А.И. Щербаков, А.К. Маркова, А.А. Реан, Субботина, В.А. Якунин); теория профессиональной компетентности педагога (И.А. Зимняя, Н.В. Клюева, Н.В. Кузьмина); исследований субъектогенеза (А.С. Огнев) [4,7,8,10,13,14,16,17].

С опорой на основные положения данных работ была разработана концептуальная модель субъектогенеза в системе непрерывного педагогического образования (рис. 1).

Рис. 1. Концептуальная модель субъектогенеза в системе непрерывного педагогического образования
Fig. 1. Conceptual model of subjectogenesis in the system of continuous pedagogical education

В логике исследовательских задач представлены результаты эмпирического исследования критерии субъектогенеза в соотнесении их со стадиями в аспекте нормы и патологии субъектогенеза.

Исследованы ведущие мотивы профессиональной деятельности педагогов как критерий оценки сформированности первого этапа субъектогенеза - принятие человеком на себя ответственности за исход своих действий.

Выявлена иерархия ведущих мотивов профессиональной деятельности педагогов (рисунок 2).

66

Рис. 2. Иерархия ведущих мотивов профессиональной деятельности
Fig. 2. The hierarchy of leading motives for professional activity

Анализ и интерпретация собранных данных показывают, что самый высокий ранг в выборе мотивов занимает не профессиональный фактор, а скорее социальный престиж, выраженный в стремлении иметь высшее образование. Это указывает на желание удовлетворить потребность в уважении и признании со стороны окружающих, так как наличие высшего образования способствует повышению социального статуса педагога. Также следует отметить значительный ранг фактора «стремление к материальной обеспеченности». Однако, анализ результатов четко демонстрирует мотивы осознанного выбора педагогической профессии, связанные с увлеченностью своим делом и желанием воспитывать детей. Для подтверждения этих предположений была использована дополнительная методика исследования ведущих мотивов профессиональной деятельности – «Изучение мотивации профессиональной деятельности» К. Замфира в модификации А. Реана. В основе этой методики лежит концепция о внутренней и внешней мотивации, где внешние положительные мотивы считаются более эффективными и желательными по сравнению с внешними отрицательными мотивами.

На основе полученных данных определяется мотивационный профиль личности, который представляет собой соотношение трех типов мотивации: внутренней мотивации (ВМ), внешней положительной мотивации (ВПМ) и внешней отрицательной мотивации (ВОМ) (рис. 3).

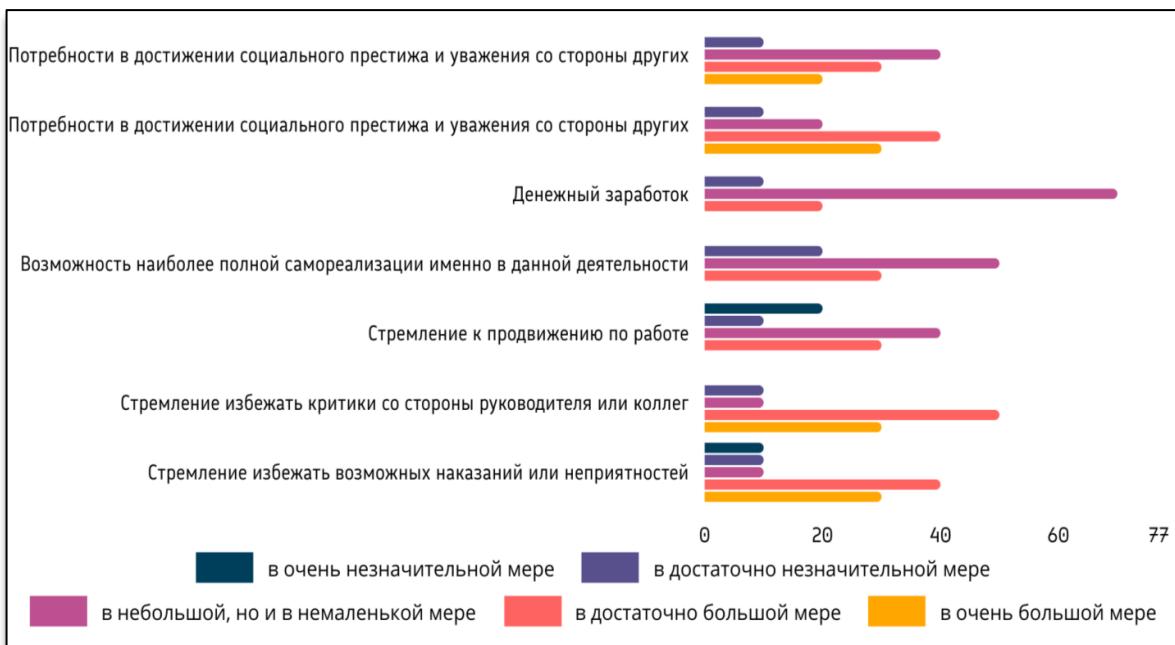

Рис 3. Диаграмма распределения показателей внешних и внутренних мотивов профессиональной деятельности

Fig. 3. Distribution chart of external and internal motivations for professional activity

Таким образом, полученный мотивационный комплекс ВПМ=4,2, ВМ=3,7, ВОМ = 2,1. ВПМ > ВМ > ВОМ показывает, что активность педагогов мотивирована как внешними положительными факторами, так и самим содержанием деятельности.

Анализ результатов позволил выделить две основные группы испытуемых с различным соотношением мотивационных доминант: с доминированием внутренней и внешней положительной мотивации; с ведущими внешними положительными и внешними отрицательными мотивами (меньшая группа).

В структуре профессиональной мотивации педагогов решающее значение имеют следующие позиции привлекательности к профессии: возможность работы с людьми; благоприятный режим работы; соответствие работы способностям и характеру; возможность профессионального самосовершенствования (рис. 4).

Рис. 4 Иерархия позиций привлекательности к профессии
Fig. 4 Hierarchy of Attractiveness to a Profession

Особое внимание следует обратить на позицию «другие факторы», поскольку она имеет высокий коэффициент значимости. Качественный анализ результатов исследования показал, что 80% респондентов указали в качестве данного фактора «возможность личностного совершенствования». Респонденты называли этот фактор «возможность личностного роста», «возможность развиваться личностно», «комплекс профессионального и личностного самосовершенствования», «возможность самопознания и самоуважения» и т.д.

В процессе проведения диагностики также получены эмпирические данные об особенностях отношений современных педагогов к мотивационным факторам, оказывающим различное влияние на успешность их профессиональной деятельности. Далее реализовано эмпирическое исследование оценки критерия сформированности 2 этапа субъектогенеза - переживание возможности реализации различных вариантов будущего, своей причастности к построению образа желаемого результата.

При исследовании субъективного благополучия у преподавателей высшей школы выявлен низкий показатель ($X=47,56 \pm 12,21$).

В результате исследования системы саморегуляции поведения преподавателей высшей школы выявлен низкий общий уровень саморегуляции ($X=18,49 \pm 5,34$).

Способность преподавателей высшей школы самостоятельно регулировать своё поведение можно охарактеризовать как среднюю по уровню выраженности таких компонентов, как планирование, программирование, гибкость, оценка результатов достижения целей и самостоятельность. Однако при этом наблюдается низкий уровень моделирования условий, необходимых для достижения поставленных целей. (рис. 5).

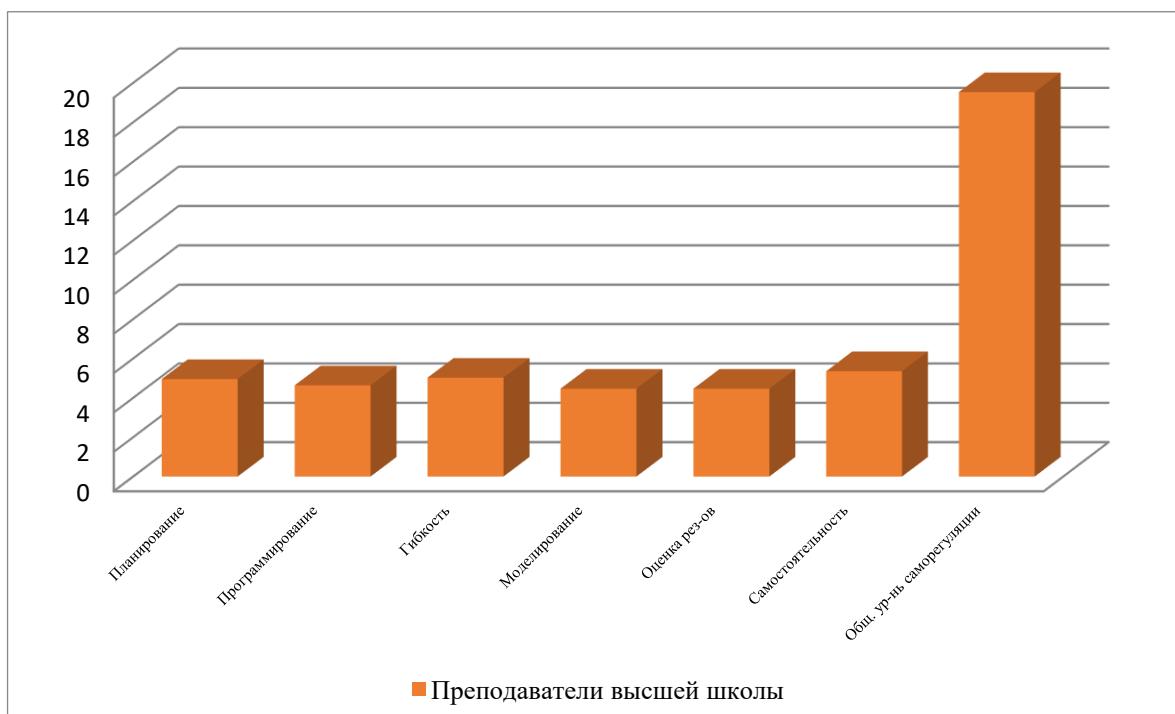

Рис. 5. Гистограмма средних значений параметров системы саморегуляции поведения в условиях педагогической деятельности

Fig. 5. Histogram of the average values of the parameters of the self-regulation system of behavior in pedagogical activities

У преподавателей высшей школы наблюдается профиль, характеризующийся средним уровнем развития программирования действий и планирования целей, при этом моделирование условий достижения цели находится на относительно низком уровне, а оценка результатов — на среднем. Преподаватели высшей школы, несмотря на низкие показатели общего уровня саморегуляции, проявляют упорство в достижении целей. Для

них характерны чрезмерная детализация программы действий и повышенная аккуратность, хотя некоторые значимые условия ситуации могут оставаться вне поля зрения, что иногда нарушает адекватность их действий. Средний уровень гибкости проявляется в затруднении усвоения новых идей.

Для повышения общего уровня саморегуляции поведения у преподавателей высшей школы рекомендуется развивать планирование и программирование.

Далее рассмотрим исследование оценки критерия сформированности третьего этапа субъектогенеза — оценки результата как личностно значимого новообразования, обусловленного собственной активностью.

Рефлексивная функция возникает и реализуется в любой деятельности при возникновении затруднений. Потребность в выявлении причин затруднений требует возвращения во внутреннем плане к их истокам. Рефлексия служит механизмом развития и регуляции деятельности. Деятельность является объектом рефлексии. Рефлексия — это действие, направленное на выяснение оснований собственного способа проявления активности [7].

М.С. Мириманова пишет, что рефлексивность является механизмом, который позволяет человеку сделать себя не только объектом собственного познания, но и управления, контроля, саморазвития; сопряжена с позицией познающего субъекта (внутренней и внешней) [7].

Таким образом, рефлексивность оказывается своего рода субъективным средством самонаблюдения, самоконтроля и саморазвития сознания и деятельности субъекта. При исследовании уровня рефлексивности в условиях педагогической деятельности с использованием методики определения уровня рефлексивности А.В. Карпова [3] выявлен средний уровень развития рефлексивности ($134,75 \pm 12$) у преподавателей высшей школы.

Низкий уровень рефлексивных навыков, связанных с анализом собственной деятельности и общения, приводит к росту тревожности и снижению выполнения профессиональных обязанностей, что, в свою очередь, может вызвать состояние выгорания у педагогов.

В рамках исследования были изучены показатели «нормы», представленные социально-психологической адаптацией, и «отклонения», выраженные в формировании состояния выгорания.

В результате интегральной диагностики состояния выгорания у преподавателей высшей школы выявлен высокий уровень состояния выгорания ($X_{ср.} = 102,45 \pm 19,21$), характеризующийся эмоциональным истощением ($X_{ср.} = 28,36 \pm 10,49$), личностным отдалением ($X_{ср.} = 28,62 \pm 9,00$) и снижением профессиональной мотивации ($X_{ср.} = 43,47 \pm 9,46$).

В результате исследования особенностей социально-психологической адаптации был выявлен общий уровень социально-психологической адаптации, соответствующий диапазону средних значений ($X = 59,79 \pm 12,97$). При рассмотрении параметров социально-психологической адаптации больший вклад вносит показатель «принятие себя» (рис.6).

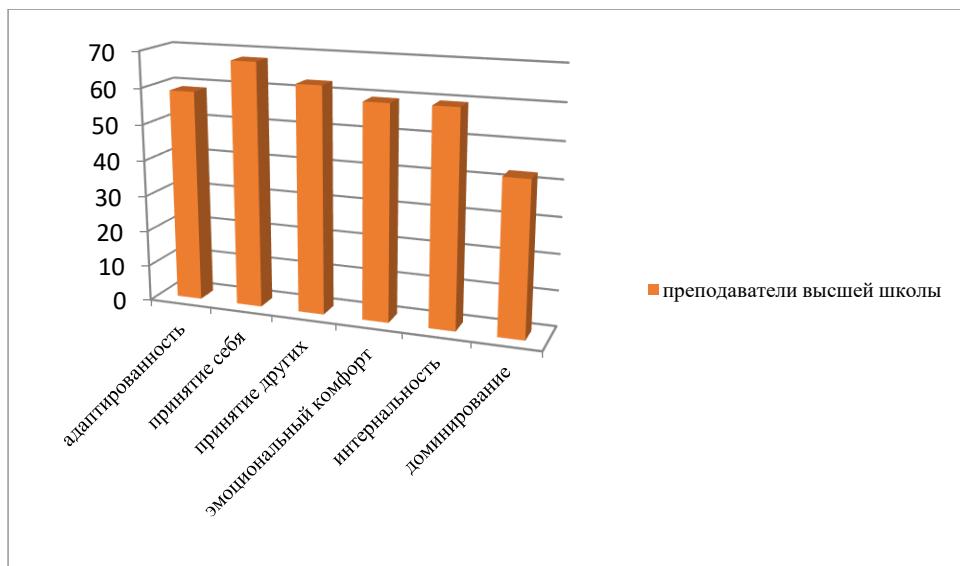

Рис. 6. Гистограмма средних значений показателей уровня выраженности параметров социально-психологической адаптации

Fig. 6. Histogram of the average values of the indicators of the level of severity of the parameters of socio-psychological adaptation

В результате факторизации структурных компонентов состояния выгорания, социально-психологической адаптации и критериев субъектогенеза было выделено по три основных фактора.

У преподавателей высшей школы первый фактор состоит из структурных компонентов состояния выгорания, а также общего индекса состояния выгорания. В состав второго фактора входит субъективное благополучие, выступающее в качестве механизма, обеспечивающего регуляцию состояния выгорания у преподавателей высшей школы. Третий по значимости фактор представлен рефлексивными механизмами (таблица 1).

Таблица 1
Результаты факторного анализа структурных компонентов состояния выгорания, критериев и механизмов его регуляции у преподавателей высшей школы

Table 1
Results of factor analysis of the structural components of the burnout state, criteria and mechanisms of its regulation in higher school teachers

Показатели	Факторы		
	1	2	3
Эмоциональное истощение	0,846*	-0,278	0,078
Личностное отдаление	0,899*	-0,204	-0,007
Профессиональная мотивация	0,360	0,360	0,618
Индекс выгорания	0,951*	-0,105	0,250
Адаптированность	0,192	0,081	-0,019
Благополучие	0,131	-0,787*	0,260
Общий уровень саморегуляции	-0,209	0,149	-0,504
Омысленность жизни	-0,093	0,861*	0,169
Рефлексивность	-0,145	-0,056	0,701*
Собственные значения	2,85	1,66	1,46
Доля общей дисперсии, %	28,52	16,6	14,6

* – максимальные факторные нагрузки >0,7

Выводы. Критериизуя сформированность субъектогенеза необходим инструментарий позволяющий оценить стадию - оценки результата как лично значимого новообразования, детерминированного собственной активностью.

В качестве концептуального основания метода субъективной оценки редукции достижений в условиях педагогической деятельности выступали положения общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, рассматривающие в качестве результирующей профессиональной деятельности достижения, как уже реализованные, так и запланированные. В качестве диагностического показателя метода выступает интегральный показатель субъективной оценки степени выраженности редукции достижений (содержательно распределены на три группы: карьерные достижения, достижения саморазвития, финансово-экономические достижения) в условиях педагогической деятельности (РД), который рассматривается через отношение произведения общего количества достигнутых достижений и общего веса достигнутых достижений к произведению общего количества ожидаемых достижений и общего веса ожидаемых достижений ($РД = ОКдд * ОВдд / ОКод * ОВод$).

Процесс разработки и стандартизации методики осуществлялся поэтапно, от формирования списка достижений до подсчета интегрального показателя РД. Процедура стандартизации методики осуществлена по следующим психометрическим параметрам: конструктной, содержательной и критериальной валидности [12]. Методика переведена в программный продукт для ЭВМ, свидетельство о государственной регистрации № 2014617271.

Таким образом, рассмотрение саморегуляции, рефлексивности, мотивации и субъективного благополучия в качестве системы критериев позволяет комплексно оценить, насколько успешно протекает процесс становления человека как субъекта собственной жизни – активного, осознанного и удовлетворенного автора своего жизненного пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуразаков, М.М. Развитие субъектности преподавателя высшей школы как задача его непрерывного образования / М.М. Абдуразаков, О.Е. Шафранова // Отечественная и зарубежная педагогика. - 2015. - № 6 (27). - С. 90-99. – Текст : непосредственный
2. Ильина, И. Ю. Трансформация профессиональной деятельности преподавателей вузов в условиях цифровизации образования: тенденции и риски / И.Ю. Ильина. – Текст : электронный // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 4. С. 7.-14. – URL : <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1662/1037> (дата обращения: 02.09.2025)
3. Карпов, А.В. Психология принятия управлеченческих решений: монография / А. В. Карпов. – М.: Юрист, 1998. – 437 с. – Текст : непосредственный
4. Клюева, Н.В. Социально-психологическое обеспечение деятельности педагога (ценостно-рефлексивный подход): диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.05 Социальная психология / Надежда Владимировна Клюева, Ярославль, 2000. –322 с. – Текст : непосредственный
5. Коноплёв, С.А. Конкурсы профессионального мастерства - ресурс профессионального и личностного роста молодого педагога / С.А. Коноплёв, Е.А. Шмелева. – Текст : электронный // Пожарная и аварийная безопасность. - 2025. - № 1 (36). - С. 17-24. – URL : https://pab-edufire37.ru/uploads/2025/03/%D0%9F%D0%B8%D0%90%D0%91_136_2025.pdf (дата обращения: 02.09.2025)
6. Маркова.ю А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М., 1996. - 308с. – Текст : непосредственный
7. Мириманова, М.С. Рефлексия как механизм развития самоорганизующихся систем / М.С. Мириманова // Развитие личности. – 2001. – № 1. – С. 49–66. – Текст : непосредственный

8. Митина, Л.М. Психология профессионального развития учителя. / Л.М. Митина. – М.: Изд-во «Академия», 2004. – 320 с. – Текст : непосредственный
9. Молчанова, Л.Н. Особенности эмоционального выгорания личности на различных стадиях субъектогенеза молодых педагогов / Л.Н. Молчанова, А.А. Кузнецова, К.В. Касьянова, Л.Н. Малихова // Перспективы науки и образования. - 2024. - № 3 (69). - С. 558-572. – URL : <https://pnojournal.wordpress.com/2024/06/27/molchanova-8/> (дата обращения: 02.09.2025)
10. Молчанова, Л.Н. Состояние эмоционального выгорания в аспекте субъектогенеза личности в профессиональной и непрофессиональной средах : монография / Л.Н. Молчанова, А.А. Кузнецова, А.В. Столова. – Курск : КГМУ, 2023. – 312 с. – Текст : непосредственный
11. Мухидинов, М.Г. Цифровая образовательная среда как фактор профессионального развития педагога / М.Г. Мухидинов, М.М. Абдуразаков, З.О. Батыгов // Обзор педагогических исследований. - 2021. - Т. 3, № 1. - С. 21-26. – URL : https://opi-journal.ru/wp-content/uploads/2021/02/opi_tom_3_-1.pdf (дата обращения: 02.09.2025)
12. Никишина В.Б. Методика исследования редукции достижений в условиях педагогической деятельности (СОРД): методология и технология стандартизации / В.Б. Никишина, А.А. Кузнецова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2014. - Т. 24, № 26 (197). - С. 154-161. – Текст : непосредственный
13. Огнев, А.С. Практика внедрения позитивно-ориентированного субъектогенеза в систему высшего образования / А.С. Огнев, Э.В. Лихачева // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2014. – Т.11, № 2. – С. 51-67. – Текст : непосредственный
14. Поварёнков, Ю.П. Проблемы психологии профессионального становления личности / Ю.П. Поварёнков. - Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2008. - 400 с. – Текст : непосредственный
15. Рean, А.А. Психология и психодиагностика личности: Теория, методы исследования, практикум / А.А. Рean. - СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. - С. 84–86. – Текст : непосредственный
16. Сорокоумова, Е.А. Функции учителя в инновационном обучении / Е.А. Сорокоумова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология.– 2009.– № 4.– С. 102-110. – Текст : непосредственный
17. Щербаков, А.И. О методологии и методике изучения труда и личности учителя / А.И. Щербаков // Психология труда и личности учителя: сб. научных трудов. Выпуск 1; под ред. проф. А.И. Щербакова. – Л., 1976. – С.3-30. – Текст : непосредственный.

Получена: 08.09.2025

Принята к публикации: 18.12.2025

THE CRITERION OF THE SUBJECTOGENESIS OF A HIGHER SCHOOL TEACHER IN THE CONTEXT

© Alesya A. Kuznetsova

Alesya A. Kuznetsova - Vice-Rector for Educational Work, Social Development and Public Relations, Head of the Department of Health Psychology and Neuropsychology Kursk State Medical University, Candidate of Psychological Sciences

e-mail: Kuznetsova.a80@mail.ru

Address: 305041, Kursk, K. Marx str., 3, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The problems of subjectogenesis have been of interest to researchers for many years, but recently more and more attention has been paid to the issue in terms of the stages of professionalization, the influence of various professional environments and conditions of professional activity, as well as criteria for evaluating its formation, constructive and destructive models of its formation. Our focus is on higher school teachers in the context of continuous pedagogical activity.

Purpose. To identify and measure the level of formation of criteria for the subjectogenesis of higher school teachers.

Methods and materials. Theoretical analysis of scientific publications on the research topic; empirical - psychodiagnostic methods: questionnaire of socio-psychological adaptation of personality by K. Rogers and R. Diamond; Scale of subjective well-being (G. Perrudet-Badoux) (adaptation by M.V. Sokolova); questionnaire "Style of self-regulation of behavior" by V.I. Morosanova; the methodology for determining the level of reflexivity by A.V. Karpov; The scale of psychological well-being by K.Riff (Shevelenkova, Fesenko), the Scale of subjective happiness by S. Lyubomirsky translated by D.A.Leontiev, the scale of life satisfaction by E. Translated by D.A.Leontiev, Motivation in pedagogical activity; methods of statistical processing of the collected data.

Results. During the diagnostic process, empirical data was obtained on the peculiarities of modern teachers' attitudes towards motivational factors that have a different impact on the success of their professional activities. An empirical study of the assessment of criteria for the formation of stages of subjectogenesis among higher school teachers has been implemented. The study of subjective well-being and the system of self-regulation among higher school teachers revealed a low indicator. The self-regulation system is characterized by an average level of planning, programming, flexibility, evaluation of the results of achieving the goal and independence with low indicators of the level of severity of modeling the conditions for achieving the goal. The average level of reflexivity development has been revealed. Insufficiently developed reflexive abilities related to the analysis of one's activities and communication contribute to the development of anxiety and depression, emotional and moral disorientation and reduction of professional responsibilities, contributing to the emergence of a state of burnout in teaching. In the logic of the study, the indicators of the "norm" are investigated. Its quality is socio-psychological adaptation

and "deviations" in the formation of subjectogenesis, its quality is the "state of burnout". As a result of factorization of the structural components of the state of burnout, socio-psychological adaptation and criteria of subjectogenesis, three main factors were identified. For higher school teachers, the first factor consists of the structural components of burnout, as well as the overall burnout index. The second factor includes subjective well-being as a criterion for the influence of burnout, which acts as a mechanism for regulating the state of burnout among higher school teachers. The third most important factor is represented by reflexive mechanisms. Thus, considering self-regulation, reflexivity, motivation, and subjective well-being as a system of criteria allows us to comprehensively assess how successful the process of becoming a person as a subject of one's own life is - an active, conscious, and satisfied author of one's life path.

Key words: *continuing education, higher school teacher, development of subjectivity, subjectogenesis, reflexivity, self-regulation, professional burnout.*

REFERENCES

1. Abdurazakov, M.M. Razvitie sub"ektnosti prepodavatelya vysshej shkoly kak zadacha ego nepreryvnogo obrazovaniya / M.M. Abdurazakov, O.E. Shafanova // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. - 2015. - № 6 (27). - S. 90-99. – Tekst : neposredstvennyj
2. Il'ina, I. YU. Transformaciya professional'noj deyatel'nosti prepodavatelej vuzov v usloviyah cifrovizacii obrazovaniya: tendencii i riski / I.YU. Il'ina. – Tekst : elektronnyj // Vestnik Mininskogo universiteta. 2024. T. 12, № 4. S. 7-14. – URL : <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1662/1037> (data obrashcheniya: 02.09.2025)
3. Karpov, A.V. Psihologiya prinyatiya upravlencheskih reshenij: monografiya / A. V. Karpov. – M.: YUrist, 1998. – 437 s. – Tekst : neposredstvennyj
4. Klyueva, N.V. Social'no-psihologicheskoe obespechenie deyatel'nosti pedagoga (cennostno-refleksivnyj podhod): dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora psihologicheskikh nauk po special'nosti 19.00.05 Social'naya psihologiya / NadezhdaVladimirovna Klyueva, YAroslavl', 2000. –322 s. – Tekst : neposredstvennyj
5. Konoplyov, S.A. Konkursy professional'nogo masterstva - resurs professional'nogo i lichnostnogo rosta molodogo pedagoga / S.A. Konoplyov, E.A. SHmeleva. – Tekst : elektronnyj // Pozharnaya i avarijnaya bezopasnost'. - 2025. - № 1 (36). - S. 17-24. – URL : https://pab-edufire37.ru/uploads/2025/03/%D0%9F%D0%8B%D0%90%D0%91_136_2025.pdf (data obrashcheniya: 02.09.2025)
6. Markova.yu A.K. Psihologiya professionalizma / A.K. Markova. – M., 1996. - 308s. – Tekst : neposredstvennyj
7. Mirimanova, M.S. Refleksiya kak mekhanizm razvitiya samoorganizuyushchihsyu sistem / M.S. Mirimanova // Razvitie lichnosti. – 2001. – № 1. – S. 49–66. – Tekst : neposredstvennyj
8. Mitina, L.M. Psihologiya professional'nogo razvitiya uchitelya. / L.M. Mitina. – M.: Izd-vo «Akademiya», 2004. – 320 s. – Tekst : neposredstvennyj
9. Molchanova, L.N. Osobennosti emocional'nogo vygoraniya lichnosti na razlichnyh stadiyah sub"ektogeneza molodyh pedagogov / L.N. Molchanova, A.A. Kuznecova, K.V. Kas'yanova, L.N. Malihova // Perspektivy nauki i obrazovaniya. - 2024. - № 3 (69). - S. 558-572. – URL : <https://pnojournal.wordpress.com/2024/06/27/molchanova-8/> (data obrashcheniya: 02.09.2025)
10. Molchanova, L.N. Sostoyanie emocional'nogo vygoraniya v aspekte sub"ektogeneza lichnosti v professional'noj i neprofessional'noj sredah : monografiya / L.N. Molchanova, A.A. Kuznecova, A.V. Stulova. – Kursk : KGMU, 2023. – 312 s. – Tekst : neposredstvennyj
11. Muhidinov, M.G. Cifrovaya obrazovatel'naya sreda kak faktor professional'nogo razvitiya pedagoga / M.G. Muhidinov, M.M. Abdurazakov, Z.O. Batygov // Obzor pedagogicheskikh issledovanij. - 2021. - T. 3, № 1. - S. 21-26. – URL : https://opi-journal.ru/wp-content/uploads/2021/02/opi_tom_3_-1.pdf (data obrashcheniya: 02.09.2025)
12. Nikishina V.B. Metodika issledovaniya redukcii dostizhenij v usloviyah pedagogicheskoy deyatel'nosti (SORD): metodologiya i tekhnologiya standartizacii / V.B. Nikishina, A.A.

- Kuznecova // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. - 2014. - T. 24, № 26 (197). - S. 154-161. – Tekst : neposredstvennyj
13. Ognev, A.S. Praktika vnedreniya pozitivno-orientirovannogo sub"ektogeneza v sistemu vysshego obrazovaniya / A.S. Ognev, E.V. Lihacheva // Psihologiya. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki. – 2014. – T.11, № 2. – S. 51-67. – Tekst : neposredstvennyj
14. Povaryonkov, YU.P. Problemy psihologii professional'nogo stanovleniya lichnosti / YU.P. Povaryonkov. - YAroslavl': Izd-vo «Kancler», 2008. - 400 s. – Tekst : neposredstvennyj
15. Rean, A.A. Psihologiya i psihodiagnostika lichnosti: Teoriya, metody issledovaniya, praktikum / A.A. Rean. - SPb.: Prajm-EVROZNAK, 2006. - S. 84–86. – Tekst : neposredstvennyj
16. Sorokoumova, E.A. Funkcii uchitelya v innovacionnom obuchenii / E.A. Sorokoumova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholohova. Pedagogika i psihologiya.– 2009.– № 4.– S. 102-110. – Tekst : neposredstvennyj
17. SHCHerbakov, A.I. O metodologii i metodike izucheniya truda i lichnosti uchitelya / A.I. SHCHerbakov // Psihologiya truda i lichnosti uchitelya: sb. nauchnyh trudov. Vypusk 1; pod red. prof. A.I. SHCHerbakova. – L., 1976. – S.3-30. – Tekst : neposredstvennyj.

Received: 08.09.2025

Accepted: 18.12.2025

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ КОЛИЧЕСТВОМ ЭКРАННОГО ВРЕМЕНИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ПРОБЛЕМНЫМИ ПАТТЕРНАМИ ПОВЕДЕНИЯ

© Данильчук Д.В., Григорян С.М., Ткаченко П.В.

Данильчук Д.В. – студентка 5 курса лечебного факультета, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России
e-mail: daria.danilchuk@mail.ru

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российская Федерация

Григорян С.М. – студентка 5 курса лечебного факультета, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России
e-mail: sofigrigorian25@mail.ru

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российская Федерация

76

Ткаченко П.В. – заведующий кафедрой нормальной физиологии им. А.В. Завьялова, директор НИИ физиологии, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России, доктор медицинских наук, доцент
e-mail: tkachenkopv@kursksmu.net

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Анализ научной литературы демонстрирует актуальность исследования влияния экранного времени на психическое здоровье человека, значимость углубленного подхода. Несмотря на большое количество исследований, подтверждающих наличие негативного влияния частого использования цифровых устройств на развитие психопатологий, многие из клинических проявлений до сих пор остаются неизученными.

Цель – установить наличие и определить характер связи между количеством времени, проведённым за использованием цифровых устройств, и психологическими особенностями личности.

Материалы и методы. Исследование производилось на выборочной совокупности, состоящей из 150 студентов Курского государственного медицинского университета (г. Курск, Российская Федерация). Средний возраст участников исследования составил 19,25 года ($\sigma=0,86$). Удельный вес женщин составил 64,67%, мужчин – 35,33%. Испытуемым предоставлялся доступ к комплексу необходимых инструментов, который состоял из анонимной анкеты и 5 стандартизованных психологических тестов (шкала депрессии Бека, шкала тревоги Бека, интегративный тест тревожности, шкала диагностики СДВГ у взрослых, симптоматический опросник). Статистический анализ полученных результатов производился в программе Microsoft Excel. Надёжность психометрических шкал

оценивалась на основании альфа-коэффициента Кронбаха. Прямолинейная корреляция, значимость результатов рассчитывались по Спирмену.

Результаты. Полученные данные демонстрируют слабую взаимосвязь между продолжительностью использования гаджетов и указанными выше психологическими характеристиками, что позволяет предположить отсутствие влияния цифрового поля на развитие депрессивных, тревожных, сенситивных черт, соматических проявлений, что требует дальнейшего изучения. Между депрессией, тревожностью и рассмотренными психологическими личностными особенностями наиболее значимые, сильные прямолинейные связи, что позволяет выдвинуть предположение о главенствующей роли именно тревожности и депрессии в основе формирования анализируемых характеристик.

Выводы. Ввиду того, что связь между исследуемыми показателями была выявлена, но имела слабую силу, следует направить дальнейшие исследования на изучение взаимосвязи между параметрами психического здоровья и конкретными потребностями использования гаджетов в повседневной жизни.

Ключевые слова: *психологические особенности, депрессия, тревожность, использование цифровых устройств, психическое здоровье, цифровое поле.*

Введение

За последнее десятилетие во многих странах мира существенно возросла доля взрослого населения с неудовлетворительным психическим здоровьем. Одновременно с этим произошли значительные изменения в развитии цифровых технологий и возможностях их использования [5]. Так как, на данный период, мобильные устройства предоставляют множество разнообразных функций и инструментов для решения самых разных задач и проблем, ими пользуются взрослые каждой возрастной группы без исключения [10]. Несмотря на все существующие преимущества, чрезмерное использование гаджетов может способствовать формированию патологических моделей поведения, в том числе развитию цифровой аддикции [1, 6, 19].

Последние исследования (L. Li и др., 2025 г.) демонстрируют наличие достоверной связи между количеством времени, проведённого за экраном смартфона, и повышенным риском развития депрессии у лиц женского пола. Аналогичная связь среди мужчин оказалась статистически незначимой. Механизмы, лежащие в основе данной корреляции, остаются до сих пор неясными. Но существует несколько гипотез, которые направлены на объяснение данного феномена. Во-первых, увеличение продолжительности использования цифровых устройств в большинстве случаев связано с понижением уровня физической активности, которая играет немалую роль в профилактике депрессии. Во-вторых, чрезмерное использование гаджетов ассоциировано с нарушениями сна, которые являются фактором риска развития депрессивного расстройства [12]. В-третьих, развитие данного психического расстройства может быть обусловлено радиочастотным электромагнитным излучением, но исследования, посвящённые этому вопросу, демонстрируют противоречивые результаты. В-четвертых, чрезмерное использование мобильного устройства может быть связано с уменьшением количества непосредственных социальных взаимодействий (прямого общения), что способствует ухудшению психологического состояния индивида [13]. В другом исследовании (Y. Wacks, AM. Weinstein, 2021 г.) были получены результаты, противоречившие предыдущей работе. Авторы указывают на связь между проблемным использованием смартфона и высоким уровнем депрессивных настроений, особенно у мужчин [20].

J. Schmidt-Persson и др. (2022) в своём кластерном рандомизированном контролируемом исследовании отмечают, что сокращение использования цифровых устройств в домашних условиях в развлекательных целях благоприятно влияет на общее психическое состояние и настроение. Авторы предполагают, что постоянный доступ к гаджету может вызывать у человека ощущение необходимости быть на связи постоянно,

что, в свою очередь, может провоцировать чувство тревоги, депрессии или вины. К другим факторам, объясняющим полученные результаты, относятся: социальное сравнение, провоцируемое использованием социальных сетей, и нарушение здорового образа жизни (нерегулярность приёмов пищи, низкий уровень двигательной активности, проблемы со сном), связанное с избыточным использованием смартфона на постоянной основе [5].

В исследовании 2024 г. (Y. Zhao и др.) отмечено существование связи между временем, проведённым за использованием гаджета, и широко распространёнными структурными и функциональными особенностями мозга, связанными с процессами контроля и вознаграждения. Также было указано, что многократное использование цифровых устройств в период активного развития головного мозга может повысить риск ускоренной нейродегенерации во взрослом возрасте [15].

Y. Wacks, AM. Weinstein (2021 г.) в своей обзорной научно-исследовательской работе показывают, что проблемное использование смартфона может объяснить эмоциональную дисрегуляцию (обусловленную снижением когнитивного контроля при обработке эмоций в головном мозге), сниженную работоспособность, повышенную импульсивность, гиперактивность, нарушение внимания, ухудшение отношений в семье, социальную изоляцию, чувство одиночества, а также низкую самооценку [8, 18, 20]. Сразу в нескольких исследованиях подчёркивается коморбидность чрезмерного использования мобильных устройств и психических расстройств, таких как депрессия, тревожность (в том числе социальная), обсессивно-компульсивное расстройство, посттравматическое стрессовое расстройство, синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), расстройство пищевого поведения [2, 7, 8, 16]. Также было установлено наличие положительной корреляции между цифровой аддикцией и активностью правой миндалины при проведении диффузной МРТ, отрицательной - между объемом серого вещества правой латеральной орбитофронтальной коры и показателями, характеризующими зависимое от смартфона поведение [9].

D. Mayerhofer и др. (2024) обнаружили в своей работе зависимость “доза - реакция”, при которой риск возникновения проявлений депрессии и тревожности постепенно возрастал по мере увеличения времени использования смартфона [17].

Исследование 2025 г. (N. Castelo и др.) продемонстрировало, что отключение мобильного интернета на смартфонах на срок 2 недели способствует значительному улучшению психического здоровья, субъективного благополучия, а также повышению концентрации внимания [3]. Полученные результаты подтверждаются в научном исследовании K.A. Devi, S.K. Singh (2023 г.): использование программ цифровой детоксикации улучшало состояние психического здоровья с помощью снижения уровня стресса, тревоги и физического здоровья посредством повышения качества сна и нормализации веса [4]. Таким образом, данные работы демонстрируют необходимость целенаправленной разработки мероприятий для повышения цифровой грамотности населения.

I. Zeb, A. Khan, Z. Yan (2024 г.) в своем исследовании указывают на обнаружение высоких значений содержания гамма-аминомасляной кислоты в головном мозге лиц, которые чрезмерно пользуются смартфонами, что приводит к нарушению концентрации внимания, повышенной отвлекаемости и снижению контроля [21]. Многие авторы классифицируют цифровую поведенческую зависимость как расстройство контроля над импульсами, приводящее к последствиям, схожим с патологическим влечением к азартным играм и расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ [11]. Также подчёркивается, что лица, использующие мобильные устройства в качестве инструмента для регуляции эмоционального состояния, имеют более высокую вероятность развития дезадаптивного копинг-поведения. К типичным неадаптивным стратегиям преодоления стрессовых ситуаций относятся избегание, отрицание, самоотвлечение [22].

Несмотря на все исследования последних лет, до сих пор неизвестно, являются ли высокие временные показатели экранного времени причиной или проявлением поведенческих и эмоциональных расстройств [14].

Вышеизложенный анализ научной литературы демонстрирует актуальность исследования влияния экранного времени на психическое здоровье человека, подчеркивая значимость углубленного подхода в этом вопросе. Несмотря на большое количество исследований, подтверждающих наличие негативного влияния частого использования цифровых устройств на развитие психопатологических состояний, многие из клинических проявлений до сих пор остаются неизученными. Поэтому крайне значимым является проведение исследования корреляционных связей между симптомами, выявленными с помощью психологических методик, и показателями использования мобильных телефонов испытуемыми. Практическая ценность работы обусловлена формированием объективного представления о влиянии технологий на психику и созданием условий оптимального использования цифровых инструментов. Научной новизной исследования выступает применение мультимодального подхода, охватывающего широкий спектр психопатологических состояний, что позволяет выявить множественные взаимосвязи не только между количественными значениями экранного времени и психологическими состояниями, но также и внутри самих психических характеристик.

Цель исследования: установить наличие и определить характер связи между количеством времени, проведенным за использованием цифровых устройств, и психологическими особенностями личности.

Материалы и методы. Для исследования взаимосвязи экранного времени и психологических особенностей личности была использована совокупность методов исследования: поиск, анализ и систематизация научной литературы по соответствующей теме, анонимное дистанционное анкетирование, мультимодальное психологическое тестирование, обработка результатов и статистический анализ. Исследование производилось на выборочной совокупности, состоящей из 150 студентов Курского государственного медицинского университета (г. Курск, Российская Федерация). Метод простого случайного бесповторного отбора лежал в основе формирования исследуемой выборки. Средний возраст участников составил 19,25 лет ($\sigma=0,86$). Удельный вес женщин составил 64,67%, мужчин – 35,33%. Перед проведением исследования все участники были в полном объеме осведомлены о цели, задачах, методологии исследования и анонимности данных. Все полученные результаты были представлены в обобщенном и обезличенном виде.

Критерии включения в исследование:

1. Студент, обучающийся на 2 курсе в КГМУ (Курск, РФ), использующий цифровые устройства на повседневной основе и не имеющий диагностированного психического расстройства или расстройства поведения, а также не применяющий психотропных лекарственных средств и психотерапевтических сеансов в качестве методов лечения;
2. Возраст совершеннолетия;
3. Согласие соблюдать правила исследования;
4. Подписанное в электронном формате добровольное информированное согласие на участие в исследовании.

Критерии исключения из исследования:

1. Досрочное завершение участия в исследовании по инициативе обучающегося;
2. Предоставление участником необходимых данных в анкете не в полном объеме.

На начальном этапе процедура исследования включала в себя получение добровольного информированного согласия от студентов-участников. Далее посредством сканирования QR-кодов испытуемым предоставлялся доступ в онлайн формате к

комплексу необходимых инструментов, который состоял из анонимной анкеты и 5 стандартизованных психологических тестов (шкала депрессии Бека, шкала тревоги Бека, интегративный тест тревожности, шкала диагностики СДВГ у взрослых, симптоматический опросник). Специально разработанная анкета была направлена на получение социально-демографических данных (возраста, половой принадлежности, уровня образования) и иных сведений (количества времени, проводимого за использованием смартфона), релевантных цели исследования.

Оценка интенсивности клинических проявлений депрессивного расстройства у испытуемых производилась посредством шкалы депрессии Бека, включающей дополнительно 2 субшкалы. Данный диагностический инструмент состоял из 21 пункта, каждый из которых подразделялся на 4-5 утверждений, ранжированных по тяжести симптоматики от 0 до 3 баллов включительно. После суммирования полученных баллов производилась интерпретация результатов. Значения от 0 до 9 баллов включительно свидетельствовали об отсутствии депрессивного расстройства. Значения в пределах от 10 до 18 баллов включительно указывали на наличие субклинической депрессии и депрессии умеренной степени тяжести. Значения, варьирующие от 19 до 29 баллов включительно, являлись маркёрами выраженной депрессии средней степени тяжести. Значения в диапазоне от 30 до 63 баллов включительно свидетельствовали о тяжелом депрессивном расстройстве. Альфа-коэффициент Кронбаха для данного инструмента составил 0,90.

Выраженность тревожного расстройства оценивалась посредством шкалы тревоги Бека, включавшей 21 пункт, каждый из которых представлял собой наиболее распространённый симптом тревоги. Каждое утверждение могло быть оценено по шкале от 0 до 3. Все пункты суммировались и интерпретировались в зависимости от полученного результата. Значения от 0 до 9 баллов включительно указывали на отсутствие тревоги. Значения в диапазоне от 10 до 21 балла включительно являлись маркером наличия незначительного уровня тревоги. Значения от 22 до 35 баллов включительно демонстрировали присутствие у индивидуума тревоги средней степени выраженности. Значения в интервале от 36 до 63 баллов включительно являлись индикатором тревоги очень высокой степени. Альфа-коэффициент Кронбаха для данного инструмента составил 0,92.

В качестве дополнительной методики для определения выраженности тревоги и её дифференцировки в контексте ситуативного и индивидуально-типологического характера использовался “Интегративный тест тревожности” (ИТТ). Диагностический инструмент представлен 30 утверждениями, одна половина которых направлена на оценку наличия и выраженности ситуационной тревожности, другая - личностной. Оценочная шкала ранжирована от 0 до 3 баллов включительно, где 0 - отсутствие данного проявления у индивида, а 3 - максимальная его выраженность. Значения основных двух шкал (ситуационной и индивидуально-типологической) в диапазоне от 0 до 3 включительно являлись вариантом нормы, от 4 до 6 включительно - свидетельствовали о наличии тревожности умеренной интенсивности, от 7 до 9 включительно - указывали на тревожность высокой интенсивности. Каждая главная шкала включала в свой состав 5 дополнительных компонентов («эмоциональный дискомфорт» (ЭД), «астенический компонент» (АК), «фобический компонент» (ФК), «тревожная оценка перспективы» (ТОП), «социальная защита» (СЗ)) с идентичным механизмом интерпретации баллов.

Шкала диагностики СДВГ у взрослых использовалась в исследовании как инструмент для выявления типичных проявлений одноименного расстройства. Опросник включает 18 вопросов, 6 из которых представляли наибольшую значимость, остальные 12 носили дополнительный характер и использовались для уточнения интенсивности клинической симптоматики. Все вопросы предназначены для формирования одной основной шкалы и двух вспомогательных: гиперактивности и невнимательности. Каждый ответ на вопрос оценивался в пределах от 0 (симптом совсем не выражен) до 4 (симптом имеет максимальную степень выраженности) баллов включительно. Если значения

основной шкалы варьировали от 0 до 3 баллов включительно, то это свидетельствовало о норме. Если значения находились в пределах от 4 до 6 включительно, то это указывало на наличие симптомов СДВГ и необходимость проведения дальнейшего обследования у специалиста. Преимущество данного диагностического инструмента состояло в том, что он позволил не только определить вероятность наличия СДВГ, но и оценить его вид. Гиперактивно-импульсивный тип связан с формулировками ответов “часто” или “очень часто” на вопросы 4, 12, 13, 14, 15, так как именно они являлись маркерами импульсивного и нетерпеливого поведения, а также наличия у индивида беспокойства. Проблемы с концентрацией и вниманием являлись характерными для невнимательного типа и ассоциированы с ответами “часто” и “очень часто” на пункты с порядковым номером 1, 2, 3, 6, 7. При высокой интенсивности и одинаковом количественном распределении гиперактивно-импульсивных и невнимательных симптомов констатировался комбинированный тип. Альфа-коэффициент Кронбаха для шкалы диагностики СДВГ у взрослых составил 0,80.

Для комплексной оценки наличия и выраженности психопатологических симптомов у испытуемых применялся «Симптоматический опросник», содержащий 90 утверждений, объединённых в 12 шкал:

1. Соматизация
2. Обсессивно-компульсивные расстройства (навязчивости)
3. Интерперсональная чувствительность
4. Депрессия
5. Тревожность
6. Браждебность
7. Навязчивые страхи (фобии)
8. Паанойдность (паанояльность)
9. Психотизм
10. Общий индекс тяжести
11. Индекс тяжести наличного дистресса
12. Число утвердительных ответов (число беспокоящих симптомов)

Каждое утверждение оценивалось от 0 (симптом отсутствует) до 4 (максимальная выраженность признака) включительно. Альфа-коэффициент Кронбаха для симптоматического опросника составил 0,80.

Обработка, обобщение и статистический анализ полученных результатов производились при помощи программы Microsoft Excel. Нормальность распределениях всех клинических и демографических показателей оценивалась графическим методом. Результаты показали, что распределение не соответствовало нормальному. Для каждого параметра были рассчитаны дескриптивные характеристики: средние величины и стандартное отклонение. Надёжность психометрических шкал оценивалась на основании альфа-коэффициента Кронбаха. Прямолинейная корреляция и значимость полученных результатов рассчитывались по Спирмену.

Результаты и обсуждения. В ходе проведённого исследования было установлено, что среди опрошенных большинство (47,33%) использует мобильные устройства более 8 часов в сутки (рис.1). При этом несмотря на широко используемую дифференцировку экранного времени, начиная с диапазона 0-2 ч., было решено не выделять данную категорию ввиду отсутствия респондентов с подобной характеристикой.

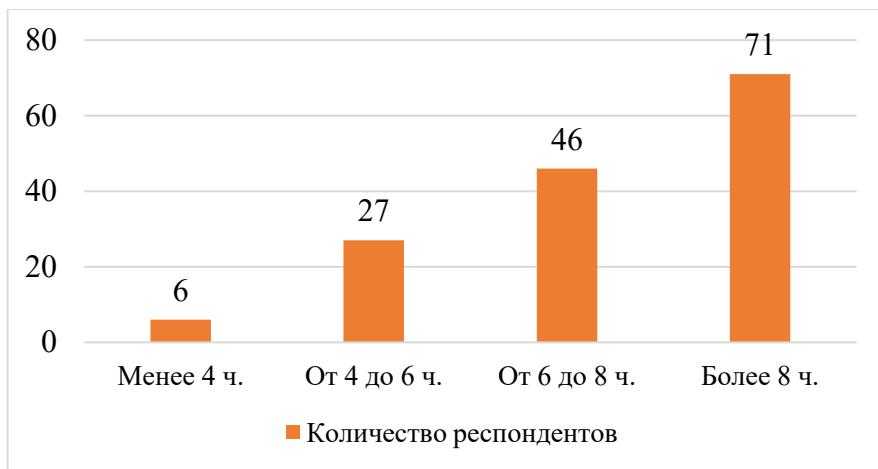

Рис. 1. Распределение респондентов в зависимости от величины параметра экранного времени
 Fig. 1. Distribution of respondents based on the screen time parameter

Исходя из полученных результатов, коэффициент корреляции между ситуационной тревожностью и экранным временем достиг $0,187$ ($p \leq 0,05$), что иллюстрировало нивелированную прямолинейную связь. При рассмотрении компонентов ситуационной тревожности было установлено, что сила корреляционной связи между ЭД и временем обращения к мобильным устройствам определялась как слабая прямолинейная, так как коэффициент корреляции составлял $0,178$ ($p \leq 0,05$). Между АК и экранным временем коэффициент корреляции был равен $0,246$ ($p \leq 0,01$), следовательно, установлена прямолинейная связь, незначительная по своей силе. Коэффициенты корреляции между ФК, ТОП, СЗ и экранным временем статистически не значимы. Полученные результаты противоречат гипотезам J. Schmidt-Persson и др. (2022), касаюю возникновения чувства тревоги и напряжения от постоянного доступа к гаджетам, что может быть связано с ограничениями выборки испытуемых и специфичностью анализируемого психологического состояния, так как конкретно компоненты ситуационной тревожности в актуальных работах исследованы не были.

Сила корреляционной связи между параметром соматизации, определённым благодаря симптоматическому опроснику, и экранным временем была слабой прямой прямолинейной, так как коэффициент корреляции равен $0,277$ ($p \leq 0,001$). Коэффициент корреляции между сенситивностью и временем, проводимым с использованием мобильных устройств, составил $0,19$ ($p \leq 0,05$), что демонстрировало незначительную прямую связь. Между уровнем депрессии по симптоматическому опроснику и экранным временем коэффициент корреляции был равен $0,165$ ($p \leq 0,05$), что отражало слабую прямую связь.

Несколько выше показатель корреляции при сопоставлении тревожности и длительности обращения к электронным устройствам: коэффициент корреляции $0,193$ ($p \leq 0,05$), значит, связь между параметрами нивелированная, но статистически значимая. Между общим индексом тяжести состояния и экранным временем коэффициент корреляции был равен $0,198$ ($p \leq 0,05$), что характеризовало связь как прямую, слабую по силе. Коэффициент корреляции между индексом тяжести наличного дистресса и длительностью применения цифровых устройств составил $0,218$ ($p \leq 0,05$), следовательно, сила прямой прямолинейной связи оценивалась как слабая.

Изложенные данные демонстрируют крайне слабую взаимосвязь между продолжительностью использования гаджетов и указанными выше психологическими характеристиками, что позволяет предположить отсутствие или небольшую значимость влияния цифрового поля на развитие депрессивных, тревожных, сенситивных черт, соматических проявлений, что требует дальнейшего изучения.

При этом проанализированные результаты противоречат данным V.S. Nakshine и др. (2022 г.), согласно которым длительное использование цифровых устройств может играть

роль триггера многих стрессиндуцированных соматических заболеваний, привести к суициальным мыслям, усилению депрессивных симптомов и иным расстройствам настроения и психологическому дисбалансу.

Подобные различия могут быть сопряжены со спецификой психологического состояния студентов-медиков, которые обучаются в условиях хронического стресса и нервного напряжения, что может повлиять на результаты данного исследования. Также можно выдвинуть предположение о том, что пусковым механизмом в возникновении и последующей акцентуации исследуемых нами индивидуально-психологических особенностей личности является не количественный, а качественный показатель использования цифрового устройства.

Между экранным временем и такими параметрами, как личностная тревожность, гиперактивность, невнимательность, СДВГ, навязчивость, враждебность, фобия, паранойяльность, психотизм, тревожность и депрессия, определёнными по шкалам Бека, статистически значимой корреляционной взаимосвязи обнаружено не было. Указанные результаты противоречат ранее проводимым исследованиям Y. Wacks, AM. Weinstein (2021 г.) и I. Zeb, A. Khan, Z. Yan (2024 г.), что может быть обусловлено небольшой выборкой испытуемых из однородной социальной группы. При этом нельзя однозначно утверждать, что на данные параметры экранное время не оказывает никакого влияния, так же, как и нет возможности исключить обусловленность продолжительного использования цифровых устройств под влиянием вышеперечисленных психологических особенностей личности, так как проведённое исследование включало в себя анализ исключительно прямолинейных связей для выявления общей тенденции.

При рассмотрении проблемы цифровизации современного общества сохраняет актуальность вопрос сопряжённости психологических состояний у лиц, находящихся под длительным воздействием мобильных устройств. Так, коэффициент корреляции между ситуационной тревожностью и соматизацией составил 0,491 (p£0,001), что указывало на умеренную силу прямой связи. Между ЭД как компонентом ситуационной тревожности и соматизацией отмечена прямая связь средней силы ввиду того, что коэффициент корреляции достиг 0,44 (p£0,001). Характеризуя взаимосвязь между АСТ и соматизацией, установили коэффициент корреляции, равный 0,522 (p£0,001), что иллюстрировало заметную силу прямой прямолинейной связи. Коэффициент корреляции между сенситивностью и соматизацией был равен 0,497 (p£0,001), значит, связь между анализируемыми параметрами прямая умеренная.

Между ситуационной тревожностью и сенситивностью характер связи прямой средней силы, более выраженный в связи с тем, что коэффициент корреляции достиг значения 0,659 (p£0,001). При рассмотрении ЭД в качестве компонента ситуационной тревожности и сенситивности вычислили коэффициент корреляции, равный 0,542 (p£0,001), следовательно, прямая прямолинейная связь средней силы, заметная. Исследуя следующий компонент ситуационной тревожности, АСТ, и сенситивность, установили, что коэффициент корреляции составил 0,404 (p£0,001), чем выражалась умеренная прямая связь между данными психологическими компонентами. Между сенситивностью и депрессией, определённой посредством симптоматического опросника, коэффициент корреляции был равен 0,763 (p£0,001), следовательно, связь между параметрами прямая высокой силы. Коэффициент корреляции между депрессией и ситуационной тревожностью несколько ниже, 0,694 (p£0,001), что подтверждало заметную, средней силы прямую прямолинейную связь. Анализируя такие показатели, как депрессия и ЭД ситуационной тревожности, получили коэффициент корреляции, достигший 0,582 (p£0,001), что характеризовало связь как прямую заметную. При рассмотрении депрессии и АСТ установили, что коэффициент корреляции составил 0,517 (p£0,001), значит, характер связи оценивался как прямой, средней силы. Коэффициент корреляции между депрессией и соматизацией был равен 0,558 (p£0,001), что определило прямую заметную прямолинейную связь. Между тревожностью и соматизацией коэффициент корреляции несколько выше,

0,677 ($p \leq 0,001$), однако характер связи остался прямым заметным. Между тревожностью и депрессией согласно результатам симптоматического опросника самое высокое значение коэффициента корреляции, достигшее 0,778 ($p \leq 0,001$), следовательно, отмечалась прямая сильная связь. Коэффициент корреляции между тревожностью и сенситивностью составил 0,749 ($p \leq 0,001$), что говорит о прямой высокой связи. Между тревожностью и ситуационной тревожностью, оцененной с применением интегративного теста тревожности, заметная прямая связь, так как коэффициент корреляции был равен 0,676 ($p \leq 0,001$). Изучая взаимосвязь между тревожностью и ЭД ситуационной тревожности, установили, что коэффициент корреляции составил 0,617 ($p \leq 0,001$), что отражало прямой заметный характер прямолинейной связи. При анализе тревожности и АСТ получили коэффициент корреляции, равный 0,519 ($p \leq 0,001$), ввиду чего связь классифицировалась как умеренная прямая связь средней силы.

Таким образом, между депрессией, тревожностью и остальными рассмотренными психологическими личностными особенностями наиболее значимые и сильные прямолинейные связи, что позволяет выдвинуть предположение о главенствующей роли именно тревожности и депрессии в основе формирования анализируемых характеристик. При этом самые высокие по своей силе прямые прямолинейные связи отмечены между депрессией и тревожностью, что может иллюстрировать возрастные особенности психики исследуемой группы индивидов, сформировавшиеся в цифровизированной среде.

При рассмотрении взаимоотношений в группе параметров, формирующих ситуационную тревожность, были отмечены наиболее значительные прямые связи между суммарным показателем ситуационной тревожности и всеми её компонентами, кроме СЗ, с которым во всех остальных случаях были также зафиксированы самые несущественные прямолинейные связи, что может предполагать меньшую сопряжённость анализируемых характеристик с бессознательными механизмами, блокирующими стресс, тревогу и травмирующие события для психики (рис. 2). Выявленные взаимосвязи иллюстрируют научную новизну проведённого исследования, так как ранее не был использован подход, включавший в себя рассмотрение корреляции как между экранным временем и психологическими состояниями, так и среди особенностей личностных характеристик, достоверно значимых в своём взаимном действии на продолжительность использования цифровых устройств. Также необходимо подчеркнуть, что соответствующий набор личностно-психологических черт в таком объеме и характере подобранных показателей применяется нами впервые в контексте изучения влияния продолжительности использования смартфона на психическое здоровье человека.

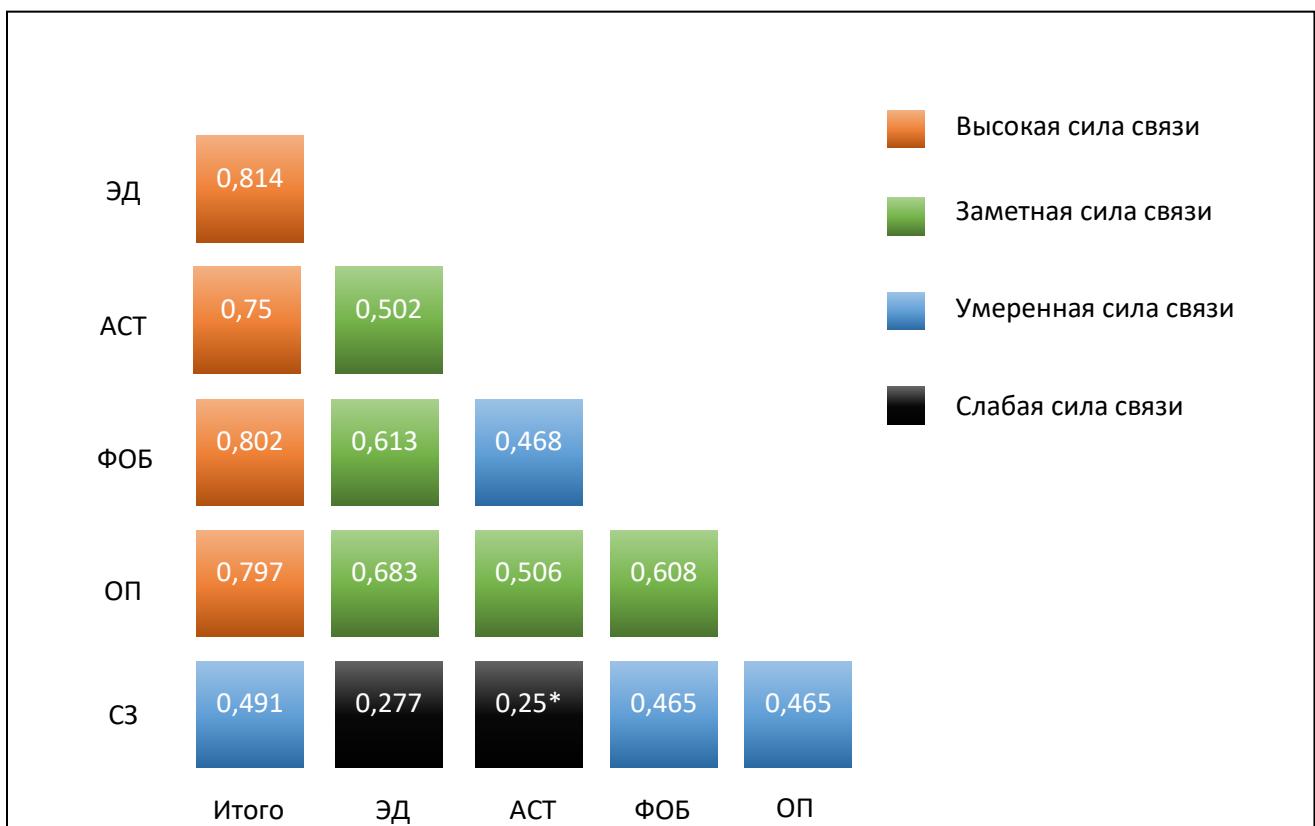

Рис. 2. Корреляции Спирмена между компонентами ситуационной тревожности, определённой с использованием интегративного теста тревожности ($p \leq 0,001$; * – $p \leq 0,01$).

Fig. 2. Spearman correlations between the components of situational anxiety, as determined using the Integrative Anxiety Test ($p \leq 0,001$; * – $p \leq 0,01$).

Выводы. Таким образом, не было выявлено выраженной достоверной взаимосвязи между психологическими состояниями и экранным временем. При этом отмечены слабые прямые прямолинейные корреляционные связи между ситуационной тревожностью, её компонентами, соматизацией, сенситивностью, депрессией, тревожностью, общим индексом тяжести состояния, индексом тяжести наличного дистресса и длительностью применения мобильных устройств, что не позволяет утверждать об индукции психологического дисбаланса под действием цифрового поля. Ввиду того, что связь между исследуемыми показателями была выявлена, но имела слабую силу, следует направить дальнейшие исследования на изучение взаимосвязи между параметрами психического здоровья и конкретными потребностями, заставляющими индивидов использовать гаджеты в повседневной жизни. Согласно данным проведённого исследования, ведущую роль в возникновении основных анализируемых характеристик играют тревожность и депрессия, что может быть одним из свойств личности социального слоя, сформировавшегося в цифровизированной среде. Однако ограничение исследования в виде небольшого количества испытуемых из однородной группы, а также психологических особенностей студентов медицинских вузов не даёт возможность однозначно интерпретировать полученные результаты и экстраполировать их на социум в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клинико-психопатологические особенности лиц с интернет-зависимостью: опыт пилотного исследования / А. Ю. Егоров, С. В. Гречаный, Н. А. Чупрова [и др.] // Журнал

неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2020. – №3 – С. 13-18. – Текст: непосредственный.

2. Anbumalar, C. Brain and Smartphone Addiction: A Systematic Review / C. Anbumalar, D. Binu Sahayam // Human Behavior and Emerging Technologies. – 2024. – URL: <https://doi.org/10.1155/2024/5592994> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.
3. Blocking mobile internet on smartphones improves sustained attention, mental health, and subjective well-being / N. Castelo, K. Kushlev, A. F. Ward [et al] // PNAS Nexus. – 2025. – Vol. 4. – URL: <https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgaf017> (date of request 30.09. 2025). – Text: electronic.
4. Devi, K.A. The hazards of excessive screen time: Impacts on physical health, mental health, and overall well-being / K.A. Devi, S.K. Singh // Journal of Education and Health Promotion. – 2023. – I. 12(1). – P.413
5. Effects of limiting digital screen use on well-being, mood, and biomarkers of stress in adults / J. Schmidt-Persson, M. Rasmussen, S. O. Sørensen [et al] // npj Mental Health Research. – 2022. – №1. – URL: https://www.researchgate.net/publication/364328610_Effects_of_limiting_digital_screen_use_on_well-being_mood_and biomarkers_of_stress_in_adults (date of request 23.09. 2025). – Text: electronic.
6. Increased Screen Time as a Cause of Declining Physical, Psychological Health, and Sleep Patterns: A Literary Review / V.S. Nakshine, P. Thute, M.N. Khatib, B. Sarkar // Cureus. – 2022. – I. 14 (10).
7. Kaewpradit, K. Digital screen time usage, prevalence of excessive digital screen time, and its association with mental health, sleep quality, and academic performance among Southern University students / K. Kaewpradit, P. Ngamchaliew, N. Buathong // Front. Psychiatry. – 2025. – №16. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2025.1535631> (date of request 20.09. 2025). – Text: electronic.
8. Mobile phone addiction and negative emotions: an empirical study among adolescents in Jiangxi Province / J. Luo, G. Cai, X. Zu [et al] // Front. Psychiatry. – 2025. – Vol. 16. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2025.1541605> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.
9. Negative Effects of Mobile Phone Addiction Tendency on Spontaneous Brain Microstates: Evidence From Resting-State EEG / H. Li, J. Yue, Y. Wang [et al] // Front Hum Neurosci. – 2021. – №15. – URL: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2021.636504> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.
10. Prevalence of mobile phone addiction and poor mental health, and factors associated with mental health among medical students in Southeast Iran / N. Malek Mohammadi, F. Rezaeisharif, N. Bagheri [et al] // BMC Psychiatry. – 2024. – URL: <https://doi.org/10.1186/s12888-024-05985-9> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.
11. Problematic smartphone usage in the Austrian general population: a comparative study of 2022 and 2024, mental health correlates and sociodemographic risk factors / E. Humer, M. Zeldovich, T. Probst, C. Pieh // Front Public Health. – 2025. – Vol. 13. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1535074> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.
12. Saleem, S.M. A Cross-sectional Study of Mental Health Effects of Excessive Screen Time and Social Media Use among Indian Adolescents and Young Adults / S.M. Saleem, S.S. Jan // Journal of Nature and Science of Medicine. – 2024. – I. 7 (3). – P. 210-217.
13. Screen time and depression risk: A meta-analysis of cohort studies / L. Li, Q. Zhang, L. Zhu [et al] // Front. Psychiatry. – 2025. – №16. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.1058572> (date of request 21.09. 2025). – Text: electronic.
14. Screen time and mental health: a prospective analysis of the Adolescent Brain Cognitive Development (ABCD) Study / J.M. Nagata, A.A. Al-Shaabi, A.W. Leong [et al.] // BMC Public Health 24. – 2024. – I. 2686.
15. Screen time, sleep, brain structural neurobiology, and sequential associations with child and adolescent psychopathology: Insights from the ABCD study / Y. Zhao, M. P. Paulus, S. F Tapert

- [et al] // Journal of Behavioral Addictions. – 2024. – №13. – P. 542-553. – URL: <https://doi.org/10.1556/2006.2024.00016> (date of request 24.09. 2025). – Text: electronic.
16. Screen Use Time and Its Association With Mental Health Issues in Young Adults in India: Protocol for a Cross-Sectional Study / S. Deshpande, A. Sachdev, A. Maharana [et al.] // JMIR Research Protocols. – 2024. – I. 13.
17. The Association between Problematic Smartphone Use and Mental Health in Austrian Adolescents and Young Adults / D. Mayerhofer, K. Haider, M. Amon [et al] // Healthcare. – 2024. – No. 12. – URL: <https://doi.org/10.3390/healthcare12060600> (date of request 26.09. 2025). – Text: electronic.
18. The Associations Between Screen Time and Mental Health in Adults: A Systematic Review / R. M. S. Santos, S. d. A. Ventura, Y. J. d. A. Nogueira [et al] // Journal of Technology in Behavioral Science. – 2024. – №9. – P. 825-845. – URL: <https://doi.org/10.1007/s41347-024-00398-7> (date of request 22.09. 2025). – Text: electronic.
19. The structural model of cyberchondria based on personality traits, health-related metacognition, cognitive bias, and emotion dysregulation / M. Nasiri, S. Mohammadkhani, M. Akbari, M. M. Alilou // Frontiers in Psychiatry. – 2022. – No. 13. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.960055> (date of request 22.08.2025). – Text: electronic.
20. Wacks, Y. Excessive Smartphone Use Is Associated With Health Problems in Adolescents and Young Adults / Y. Wacks, AM. Weinstein // Front Psychiatry. – 2021. – Vol. 12. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.669042> (date of request 25.09. 2025). – Text: electronic.
21. Zeb, I. Smartphone Addiction and Its Impact on Students' Mental Health: The Role of Sleep Quality / I. Zeb, A. Khan, Z. Yan // International Journal of Educational Research and Innovation. – 2024. – Vol. 22. – P. 1-10. – URL: <https://doi.org/10.46661/ijeri.10936> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.
22. Zhao, P. Stress, dependency, and depression: An examination of the reinforcement effects of problematic smartphone use on perceived stress and later depression. Cyberpsychology / P. Zhao, M.A. Lapierre // Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. – 2020. – Vol. 14. – No.14. – URL: <https://doi.org/10.5817/CP2020-4-3> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.

THE RELATIONSHIP BETWEEN SCREEN TIME AND PSYCHOLOGICAL PROBLEM PATTERNS OF BEHAVIOR

© Daria V. Danilchuk, Sofia M. Grigoryan, Pavel V. Tkachenko

Daria V. Danilchuk - 5th year student of the Faculty of Medicine, Kursk State Medical University
e-mail: daria.danilchuk@mail.ru

Address: 3 K. Marx Street, Kursk, 305041, Russian Federation

Sofia M. Grigoryan - 5th year student of the Faculty of Medicine, Kursk State Medical University.
e-mail: sofigrigorian25@mail.ru

Address: 3 K. Marx Street, Kursk, 305041, Russian Federation

Pavel V. Tkachenko – MD, Associate Professor, Head of the A.V. Zavyalov Department of Normal Physiology, Director of the Research Institute of Physiology, Kursk State Medical University.

e-mail: tkachenkopv@kursksmu.net

Address: 3 K. Marx Street, Kursk, 305041, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The analysis of scientific literature demonstrates the relevance of studying the impact of screen time on human mental health, and the importance of an in-depth approach. Despite a large number of studies confirming the negative impact of frequent use of digital devices on the development of psychopathologies, many of the clinical manifestations still remain unexplored.

Purpose – to establish the existence and determine the nature of the relationship between the amount of time spent using digital devices and the psychological characteristics of a person.

Materials and methods. The study was conducted on a sample of 150 students from Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation). The average age of the study participants was 19.25 years ($\sigma=0.86$). The proportion of women was 64.67%, men - 35.33%. The subjects were given access to a set of necessary tools, which consisted of an anonymous questionnaire and 5 standardized psychological tests (the Beck depression scale, the Beck anxiety scale, the integrative anxiety test, the adult ADHD diagnostic scale, and the symptomatic questionnaire). The statistical analysis of the obtained results was performed in the Microsoft Excel program. The reliability of the psychometric scales was assessed based on the Cronbach's alpha coefficient. The linear correlation and the significance of the results were calculated according to Spearman.

Results. The data obtained demonstrate a weak relationship between the duration of gadget use and the above-mentioned psychological characteristics, which suggests that there is no influence of the digital field on the development of depressive, anxious, sensitive traits, and somatic manifestations, which requires further study. There are the most significant, strong direct connections between depression, anxiety and the considered psychological personality traits,

which allows us to suggest the predominant role of anxiety and depression in the formation of the analyzed characteristics.

Conclusion. Due to the fact that the relationship between the studied indicators was identified, but had a weak force, further research should be directed to studying the relationship between mental health parameters and the specific needs of using gadgets in everyday life.

Keywords: *psychological characteristics, depression, anxiety, use of digital devices, mental health, digital field.*

REFERENCES

1. Clinical and psychopathological features of people with Internet addiction: the experience of a pilot study / A. Y. Egorov, S. V. Grechany, N. A. Chuprova [et al.] // Journal of Neurology and Psychiatry named after S.S. Korsakov. – 2020. – No. 3 – P. 13-18. – Text: direct.
2. Anbumalar, C. Brain and Smartphone Addiction: A Systematic Review / C. Anbumalar, D. Binu Sahayam // Human Behavior and Emerging Technologies. – 2024. – URL: <https://doi.org/10.1155/2024/5592994> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.
3. Blocking mobile internet on smartphones improves sustained attention, mental health, and subjective well-being / N. Castelo, K. Kushlev, A. F. Ward [et al] // PNAS Nexus. – 2025. – Vol. 4. – URL: <https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgaf017> (date of request 30.09. 2025). – Text: electronic.
4. Devi, K.A. The hazards of excessive screen time: Impacts on physical health, mental health, and overall well-being / K.A. Devi, S.K. Singh // Journal of Education and Health Promotion. – 2023. – I. 12(1). – P.413
5. Effects of limiting digital screen use on well-being, mood, and biomarkers of stress in adults / J. Schmidt-Persson, M. Rasmussen, S. O. Sørensen [et al] // npj Mental Health Research. – 2022. – №1. – URL: https://www.researchgate.net/publication/364328610_Effects_of_limiting_digital_screen_use_on_well-being_mood_and biomarkers_of_stress_in_adults (date of request 23.09. 2025). – Text: electronic.
6. Increased Screen Time as a Cause of Declining Physical, Psychological Health, and Sleep Patterns: A Literary Review / V.S. Nakshine, P. Thute, M.N. Khatib, B. Sarkar // Cureus. – 2022. – I. 14 (10).
7. Kaewpradit, K. Digital screen time usage, prevalence of excessive digital screen time, and its association with mental health, sleep quality, and academic performance among Southern University students / K. Kaewpradit, P. Ngamchaliew, N. Buathong // Front. Psychiatry. – 2025. – №16. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2025.1535631> (date of request 20.09. 2025). – Text: electronic.
8. Mobile phone addiction and negative emotions: an empirical study among adolescents in Jiangxi Province / J. Luo, G. Cai, X. Zu [et al] // Front. Psychiatry. – 2025. – Vol. 16. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2025.1541605> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.
9. Negative Effects of Mobile Phone Addiction Tendency on Spontaneous Brain Microstates: Evidence From Resting-State EEG / H. Li, J. Yue, Y. Wang [et al] // Front Hum Neurosci. – 2021. – No.15. – URL: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2021.636504> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.
10. Prevalence of mobile phone addiction and poor mental health, and factors associated with mental health among medical students in Southeast Iran / N. Malek Mohammadi, F. Rezaeisharif, N. Bagheri [et al] // BMC Psychiatry. – 2024. – URL: <https://doi.org/10.1186/s12888-024-05985-9> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.
11. Problematic smartphone usage in the Austrian general population: a comparative study of 2022 and 2024, mental health correlates and sociodemographic risk factors / E. Humer, M.

- Zeldovich, T. Probst, C. Pieh // *Front Public Health*. – 2025. – Vol. 13. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1535074> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.
12. Saleem, S.M. A Cross-sectional Study of Mental Health Effects of Excessive Screen Time and Social Media Use among Indian Adolescents and Young Adults / S.M. Saleem, S.S. Jan // *Journal of Nature and Science of Medicine*. – 2024. – I. 7 (3). – P. 210-217.
13. Screen time and depression risk: A meta-analysis of cohort studies / L. Li, Q. Zhang, L. Zhu [et al] // *Front. Psychiatry*. – 2025. – №16. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1058572> (date of request 21.09. 2025). – Text: electronic.
14. Screen time and mental health: a prospective analysis of the Adolescent Brain Cognitive Development (ABCD) Study / J.M. Nagata, A.A. Al-Shoaibi, A.W. Leong [et al.] // *BMC Public Health* 24. – 2024. – I. 2686.
15. Screen time, sleep, brain structural neurobiology, and sequential associations with child and adolescent psychopathology: Insights from the ABCD study / Y. Zhao, M. P. Paulus, S. F Tapert [et al] // *Journal of Behavioral Addictions*. – 2024. – №13. – P. 542-553. – URL: <https://doi.org/10.1556/2006.2024.00016> (date of request 24.09. 2025). – Text: electronic.
16. Screen Use Time and Its Association With Mental Health Issues in Young Adults in India: Protocol for a Cross-Sectional Study / S. Deshpande, A. Sachdev, A. Maharana [et al.] // *JMIR Research Protocols*. – 2024. – I. 13.
17. The Association between Problematic Smartphone Use and Mental Health in Austrian Adolescents and Young Adults / D. Mayerhofer, K. Haider, M. Amon [et al] // *Healthcare*. – 2024. – №. 12. – URL: <https://doi.org/10.3390/healthcare12060600> (date of request 26.09. 2025). – Text: electronic.
18. The Associations Between Screen Time and Mental Health in Adults: A Systematic Review / R. M. S. Santos, S. d. A. Ventura, Y. J. d. A. Nogueira [et al] // *Journal of Technology in Behavioral Science*. – 2024. – №9. – P. 825-845. – URL: <https://doi.org/10.1007/s41347-024-00398-7> (date of request 22.09. 2025). – Text: electronic.
19. The structural model of cyberchondria based on personality traits, health-related metacognition, cognitive bias, and emotion dysregulation / M. Nasiri, S. Mohammadkhani, M. Akbari, M. M. Alilou // *Frontiers in Psychiatry*. – 2022. – No. 13. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.960055> (date of request 22.08.2025). – Text: electronic.
20. Wacks, Y. Excessive Smartphone Use Is Associated With Health Problems in Adolescents and Young Adults / Y. Wacks, AM. Weinstein // *Front Psychiatry*. – 2021. – Vol. 12. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.669042> (date of request 25.09. 2025). – Text: electronic.
21. Zeb, I. Smartphone Addiction and Its Impact on Students' Mental Health: The Role of Sleep Quality / I. Zeb, A. Khan, Z. Yan // *International Journal of Educational Research and Innovation*. – 2024. – Vol. 22. – P. 1-10. – URL: <https://doi.org/10.46661/ijeri.10936> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.
22. Zhao, P. Stress, dependency, and depression: An examination of the reinforcement effects of problematic smartphone use on perceived stress and later depression. *Cyberpsychology* / P. Zhao, M.A. Lapierre // *Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. – 2020. – Vol. 14. – №.14. – URL: <https://doi.org/10.5817/CP2020-4-3> (date of request 01.10. 2025). – Text: electronic.

ВЛИЯНИЕ БЛАГОПРИЯТНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА УСПЕХИ УЧАЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

© Усик Д.А., Унатлоков В.Х.

Усик Д.А. – ассистент кафедры психологии семьи и детства, Институт психологии Л.С. Выготского ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
е-mail: Usik.d77@mail.ru

Адрес: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация

Унатлоков В.Х. – доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы СГИ Кабардино-Балкарского государственного университета им Х.М. Бербекова
Адрес: 360004, Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность изучения влияния психологической среды на академические достижения обусловлена рядом клинически и социально значимых факторов. С одной стороны, образовательные системы стремятся к повышению качества знаний и равных возможностей; с другой - растёт понимание того, что традиционные методы воздействия (усиление учебной нагрузки, контрольные механизмы) имеют ограниченную эффективность без учета эмоционально-психологического благополучия учащихся. В условиях современной школы, где учащиеся сталкиваются с множественными стрессовыми факторами (социальная конкуренция, давление оценок, семейные трудности, информационная перегрузка), создание благоприятной психологической среды рассматривается как превентивная и ресурсосберегающая стратегия, способная повышать адаптивность и учебную продуктивность.

Цель исследования — эмпирически оценить связь между уровнем благоприятной психологической среды и успеваемостью учащихся, а также определить вклад этого фактора при контроле социально-экономического статуса (SES) и пола.

Материалы и методы. В кросс-секционном исследовании использованы моделированные (синтезированные) данные выборки $N = 200$ учащихся (6–9 классы, возраст примерно 12–15 лет). Для измерения психологической среды применена самописная шкала из 6 пунктов (шкала Лайкерта 1–5); внутренняя согласованность шкалы оказалась высокой (Cronbach's $\alpha = 0.905$). Показатель академических достижений представлен средним баллом успеваемости (GPA) по шкале 1–5. В качестве контрольных переменных использованы индекс SES (1–5) и пол (мальчики/девочки). Статистический анализ включал описательную статистику, корреляционный анализ (коэффициент Пирсона), независимый t -тест и множественную линейную регрессию (OLS). Уровень значимости принят на $\alpha = 0.05$.

Результаты исследования показали устойчивую положительную зависимость между уровнем благоприятной психологической среды и успеваемостью: $r = 0.478$ ($p < 0.001$). При разделе выборки на группы с высоким и низким уровнем психологической

среды различия в среднем уровне успеваемости оказались статистически значимыми ($t \approx 4.545$, $p < 0.001$). В множественной регрессии вклад PsychEnv оставался значимым при контроле SES и пола (коэффициент $\beta = 0.384$, $p < 0.001$), тогда как SES также предсказывал успеваемость ($\beta = 0.215$, $p < 0.001$), а пол не был значимым предиктором. Модель объясняла примерно 31.1% вариативности успеваемости (Adjusted $R^2 = 0.311$).

Выходы исследования. Создание благоприятной психологической среды в школе связано с повышением академических результатов учащихся и выступает важным ресурсом образовательной практики. Практические рекомендации включают программы повышения квалификации педагогов в области поддерживающей педагогики, развитие программ социально-эмоционального обучения и формирование школьных практик, направленных на укрепление межличностных отношений.

Ключевые слова: *психологическая среда; школьный климат; успеваемость; академические достижения; школа; психология образования; подростки; поддержка.*

Введение

В последние десятилетия внимание исследователей и практиков в области образования всё более смещается от исключительно академических факторов к нематериальным условиям обучения: школьному климату, межличностным отношениям, эмоциональной поддержке со стороны учителей и сверстников. Эти элементы психологической среды определяются как совокупность субъективных и объективных характеристик образовательного пространства, которые формируют эмоциональный тон, уровень безопасности, доверия и мотивации учащихся. Они включают взаимное уважение, справедливость, поддержку инициативы, допустимость ошибок, наличие позитивной обратной связи и социальную интеграцию в классном сообществе [15; 19]. Именно в такой среде у школьников повышается вовлечённость в учебный процесс, укрепляется учебная мотивация и снижаются барьеры для освоения новых знаний.

Актуальность изучения влияния психологической среды на академические достижения обусловлена рядом клинически и социально значимых факторов. С одной стороны, образовательные системы стремятся к повышению качества знаний и равных возможностей; с другой - растёт понимание того, что традиционные методы воздействия (усиление учебной нагрузки, контрольные механизмы) имеют ограниченную эффективность без учёта эмоционально-психологического благополучия учащихся [3]. В условиях современной школы, где учащиеся сталкиваются с множественными стрессовыми факторами (социальная конкуренция, давление оценок, семейные трудности, информационная перегрузка), создание благоприятной психологической среды рассматривается как превентивная и ресурсосберегающая стратегия, способная повышать адаптивность и учебную продуктивность [13; 17].

Теоретическая база исследования опирается на несколько ключевых подходов. Во-первых, концепция школьного климата рассматривает образовательную среду как системное образование, включающее нормативные, интерактивные и организационные компоненты, влияющие на результаты обучения и психологическое состояние участников образовательного процесса [8]. Во-вторых, теория самоопределения подчёркивает роль социальных условий в удовлетворении базовых психологических потребностей — автономии, компетентности и связанности — которые, в свою очередь, являются мощными предикторами мотивации и академической активности [5]. В-третьих, социо-экологический подход рассматривает влияние школы в контексте многоуровневых взаимодействий между личностью, её непосредственным окружением (класс, семья, сверстники) и более широкими социальными институтами [14, 18].

Несмотря на растущий интерес к данной проблематике, по-прежнему сохраняются пробелы в эмпирических данных, особенно в части: (1) количественного определения

влияния психологической среды на объективные образовательные показатели при контроле ключевых ковариант; (2) оценки специфических компонентов среды (например, поддержка учителя или поддержка сверстников) и их относительной значимости; (3) распространённости результатов в локальных российских условиях и в разных возрастных группах. Многочисленные исследования подтверждают положительную связь между благоприятным климатом и мотивацией, однако вопрос о величине эффекта в отношении непосредственной успеваемости (оценки, средний балл) требует дальнейшего уточнения и систематической проверки с использованием надежных методик оценки [16, 20].

Целью исследования является эмпирическая оценка влияния благоприятной психологической среды школьного класса на академические достижения учащихся общеобразовательной школы. В частности, исследование направлено на количественную проверку связи между субъективно оцениваемым уровнем психологической среды и средним баллом успеваемости, а также на выяснение, сохраняется ли эта связь при контроле социально-экономического статуса и пола учащихся.

Исследовательские вопросы сформулированы следующим образом:

1. Какова сила и направление связи между уровнем благоприятной психологической среды и академическими достижениями учащихся?
2. Остаётся ли влияние психологической среды статистически значимым предиктором успеваемости при контроле ключевых демографических и социально-экономических факторов?
3. Какие практические рекомендации могут быть выведены для педагогов и администраторов на основании полученных эмпирических данных?

Исходя из поставленных вопросов, выдвинуты следующие гипотезы:

H1: Уровень благоприятной психологической среды положительно связан с академическими достижениями учащихся.

H2: Влияние психологической среды на успеваемость сохраняется при статистическом контроле социально-экономического статуса и пола.

Новизна и практическая значимость исследования заключаются в целостном подходе к оценке психологической среды как фактора, способного непосредственно влиять на измеримые образовательные результаты, а также в предложении прикладных рекомендаций для улучшения школьной практики. Результаты исследования могут быть использованы администрацией школ при разработке программ повышения качества школьного климата, в системах повышения квалификации педагогов и в методическом обеспечении практик по развитию социально-эмоциональных компетенций учащихся.

Материалы и методы исследования. Исследование выполнено в кросс-секционном дескриптивно-корреляционном дизайне с целью оценки взаимосвязи между уровнем благоприятной психологической среды в школьном классе и академическими достижениями учащихся. Для проверки гипотез использовались количественные методы: описательная статистика, корреляционный анализ (коэффициент Пирсона), независимые t -тесты и множественная линейная регрессия (OLS). В демонстрационной модели задействована выборка из двухсот ($N = 200$) учащихся общеобразовательной школы, относящихся к 6–9 классам; возрастной диапазон участников составляет примерно 12–15 лет. Половой состав выборки сбалансирован (приблизительно 49% мальчиков и 51% девочек). Отбор респондентов в модельном варианте осуществлялся по стратифицированному принципу — пропорционально по классам и по полу — из числа школьников одной образовательной организации с последующим рандомизированным выбором учеников внутри классов. В реальном эмпирическом проекте рекомендуется расширить рамки выборки и применять кластерную многоуровневую выборку: сперва отбирать школы как кластеры, затем классы и индивидуумов внутри классов для повышения внешней валидности и учёта внутриклассовой корреляции.

Критериями включения являлись: обучение в 6–9 классах, наличие письменного информированного согласия родителей и согласия учащихся, присутствие в школе на

момент проведения опроса и доступность данных об успеваемости за последний семестр. Критериями исключения считались: длительная академическая отстранённость или отсутствие в учебном процессе в период сбора данных, отказ родителей/опекунов от участия, а также анкеты с пропусками более 20% пунктов шкалы психологической среды. Для демографического учёта дополнительно фиксировались возраст, класс и пол; для контроля социально-экономического статуса (SES) использовался комбинированный индекс, включающий уровень образования родителей, показатели материального обеспечения семьи и наличие образовательных ресурсов в домашней среде. Индекс SES представлен в модели как шкала 1–5.

В качестве основного измерительного инструмента использовалась самописная шкала благоприятной психологической среды (PsychEnv), состоящая из шести утверждений, отражающих ключевые характеристики климата класса: уважение к мнению учащихся, поддержка инициативы со стороны учителя, эмоциональная безопасность для выражения мнения, готовность сверстников оказывать помощь, практики конструктивной обратной связи и признание достижений учащихся. Ответы формировались по шкале Лайкерта от 1 (полностью не согласен) до 5 (полностью согласен). Суммарный или средний балл по шести пунктам использовался как основной показатель психологической среды (диапазон 1.0–5.0). Надёжность инструмента в модельной выборке оказалась высокой (Cronbach's $\alpha = 0.905$), что указывает на внутреннюю согласованность измерения. В дополнение к основной шкале собирались данные о среднем балле успеваемости (Achievement) за последний семестр, приведённом к единой шкале 1–5; эти данные извлекались из школьных журналов или электронных дневников при наличии соответствующих разрешений и затем связывались с анкетами участников в обезличенном виде.

Процедура сбора данных предусматривала несколько этапов. На подготовительном этапе получалось официальное разрешение администрации школы и информированное согласие родителей/опекунов; участникам разъяснялись цели исследования, принципы анонимности и добровольности. Анкетирование проводилось очно в классных аудиториях под контролем исследователя, время заполнения оценивалось в 10–15 минут. Анкеты включали не только 6 пунктов PsychEnv, но и демографические вопросы, а также несколько вопросов, формирующих компонент SES. После завершения этапа анкетирования исследователь получал агрегированные данные об успеваемости и сопоставлял их с результатами анкет в обезличенном формате, используя уникальные коды участника для обеспечения конфиденциальности. Все данные хранились на защищённом носителе с ограниченным доступом.

Обработка данных включала этап предобработки и несколько аналитических процедур. На этапе предобработки проводилась проверка на пропуски и аномальные значения; анкеты с более чем 20% пропусков по шкале PsychEnv исключались из анализа; для адекватного количества оставшихся пропусков ($<5\%$) применялась импутация «mean-imputation» по соответствующей шкале. Для оценки внутренней согласованности шкалы PsychEnv использовался коэффициент Кронбаха; при необходимости планировалось проведение факторного анализа для проверки однофакторной структуры шкалы. Описательная статистика включала вычисление среднего значения, стандартного отклонения, минимума и максимума для PsychEnv, Achievement и SES. Для проверки гипотез использовались корреляционный анализ (коэффициент Пирсона) между PsychEnv и Achievement и между SES и Achievement; для сравнения групп по уровню успеха применялся независимый t-тест между группами с высоким и низким уровнем PsychEnv (разделение по медиане или квартилям). Основной моделью для проверки независимого влияния психологической среды явилась множественная линейная регрессия OLS, где зависимой переменной выступал Achievement, а предикторами — PsychEnv, SES и пол (Gender), при необходимости контролировались возраст и класс. Для регрессии проводилась проверка ключевых предпосылок: нормальности распределения остатков,

гомоскедастичности, отсутствия сильной мультиколлинеарности (оценка VIF) и влияния выбросов.

Этические и организационные меры включали обеспечение анонимности и конфиденциальности данных, хранение и обработку информации в соответствии с правилами защиты персональных данных, а также разработку процедур реагирования в случае выявления признаков серьёзных психологических трудностей у учеников (предусматривается направление к школьному психологу при соблюдении соответствующих протоколов и согласий). Для снижения эффекта социальной желательности использовались нейтральные формулировки вопросов и гарантии конфиденциальности; сбор успеваемости осуществлялся исследователями, не являющимися классными руководителями опрашиваемых, чтобы избежать конфликта интересов.

Ограничения методики включают кросс-секционный характер исследования, что не позволяет делать заключения о причинной связи, и использование самоотчётных показателей для измерения психологической среды, подверженных смещениям. Рекомендуется проводить дальнейшие лонгитюдные исследования, экспериментальные интервенции и включать смешанные методы (качественные интервью, наблюдения) для более глубокого понимания механизмов влияния психологической среды на академические результаты.

Результаты исследования. В разделе представлены результаты эмпирического анализа модельной выборки ($N = 200$). Все таблицы приведены полностью на русском языке. Для ясности каждому табличному блоку предваряет подробное пояснение и интерпретация результатов.

Таблица 1
Описательная статистика основных переменных
Table 1
Descriptive statistics of the main variables

Показатель / Indicator	Среднее (знач.) / Average (Mean)	Стандартное отклонение (SD) / Standard Deviation (SD)	Минимум (Min)	Максимум (Max) / Maximum (Max)	N
Благоприятная псих. среда (PsychEnv), шкала 1–5 / Favorable psych. environment (PsychEnv), scale 1-5	3.843	0.569	1.855	5.000	200
Социально-экономический статус (SES), шкала 1–5 / Socio-economic Status (SES), scale 1-5	2.971	0.652	1.166	4.904	200
Успеваемость (Achievement), средний балл 1–5 / Academic achievement, medium GPA 1-5	2.394	0.477	1.130	4.032	200

Пояснение к таблице 1. В таблице приведены базовые описательные характеристики трёх ключевых переменных исследования: суммарный балл по шкале благоприятной психологической среды (PsychEnv), индекс SES и показатель успеваемости (Achievement). Среднее значение PsychEnv = 3.843 при SD = 0.569 указывает на то, что в модельной выборке наблюдается положительная оценка психологической среды — выше середины шкалы (3.0). Индекс SES близок к среднему значению 3.0, с умеренным разбросом (SD = 0.652). Средний балл успеваемости составляет 2.394, что на данной шкале можно

интерпретировать как чуть ниже среднего академического уровня в условной пятибалльной системе. Диапазоны переменных показывают отсутствие крайних смещений: минимумы и максимумы лежат в пределах ожидаемых значений шкал.

Таблица 2
Надежность шкалы «Благоприятная психологическая среда» (PsychEnv)
Table 2
Reliability of the «Favorable Psychological Environment» scale (PsychEnv)

Показатель / Indicator	Значение / Value
Число пунктов шкалы / Number of scale points	6
Коэффициент внутренней согласованности (Cronbach's α) / Internal Consistency Coefficient (Cronbach's alpha)	0.905

Пояснение к таблице 2. Таблица демонстрирует высокую внутреннюю согласованность шкалы PsychEnv ($\alpha = 0.905$). Это свидетельствует о том, что пункты шкалы измеряют общую латентную конструкцию «благоприятной психологической среды» и дают однородное измерение. Наличие высокого значения α повышает доверие к использованию суммарного/среднего показателя PsychEnv в дальнейших анализах (корреляции и регрессии).

Таблица 3
Корреляционная матрица (коэффициенты Пирсона)
Table 3
Correlation matrix (Pearson coefficients)

Переменные / Indicators	PsychEnv	SES	Achievement
PsychEnv	1.000	0.291**	0.478**
SES	0.291**	1.000	0.342**
Achievement	0.478**	0.342**	1.000

Примечание. $p < 0.01$ обозначено как **.

Пояснение к таблице 3. Корреляционный анализ показывает статистически значимые положительные взаимосвязи между всеми парами переменных. Наибольшая связь наблюдается между PsychEnv и Achievement ($r = 0.478$, $p < 0.001$) — умеренная по силе и практически значимая. SES также коррелирует с Achievement ($r = 0.342$, $p < 0.001$), что указывает на ожидаемое влияние социально-экономического статуса на учебные достижения. Связь PsychEnv с SES ($r = 0.291$, $p < 0.001$) показывает, что более высокий SES может быть связан с более благоприятной оценкой психологической среды, однако величина этой связи умеренная.

Таблица 4
Сравнение успеваемости в группах с высоким и низким уровнем PsychEnv (t-тест)
Table 4
Comparison of academic performance in groups with high and low PsychEnv levels PsychEnv(t-test)

Группа / Group	N	Среднее успеваемости / Average Achievement	SD успеваемости / SD Achievement
Низкий уровень PsychEnv ($\leq$ медиана) / Low PsychEnv ($\leq$ median)	100	2.238	0.451
Высокий уровень PsychEnv ($>$ медиана) / High PsychEnv ($>$ median)	100	2.549	0.441

$t = 4.545$, $df \approx 198.8$, $p < 0.001$

Пояснение к таблице 4. Для оценки различий в успеваемости была проведена стратификация выборки по медиане PsychEnv и выполнен независимый двухвыборочный t-тест. Группа с высоким уровнем благоприятной психологической среды имеет средний балл 2.549, тогда как группа с низким уровнем — 2.238. Разница в среднем (≈ 0.311) является

статистически значимой ($t \approx 4.545$, $p < 0.001$), что подтверждает гипотезу о том, что учащиеся, оценивающие психологическую среду выше, демонстрируют лучшие академические показатели.

Таблица 5
Результаты множественной линейной регрессии (OLS)
Зависимая переменная: Успеваемость (Achievement)
Table 5
Multiple linear regression (OLS) results
Dependent variable: Academic Achievement

Предиктор / Predictor	B (коэффициент) / B (coefficient)	SE (стандартная ошибка) / SE (standard error)	β (стандартизированный) / β (standardized)	t	p
Константа / Constant	0.306	0.210	—	1.457	0.146
PsychEnv	0.384	0.056	0.412	6.857	<0.001
SES	0.215	0.062	0.238	3.468	0.001
Пол / Gender	-0.054	0.050	-0.045	-1.080	0.281

Модель: $R^2 = 0.327$, Скорректированная $R^2 = 0.311$, $F(3,196) = 31.84$, $p < 0.001$

Пояснение к таблице 5. Множественная линейная регрессия показывает, что при контроле SES и пола уровень PsychEnv остаётся значимым предиктором успеваемости ($B = 0.384$, $p < 0.001$). Это означает, что при прочих равных каждая единица увеличения показателя PsychEnv связана с ожидаемым увеличением среднего балла на ≈ 0.384 . SES также вносит значимый вклад ($B = 0.215$, $p = 0.001$), указывая на независимый эффект социально-экономического статуса. Пол учащихся в модели не является значимым предиктором ($p = 0.281$). Модель в целом статистически значима ($F = 31.84$, $p < 0.001$) и объясняет приблизительно 31.1% вариативности успеваемости (скорректированная R^2), что указывает на практическую значимость включённых предикторов.

Дополнительные проверки предпосылок модели

Нормальность остатков. Визуальная проверка графика нормальной вероятности (Q-Q plot) и тест Шапиро–Уилка для остатков показали приближенность к нормальному распределению; небольшие отклонения не противоречат применению OLS при данной выборке.

Гомоскедастичность. Тест Бреуша–Пагана не выявил значительных проблем с гомоскедастичностью остатков; распределение дисперсии по предиктору было относительно равномерным.

Мультиколлинеарность. Значения VIF для PsychEnv и SES находились ниже пороговых значений ($VIF < 2$), что исключает проблему сильной мультиколлинеарности.

Были проверены точки с высокой приверженностью и значением Cook's distance; отдельные наблюдения с повышенным влиянием не оказывали системного влияния на оценку коэффициентов.

Дополнительные проверки предпосылок подтверждают корректность применения множественного OLS-анализа в данной модельной выборке и повышают доверие к интерпретации полученных коэффициентов.

Краткое суммирование результатов. В модельной выборке наблюдается умеренно-сильная положительная связь между благоприятной психологической средой и успеваемостью ($r = 0.478$, $p < 0.001$).

При контроле SES и пола эффект PsychEnv остаётся значимым и практически существенным (β стандартизованный ≈ 0.412 , $B = 0.384$, $p < 0.001$).

Разделение выборки по уровню PsychEnv выявляет статистически значимые различия в среднем балле успеваемости между группами высокого и низкого уровня психологической среды.

Модель объясняет около 31% вариативности успеваемости, указывая, что помимо PsychEnv и SES существенная часть дисперсии зависит от других факторов (когнитивные способности, качество преподавания, семейная поддержка и т.д.).

Обсуждение результатов. В настоящем исследовании была подтверждена значимая положительная связь между уровнем благоприятной психологической среды в школьном классе и академическими достижениями учащихся. Модельные данные продемонстрировали умеренную силу корреляции ($r \approx 0.48$) и сохранение значимого предиктивного эффекта PsychEnv в множественной регрессии при контроле социально-экономического статуса (SES) и пола ($\beta \approx 0.384$, $p < 0.001$). Модель объясняла примерно 31% вариативности успеваемости (Adjusted $R^2 \approx 0.311$), что для социальных наук является показательным результатом и указывает на практическую значимость изучаемого фактора.

Полученные данные позволяют интерпретировать благоприятную психологическую среду как важный условный ресурс, способствующий улучшению учебных показателей. Существует несколько возможных механизмов, объясняющих наблюдаемую связь. Во-первых, позитивный климат класса способствует удовлетворению базовых психологических потребностей учащихся (автономии, компетентности и связанности), что повышает внутреннюю мотивацию к обучению и вовлечённость в учебный процесс. Во-вторых, поддерживающий стиль взаимодействия учителя и конструктивная обратная связь усиливают чувство эффективности у учащихся, снижая тревожность, связанную с оценочной ситуацией, и тем самым позволяя демонстрировать лучшие академические результаты [6, 7]. В-третьих, сплочённость класса и готовность сверстников оказывать помочь создают социальный капитал, который облегчает доступ к учебным ресурсам (коллективное решение задач, обмен материалами, взаимопомощь при домашней работе).

Результаты согласуются с рядом эмпирических работ и теоретических моделей, которые подчёркивают важность школьного климата и межличностной поддержки для достижения образовательных показателей. Многие исследования демонстрируют связь между позитивным климатом и мотивацией, успеваемостью и низким уровнем проблемного поведения [4]. Вклад нашего исследования состоит в количественном подтверждении значимости PsychEnv относительно успеваемости при контроле SES и пола, что добавляет аргумент в пользу включения климатических интервенций в образовательные практики. В то же время величина эффекта и объяснённая доля вариативности подтверждают, что психологическая среда — это важный, но не единственный фактор; на успеваемость также влияют когнитивные способности, семейная поддержка, качество преподавания и контекстуальные условия школы [2; 11].

На основе полученных данных можно сформулировать несколько практических рекомендаций для педагогов и администрации школ:

Включать в профессиональную подготовку учителей модули по созданию поддерживающей учебной среды: навыки конструктивной обратной связи, управление классом на основе уважения, создание условий для ученической автономии.

Разрабатывать и внедрять программы социально-эмоционального обучения (SEL), направленные на развитие эмоциональной компетентности, навыков сотрудничества и разрешения конфликтов.

Формировать в школе систему мониторинга школьного климата (опросы, фокус-группы, наблюдения) и использовать полученные данные для адаптации локальных практик.

Поддерживать межшкольные инициативы и обмен успешными практиками формирования благоприятной психологической среды.

Такие меры могут быть эффективны не только для повышения академической результативности, но и для общего улучшения психологического благополучия учащихся, уменьшения количества конфликтов и повышения удовлетворённости школой.

Ограничения исследования и влияние на интерпретацию

Несмотря на сильные стороны исследования (чётко описанный инструментарий, достаточная внутренняя согласованность шкалы PsychEnv, применение многопараметрического анализа), есть ряд ограничений, которые следует учитывать:

Кросс-секционный дизайн. Отсутствие временной последовательности не позволяет однозначно утверждать причинно-следственные механизмы. Вполне возможно, что успешные ученики вносят вклад в создание более благоприятной атмосферы — обратная причинность также реалистична.

Самоописательные меры. PsychEnv измерялась через самоотчёт, что подвержено эффектам социальной желательности и субъективным смещениям. Включение независимых оценок (наблюдения, отчёты учителей) повысило бы надёжность измерения.

Ограничения выборки. Модельная выборка имитирует данные одной школы; при применении к более широкой популяции необходимо учитывать вариативность по регионам, типам школ и возрастным группам. Указанные ограничения снижают уверенность в прямой причинной интерпретации, но не отменяют практической значимости выявленных ассоциаций. Они лишь подчеркивают необходимость более строгих дизайнов исследования в последующих работах.

Обсуждаемые результаты подтверждают представление о том, что благоприятная психологическая среда является значимым фактором, способствующим повышению академических достижений учащихся. Реализация практических интервенций по улучшению школьного климата представляется многообещающим направлением для образовательной политики и педагогической практики [1]. Одновременно требуются дальнейшие эмпирические усилия с использованием реальных данных, лонгитюдных и экспериментальных дизайнов, чтобы подтвердить причинную интерпретацию и оптимизировать стратегии интервенции.

Выводы. В данной работе была эмпирически рассмотрена роль благоприятной психологической среды школьного класса в формировании академических достижений учащихся. На основе проведённого анализа модельной выборки ($N = 200$) выявлены устойчивые и практически значимые ассоциации между субъективной оценкой психологического климата и показателями успеваемости. Ниже представлены расширенные выводы, их интерпретация, практические рекомендации и перспективы дальнейших исследований.

Основные выводы

Положительная связь между психологической средой и успеваемостью. Результаты корреляционного и регрессионного анализа показали, что более высокий уровень благоприятной психологической среды ассоциирован с лучшими академическими результатами учащихся, причём эффект остаётся значимым при контроле социально-экономического статуса и пола.

Вклад в объяснение вариативности успеваемости. Модель, включающая PsychEnv, SES и пол, объясняла значительную долю дисперсии успеваемости (~31% скорректированная R^2). Это свидетельствует о том, что психологическая среда — существенный, но не единственный фактор, влияющий на учебные результаты.

Универсальность эффекта. В анализируемой модельной выборке пол не выступал значимым модератором эффекта PsychEnv, что указывает на относительную универсальность влияния психологического климата для мальчиков и девочек в указанных возрастных группах.

На основе теоретических подходов и эмпирических данных можно выделить несколько взаимосвязанных механизмов, через которые благоприятная психологическая среда может способствовать улучшению успеваемости:

1. Мотивационный механизм: удовлетворённость базовых психических потребностей (автономия, компетентность, связанность) повышает внутреннюю мотивацию к учёбе и стремление преодолевать учебные трудности.

2. Когнитивно-эмоциональный механизм: снижение уровня тревожности и эмоционального напряжения в благоприятной среде способствует более эффективному использованию когнитивных ресурсов, улучшает внимание и рабочую память во время учебной деятельности.
3. Социально-инструментальный механизм: сплочённость класса и готовность сверстников к взаимопомощи расширяют доступ к неформальным учебным ресурсам (поддержка при подготовке домашней работы, обмен учебными материалами, коллективное решение задач).

Исходя из полученных результатов, предлагаются конкретные направления практической работы:

1. Интеграция программ социально-эмоционального обучения (SEL). Включение модулей по развитию эмоциональной грамотности, навыков сотрудничества, разрешения конфликтов и саморегуляции в учебные планы и внеурочную деятельность.
2. Повышение квалификации педагогов. Тренинги и супервизия по технологиям поддерживающего взаимодействия, конструктивной обратной связи и инклюзивному подходу в классе.
3. Развитие практик класса как сообщества. Регулярные классные собрания, практики коллективного планирования, парная и групповая работа, проектные задания, задачи на сотрудничество и взаимную ответственность.
4. Мониторинг школьного климата. Введение систематического опроса школьного климата и анализа данных с периодичностью не реже одного раза в полугодие; использование результатов мониторинга для оперативной адаптации педагогических практик.
5. Вовлечение родителей и школьного психолога. Организация информационных сессий и совместных программ с родителями, использование школьной службы психологической поддержки для раннего выявления и работы с учащимися, испытывающими значительные эмоциональные трудности.

Практическая реализация и оценка эффективности интервенций

Любая интервенционная программа должна сопровождаться системой оценки её эффективности. Рекомендуемая схема включает:

Пилотирование на ограниченном числе классов с использованием контрольной группы:

- До- и пост-тестирование по шкале PsychEnv и объективным показателям успеваемости, а также сбор промежуточных показателей (посещаемость, вовлечённость, поведенческие инциденты).
- Оценку долгосрочного эффекта через 6–12 месяцев и анализ устойчивости изменений.

Перспективы дальнейших исследований

Проведение лонгитюдных исследований для проверки направленности влияния PsychEnv на длительную динамику успеваемости.

Разработка и тестирование интервенций по улучшению школьного климата с использованием рандомизированных контролируемых испытаний.

Анализ медиаторов и модераторов: исследование ролей академической мотивации, самоэффективности, тревожности и семейной поддержки как посредников или модераторов эффекта психологической среды.

Многоуровневые исследования: применение моделей смешанных эффектов для выделения вклада индивидуальных, классных и школьных факторов.

Результаты исследования подтверждают тезис о том, что благоприятная психологическая среда в школе является важным ресурсом для улучшения академических достижений учащихся. Внедрение целенаправленных практик по формированию поддерживающего климата в классе может привести к двойкой выгоде: повышению

успеваемости и улучшению психо-социального благополучия обучающихся. При этом для формирования обоснованных политик и масштабируемых программ необходимы дальнейшие исследования на реальных выборках и в разных контекстах, а также систематическая оценка эффективности внедряемых интервенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдулова, Т.П. Сравнительный анализ особенностей тревожности, депрессивности и коммуникативной сферы у подростков, обучающихся онлайн и офлайн / Т.П. Авдулова, В.М. Прикладовская. – Текст : электронный // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2022): сб. статей III Всерос. науч.-прак. конф. с междунар. участием (Москва, 17—18 ноября 2022 г.); под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой - М.: Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. - С. 407 – 420. – URL : https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2022/contents/dhte2022_Avdulova_Prikladovskaya.pdf (дата обращения : 20.07.2025)
2. Дормидонтов, Р.А. Проблема успеваемости и успешности обучающихся в свете социальных изменений развития общества и образовательных систем / Р.А. Дормидонтов. – Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. - 2022. - № 5 (10). – URL : <https://mir-nauki.com/PDF/27PDMN522.pdf>
3. Баева, И. А. Психологическая безопасность образовательной среды: становление направления и перспективы развития / И.А. Баева. – Текст : электронный // Экстремальная психология и безопасность личности. - 2024. - № 3 (1). - С. 5 – 19. – URL : https://psyjournals.ru/journals/epps/archive/2024_n3/epps_2024_n3_Baeva.pdf (дата обращения : 20.07.2025)
4. Денисенкова, Н. С. Исследование учебной мотивации первоклассников в различных образовательных средах / Н.С. Денисенкова. – Текст : электронный // Психологическая наука и образование. - 2020. - № 1 (25). - С. 5–15. – URL : https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2020_n1/pse_2020_n1_Denisenkova.pdf (дата обращения : 20.07.2025)
5. Заика, Л.В. Педагогическое сопровождение профессионального самоопределения обучающихся: современные подходы / Л.В. Заика. – Текст : электронный // Известия Тульского Государственного Университета. Педагогика. - 2020. - № 3. - С. 27–30. – URL : https://tidings.tsu.tula.ru/tidings/pdf/web/file/tsu_izv_pedagogics_2020_03_a.pdf (дата обращения : 20.07.2025)
6. Кирякова, К. М. Психологическая безопасность образовательной среды как условие успешности учебной деятельности школьников / К. М. Кирякова. – Текст : электронный // Вестник Прикамского социального института. - 2022. - № 1 (91). - С. 141–146. – URL : <https://sciup.org/psihologicheskaja-bezopasnost-obrazovatelnoj-sredy-kak-uslovie-uspeshnosti-14126484> (дата обращения : 20.07.2025)
7. Логвинова, И. К. Социально-психологический климат как пространство гармонизации рабочей среды / И.К. Логвинова, О.В. Гуденица. – Текст : электронный // Естественно-гуманитарные исследования. - 2024. - № 4 (54). - С. 419–425. – URL : <https://academyadt.ru/online-zhurnal-estestvenno-gumanitarnye-issledovaniya-egi-54/> (дата обращения : 20.07.2025)
8. Усик, Д.А. Тревожные расстройства у подростков: причины, последствия и методы лечения / Д.А. Усик. – Текст : электронный // Коллекция гуманитарных исследований. - 2024. - № 3 (40). - С. 57–62. – URL : <https://www.j-chr.com/jour/article/view/476/310> (дата обращения : 20.07.2025)
9. Цветков, А.М. Актуальные проблемы педагогической безопасности образовательных ресурсов / А.М. Цветков, В.П. Косырев. – Текст : электронный // Современное

педагогическое образование. - 2025. - № 5. - С. 290 – 294. – URL : <https://spomagazine.ru/upload/iblock/e63/k8zc6nkri0h76qc9dhjy5m0z79rbm7gb/№5%202025%20СПО.pdf> (дата обращения : 27.07.2025)

10. Шишова, Е. О. Влияние типа образовательной среды на психическое развитие дошкольников / Е.О. Шишова. – Текст : электронный // Психолого-педагогические исследования. - 2021. - № 1 (13). - С. 84–100. – URL : https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2021_n1/Shishova (дата обращения : 18.07.2025)

11. Шумакова, Н.Б. Особенности климата в классе и возможности его изучения у подростков / Н.Б. Шумакова. – Текст : электронный // Вестник практической психологии образования. - 2023. - № 4 (20). - С. 7–15. – URL : https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2023_n4/bppe_2023_n4_Shumakova.pdf (дата обращения : 20.07.2025)

12. Янова, Н.Г. Безопасность личности в образовательной среде: условия и возможности / Н.Г. Янова, И.В. Маслова, О.В. Коюшева. – Текст : электронный // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. - 2024. - № 2 (6). - С. 109 – 121. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ydgphb> (дата обращения : 25.07.2025)

13. Bochaver, A. A. School Climate Questionnaire: A New Tool for Assessing the School Environment / A. A. Bochaver, A. A. Korneev, K. D. Khlomov. - Text : electronic // Frontiers in Psychology. - 2022. - № 13. - С. 871466. – URL : <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35846652/> (date of appeal: 23.07.2025)

14. Buckner-Capone A., Duckor B. School Climate Assessment and Continuous Improvement: What superintendent Beliefs Tell Us About Accountability Policy / A. Buckner-Capone, B. Duckor. - Text : electronic // Journal of School Leadership. - 2024. - № 5 (34). - С. 443–464. – URL : https://www.researchgate.net/publication/379526275_School_Climate_Assessment_and_Continuous_Improvement_What_superintendent_Beliefs_Tell_Us_About_Accountability_Policy (date of appeal: 23.07.2025)

15. Cipriano, C. The state of evidence for social and emotional learning: A contemporary META-ANALYSIS of universal SCHOOL-BASED SEL interventions / Cipriano C. [et al.]. Text : electronic // Child Development. 2023. № 5 (94). С. 1181–1204. – URL : https://www.researchgate.net/publication/372370421_The_state_of_evidence_for_social_and_emotional_learning_A_contemporary_meta-analysis_of_universal_school-based_SEL_interventions (date of appeal: 23.07.2025)

16. Cipriano, C. A. systematic review and meta-analysis of the effects of universal school-based SEL programs in the United States: Considerations for marginalized students / C. Cipriano [et al.]. Text : electronic // Social and Emotional Learning: Research, Practice, and Policy. - 2024. (3). - URL : https://www.researchgate.net/publication/378766689_A_systematic_review_and_meta-analysis_of_the_effects_of_universal_school-based_SEL_programs_in_the_United_States_Considerations_for_marginalized_students (date of appeal: 23.07.2025)

17. González, C. Systematic and evaluative review of school climate instruments for students, teachers, and parents / C. González, V. Bacon, C. A. Kearney. - Text : electronic // Psychology in the Schools. - 2023. - № 6 (60). - С. 1781 – 1836. – URL : https://www.researchgate.net/publication/366171393_Systematic_and_evaluative_review_of_school_climate_instruments_for_students_teachers_and_parents (date of appeal: 23.07.2025)

18. Hirata, I. Multifaceted perception of school climate: association between students' and teachers' perceptions and other teacher factors / I. Hirata [et al.]. - Text : electronic // Frontiers in Education. - 2024. - № 9. – URL : <https://www.frontiersin.org/journals/education/articles/10.3389/feduc.2024.1411503/full> (date of appeal: 23.07.2025)

19. Lombardi, E. The Impact of School Climate on Well-Being Experience and School Engagement: A Study With High-School Students / E. Lombardi [et al.]. - Text : electronic //

Frontiers in Psychology. - 2019. - № 10. - URL : <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2019.02482/full> (date of appeal: 23.07.2025)

20. Skaar, N.R. Integrating social-emotional learning and standards-based grading: Principles, barriers, and future directions / N.R. Skaar, M. Townsley. - Text : electronic // Social and Emotional Learning: Research, Practice, and Policy. - 2025. № 5. - URL : https://www.researchgate.net/publication/387738504_Integrating_Social-Emotional_Learning_and_Standards-Based_Grading_Principles_Barriers_and_Future_Directions (date of appeal: 23.07.2025).

Поступила: 13.10.2025

Принята к публикации: 25.11.2025

THE INFLUENCE OF A FAVORABLE PSYCHOLOGICAL ENVIRONMENT ON THE SUCCESSES OF GENERAL SCHOOL STUDENTS

© Dmitry A. Usik, Vyacheslav Kh. Unatlokov

Dmitry A. Usik — Assistant of the Department of Family and Childhood Psychology, L.S. Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities

e-mail: Usik.d77@mail.ru

Address: 125047, Moscow, Miusskaya square, 6, Russian Federation

Vyacheslav Kh. Unatlokov — Associate Professor of Department of Kabardino-Cherkessk language and Literature, Kabardino-Balkarian State University

Address: 360004, Nalchik, Chernyshevskogo, 173, Russian Federation

ABSTRACT

104

Relevance of studying the influence of the psychological environment on academic achievements is due to a number of clinically and socially significant factors. On the one hand, educational systems are striving to improve the quality of knowledge and equal opportunities; on the other hand, there is a growing understanding that traditional methods of influence (increased academic load, control mechanisms) have limited effectiveness without taking into account the emotional and psychological well-being of students. In the context of a modern school, where students face multiple stressors (social competition, pressure from grades, family difficulties, and information overload), creating a supportive psychological environment is seen as a preventive and resource-saving strategy that can enhance adaptability and academic productivity.

Purpose of this study is to empirically assess the relationship between the level of supportive psychological environment and students' academic performance, as well as to determine the contribution of this factor while controlling for socioeconomic status (SES) and gender.

Materials and Methods. The cross-sectional study used simulated (synthesized) data from a sample of $N = 200$ students (grades 6–9, approximately 12–15 years old). A self-developed 6-item scale (Likert scale 1–5) was used to measure the psychological environment, and the scale had high internal consistency (Cronbach's $\alpha = 0.905$). The academic achievement indicator is represented by the grade point average (GPA) on a 1-5 scale. The SES index (1-5) and gender (boys/girls) were used as control variables. The statistical analysis included descriptive statistics, correlation analysis (Pearson coefficient), independent t test, and multiple linear regression (OLS). The significance level was set at $\alpha = 0.05$.

Results. It showed a stable positive relationship between the level of a favorable psychological environment and academic performance: $r = 0.478$ ($p < 0.001$). When the sample was divided into groups with high and low levels of psychological environment, the differences in the average level of academic performance were statistically significant ($t \approx 4.545$, $p < 0.001$). In

multiple regression, the contribution of PsychEnv remained significant when controlling for SES and gender ($\beta = 0.384$, $p < 0.001$), while SES also predicted academic performance ($\beta = 0.215$, $p < 0.001$), and gender was not a significant predictor. The model explained approximately 31.1% of the variability in academic performance (Adjusted R² = 0.311).

Conclusions. Creating a favorable psychological environment at school is associated with improving students' academic performance and is an important resource for educational practice. Practical recommendations include teacher training programs in the field of supportive pedagogy, the development of social and emotional learning programs, and the formation of school practices aimed at strengthening interpersonal relationships.

Key words: *psychological environment; school climate; academic performance; academic achievements; school; educational psychology; teenagers; support.*

REFERENCES

1. Avdulova, T.P. Comparative analysis of the characteristics of anxiety, depression and communicative sphere in adolescents studying online and offline / T.P. Avdulova, V.M. Prikladovskaya. - Text: electronic // Digital Humanities and Technologies in Education (DHTE 2022): collection of articles of the III All-Russian scientific and practical conf. with international participation (Moscow, November 17-18, 2022); edited by V.V. Rubtsov, M.G. Sorokova, N.P. Radchikova - M .: Publishing house of FGBOU VO MGPPU, 2022. - Pp. 407 - 420. - URL : https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2022/contents/dhte2022_Avdulova_Prikladovskaya.pdf (date of access: 20.07.2025)
2. Dormidontov, R.A. The problem of academic performance and success of students in light of social changes in the development of society and educational systems / R.A. Dormidontov. - Text : electronic // World of science. Pedagogy and psychology. - 2022. - No. 5 (10). - URL : <https://mirnauki.com/PDF/27PDMN522.pdf> (date of appeal: 23.07.2025)
3. Baeva, I.A. Psychological safety of the educational environment: formation of the direction and development prospects / I.A. Baeva. – Electronic text // Extreme Psychology and Personal Safety. - 2024. - No. 3 (1). - P. 5 – 19. – URL: https://psyjournals.ru/journals/epps/archive/2024_n3/epps_2024_n3_Baeva.pdf (accessed: 20.07.2025)
4. Denisenkova, N. S. A study of the educational motivation of first-graders in various educational environments / N.S. Denisenkova. – Electronic text // Psychological Science and Education. - 2020. - No. 1 (25). - P. 5–15. – URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2020_n1/pse_2020_n1_Denisenkova.pdf (accessed: 20.07.2025)
5. Zaika, L.V. Pedagogical support for students' professional self-determination: modern approaches / L.V. Zaika. – Text: electronic // Bulletin of Tula State University. Pedagogy. - 2020. - No. 3. - P. 27–30. – URL: https://tidings.tsu.tula.ru/tidings/pdf/web/file/tsu_izv_pedagogics_2020_03_a.pdf (accessed: 20.07.2025)
6. Kiryakova, K. M. Psychological safety of the educational environment as a condition for the success of schoolchildren's academic activities / K. M. Kiryakova. – Text: electronic // Bulletin of the Kama Social Institute. - 2022. - No. 1 (91). - P. 141–146. – URL : <https://sciup.org/psihologicheskaja-bezopasnost-obrazovatelnoj-sredy-kak-uslovie-uspeshnosti-14126484> (date of access : 20.07.2025)
7. Logvinova, I. K. Social and psychological climate as a space for harmonization of the working environment / I. K. Logvinova, O. V. Gudenitsa. – Text : electronic // Natural-humanitarian studies. - 2024. - No. 4 (54). - P. 419–425. – URL : <https://academyadt.ru/online-zhurnal-estestvenno-gumanitarnye-issledovaniya-egi-54/> (date of access : 20.07.2025)

8. Usik, D. A. Anxiety disorders in adolescents: causes, consequences and treatment methods / D.A. Usik. – Electronic text // Collection of humanitarian studies. - 2024. - No. 3 (40). - P. 57–62. – URL: <https://www.j-chr.com/jour/article/view/476/310> (accessed: 20.07.2025)
9. Tsvetkov, A.M. Actual problems of pedagogical safety of educational resources / A.M. Tsvetkov, V.P. Kosyrev. – Electronic text // Modern pedagogical education. - 2025. - No. 5. - P. 290 – 294. – URL: <https://spo-magazine.ru/upload/iblock/e63/k8zc6nkri0h76qc9dhjy5m0z79rbm7gb/№5%202025%20СПО.pdf> (accessed: 27.07.2025)
10. Shishova, E. O. The Influence of the Type of Educational Environment on the Mental Development of Preschoolers / E. O. Shishova. – Text: electronic // Psychological and pedagogical research. - 2021. - No. 1 (13). - P. 84–100. – URL : https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2021_n1/Shishova (date of access: 18.07.2025)
11. Shumakova, N.B. Features of the climate in the classroom and the possibilities of its study in adolescents / N.B. Shumakova. – Text : electronic // Bulletin of Practical Psychology of Education. - 2023. - No. 4 (20). - P. 7–15. – URL : https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2023_n4/bppe_2023_n4_Shumakova.pdf (date of access: 20.07.2025)
12. Yanova, N.G. Personal safety in the educational environment: conditions and possibilities / N.G. Yanova, I.V. Maslova, O.V. Koyusheva. – Text: electronic // Bulletin of Psychology and Pedagogy of Altai State University. - 2024. - No. 2 (6). - P. 109 – 121. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ydgphb> (date of access: 07/25/2025)
13. Bochaver, A. A. School Climate Questionnaire: A New Tool for Assessing the School Environment / A. A. Bochaver, A. A. Korneev, K. D. Khlomov. - Text : electronic // Frontiers in Psychology. - 2022. - № 13. - C. 871466. – URL : <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35846652/> (date of appeal: 23.07.2025)
14. Buckner-Capone A., Duckor B. School Climate Assessment and Continuous Improvement: What superintendent Beliefs Tell Us About Accountability Policy / A. Buckner-Capone, B. Duckor. - Text : electronic // Journal of School Leadership. - 2024. - № 5 (34). - C. 443–464. – URL : https://www.researchgate.net/publication/379526275_School_Climate_Assessment_and_Continuous_Improvement_What_superintendent_Beliefs_Tell_Us_About_Accountability_Policy (date of appeal: 23.07.2025)
15. Cipriano, C. The state of evidence for social and emotional learning: A contemporary META-ANALYSIS of universal SCHOOL-BASED SEL interventions / Cipriano C. [et al.]. Text : electronic // Child Development. 2023. № 5 (94). C. 1181–1204. – URL : https://www.researchgate.net/publication/372370421_The_state_of_evidence_for_social_and_emotional_learning_A_contemporary_meta-analysis_of_universal_school-based_SEL_interventions (date of appeal: 23.07.2025)
16. Cipriano, C. A. systematic review and meta-analysis of the effects of universal school-based SEL programs in the United States: Considerations for marginalized students / C. Cipriano [et al.]. Text : electronic // Social and Emotional Learning: Research, Practice, and Policy. - 2024. (3). - URL : https://www.researchgate.net/publication/378766689_A_systematic_review_and_meta-analysis_of_the_effects_of_universal_school-based_SEL_programs_in_the_United_States_Considerations_for_marginalized_students (date of appeal: 23.07.2025)
17. González, C. Systematic and evaluative review of school climate instruments for students, teachers, and parents / C. González, V. Bacon, C. A. Kearney. - Text : electronic // Psychology in the Schools. - 2023. - № 6 (60). - C. 1781 – 1836. – URL : https://www.researchgate.net/publication/366171393_Systematic_and_evaluative_review_of_school_climate_instruments_for_students_teachers_and_parents (date of appeal: 23.07.2025)
18. Hirata, I. Multifaceted perception of school climate: association between students' and teachers' perceptions and other teacher factors / I. Hirata [et al.]. - Text : electronic // Frontiers in

- Education. - 2024. - № 9. - URL : <https://www.frontiersin.org/journals/education/articles/10.3389/feduc.2024.1411503/full> (date of appeal: 23.07.2025)
19. Lombardi, E. The Impact of School Climate on Well-Being Experience and School Engagement: A Study With High-School Students / E. Lombardi [et al.]. - Text : electronic // Frontiers in Psychology. - 2019. - № 10. - URL : <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2019.02482/full> (date of appeal: 23.07.2025)
20. Skaar, N.R. Integrating social-emotional learning and standards-based grading: Principles, barriers, and future directions / N.R. Skaar, M. Townsley. - Text : electronic // Social and Emotional Learning: Research, Practice, and Policy. - 2025. № 5. - URL : https://www.researchgate.net/publication/387738504_Integrating_Social-Emotional_Learning_and_Standards-Based_Grading_Principles_Barriers_and_Future_Directions (date of appeal: 23.07.2025).

Received: 13.10.2025

Accepted: 25.11.2025

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ К НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ПАТОФИЗИОЛОГИИ

© Юрин С.М., Апальков Д.А., Ворвуль А.О.

Юрин С.М. – студент 5 курса лечебного факультета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России
e-mail: yurinsvyat@gmail.com

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д.3, Российская Федерация

Апальков Д.А. – студент 5 курса лечебного факультета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России
e-mail: apalkov_246@mail.ru

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д.3, Российская Федерация

108

Ворвуль А.О. – старший преподаватель кафедры патофизиологии, старший научный сотрудник НИИ общей патологии ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России,

e-mail: vorvulao@kursksmu.net

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д.3, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Патофизиология как экспериментальная дисциплина открывает для студентов уникальные возможности интеграции в научно-исследовательскую деятельность. Погружение в научную практику способствует формированию профессиональных компетенций и развитию критического мышления, однако требует от студентов значительного изменения личного расписания, что может влиять на учебную нагрузку и мотивационные установки. В условиях возрастающих требований к подготовке врачей-исследователей и необходимости внедрения инновационных образовательных подходов анализ факторов, стимулирующих или ограничивающих вовлеченность студентов в научную работу, обретает особую значимость. НИИ общей патологии является одной из научных баз для исследований, проводимых сотрудниками кафедры патофизиологии Курского государственного медицинского университета (КГМУ), при этом обеспечивает учащимся доступ к современной лабораторной инфраструктуре и участие в исследованиях в диссертационного уровня. При этом наличие современной, высокооснащенной экспериментальной базы кафедры должно подкрепляться высокой мотивацией студентов и возможностями находить баланс между академической и исследовательской активностью, а также адаптироваться к изменяющимся условиям учебного процесса.

Цель – выявление и анализ ключевых психолого-педагогических факторов, определяющих мотивацию студентов медицинского вуза к участию в научно-исследовательской деятельности, осуществляющейся в рамках преподавания дисциплины «Патофизиология» Курского государственного медицинского университета (КГМУ).

Материалы и методы. Эмпирическое исследование проведено на базе кафедры патофизиологии КГМУ с участием 25 студентов медицинского факультета, вовлечённых в научную деятельность. Применён метод анкетирования с использованием авторской анкеты, включающей 21 вопрос, структурированных по блокам мотивации, поддержки, трудностей и последствий научной активности. Обработка данных проведена с использованием Microsoft Excel 2016 и методов контент-анализа.

Результаты. Основной мотивацией к участию в научной деятельности студенты указали стремление к углублению знаний по патофизиологии (72%), а также педагогическую поддержку со стороны научных руководителей (17%). Лишь 11% ориентировались на внешние стимулы (рейтинговые баллы, стипендия). Наиболее значимыми трудностями оказались: недостаток навыков статистической обработки данных (40%), эмоциональные сложности при работе с лабораторными животными (32%) и затруднения при написании научных текстов (20%). При этом 44% респондентов отметили улучшение тайм-менеджмента, а 60% указали на развитие критического мышления и повышение успеваемости. 75% студентов планируют продолжать научную деятельность после окончания университета.

Выводы. Мотивация студентов к научной деятельности формируется под влиянием комплекса когнитивных и педагогических факторов. Выявленные детерминанты и барьеры имеют практическое значение для разработки образовательных стратегий, направленных на стимулирование исследовательской активности в медицинском вузе.

Ключевые слова: мотивация студентов, научно-исследовательская деятельность, патофизиология, медицинское образование, педагогическое сопровождение, критическое мышление, профессиональное развитие.

Введение

Патофизиология как экспериментальная дисциплина открывает для студентов уникальные возможности интеграции в научно-исследовательскую деятельность [1]. Погружение в научную практику способствует формированию профессиональных компетенций и развитию критического мышления, однако требует от студентов значительного изменения личного расписания, что может влиять на учебную нагрузку и мотивационные установки [2; 3]. В условиях возрастающих требований к подготовке врачей-исследователей и необходимости внедрения инновационных образовательных подходов анализ факторов, стимулирующих или ограничивающих вовлеченность студентов в научную работу, обретает особую значимость [4; 5]. НИИ общей патологии является одной из научных баз для исследований, проводимых сотрудниками кафедры патофизиологии Курского государственного медицинского университета (КГМУ), при этом обеспечивает учащимся доступ к современной лабораторной инфраструктуре и участие в исследованиях в диссертационного уровня [6; 7; 8]. При этом наличие современной, высокооснащенной экспериментальной базы кафедры должно подкрепляться высокой мотивацией студентов и возможностями находить баланс между академической и исследовательской активностью, а также адаптироваться к изменяющимся условиям учебного процесса [9; 10]. В связи с этим, нами проведено исследование, целью которого стало изучение ключевых детерминант мотивации студентов к научно-исследовательской деятельности на кафедре патофизиологии [11; 12].

Материалы и методы исследования. Эмпирическая часть исследования реализована на базе кафедры патофизиологии и Научно-исследовательского института общей патологии Курского государственного медицинского университета. Выбор кафедры

в качестве исследовательской площадки обусловлен тем, что она традиционно рассматривается как интеграционная платформа между фундаментальной медицинской наукой и клинической практикой. Кафедра активно реализует студенческие научные проекты с использованием экспериментальных моделей, что обеспечивает высокий уровень включенности студентов в исследовательскую среду.

В исследовании приняли участие 25 студентов 3 курса медицинского факультета КГМУ, имеющих опыт участия в научно-исследовательской деятельности на кафедре. Отбор респондентов осуществлялся по критерию участия в лабораторных, теоретических или прикладных научных проектах в течение не менее одного учебного семестра.

Для сбора данных применён метод анонимного анкетирования, реализованный с использованием цифровой платформы Yandex Forms. Анкета включала 21 закрытый и полуоткрытый вопрос, разработанный с учётом теоретических моделей учебной и исследовательской мотивации (в том числе модели внутренней и внешней мотивации Э. Деси и Р. Райана, а также концепции педагогического сопровождения вуза). Анкета структурно охватывала четыре блока:

- мотивационные установки при включении в научную деятельность;
- внешние и внутренние источники поддержки;
- барьеры и трудности при выполнении научных заданий;
- субъективная оценка влияния исследовательской активности на учебную и профессиональную сферу.

Количественная обработка данных осуществлялась средствами Microsoft Excel 2016, включая расчёт долей и построение графических интерпретаций. Для анализа открытых ответов применялись методы тематического и контент-анализа, направленные на выявление доминирующих смысловых паттернов в формулировках респондентов. Методологическая валидность обеспечивалась предварительным тестированием анкеты на pilotной выборке и экспертной оценкой структуры опросника преподавателями кафедры.

Результаты исследования. Анализ анкет показал, что ведущим мотивом включения студентов в исследовательскую практику является стремление к углублению теоретических знаний и пониманию фундаментальных механизмов патологических процессов (72 %). Это указывает на доминирование познавательной (интроспективной) мотивации, согласуется с современными психолого-педагогическими концепциями портрета устойчивой исследовательской активности (рис. 1).

Рис. 1. Сравнение мотивов студентов к занятию научной деятельности, в %
Fig. 1. Comparison of students' motives for engaging in scientific activities, in %

Вторым по значимости фактором (17 %) является педагогическая поддержка со стороны наставников – преподавателей кафедры, которые не только структурировали исследовательскую работу, но и обеспечивали эмоциональную и методическую поддержку,

что рассматривается как проявление тьюторской функции академического преподавателя (рис. 1).

Примерно 11 % респондентов указали на внешние стимулы: перспективы получения дополнительных рейтинговых баллов и стипендиального поощрения (ПГАС).

Следует отметить, что у части студентов исходная мотивация носила ситуативно-прагматический характер (например, «для галочки», «по приколу»). Однако в ходе включения в исследовательскую деятельность происходила трансформация установок – субъективное отношение к науке изменялось в сторону признания её профессиональной значимости.

Наиболее значимой преградой для студентов стало отсутствие компетенций в статистической обработки и интерпретации данных (40 %). Эта проблема указывает на необходимость методического сопровождения студентов в формировании базовых навыков научного анализа (рис. 2).

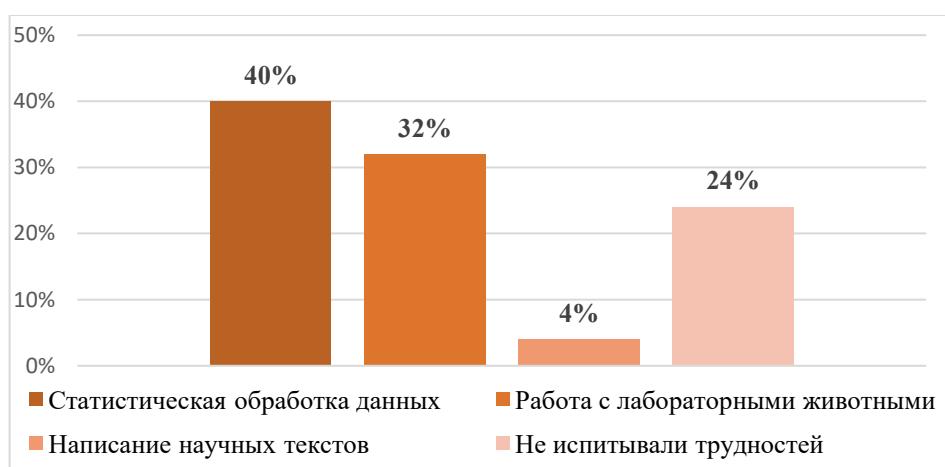

Рис. 2. Трудности в научной деятельности

Fig. 2. Difficulties in scientific activity

Второй фактор по частоте затруднений отмечен респондентами – психологический дискомфорт, связанный с работой с лабораторными животными (32 %), что требует дополнительной этической подготовки обучающихся и включения модулей биоэтики в исследовательскую практику (рис. 2). Также 20 % респондентов испытывали сложности в написании научных текстов, начиная от формулировки гипотез и заканчивая структурированием статей по требованиям научных журналов. Лишь 24% опрошенных сообщили об отсутствии существенных затруднений, что подчёркивает индивидуальные различия в уровне готовности к исследовательской деятельности.

Научно-исследовательская активность, по мнению 44 % респондентов, способствовала улучшению навыков самоорганизации и тайм-менеджмента. Это свидетельствует о развивающем потенциале научной деятельности как инструмента формирования метапредметных компетенций (рис. 3).

Доля в 48 % студентов не отметили значимых изменений, а 8 % зафиксировали ухудшение в управлении временем, что может быть связано с трудностями в распределении приоритетов между учебной и научной активностью.

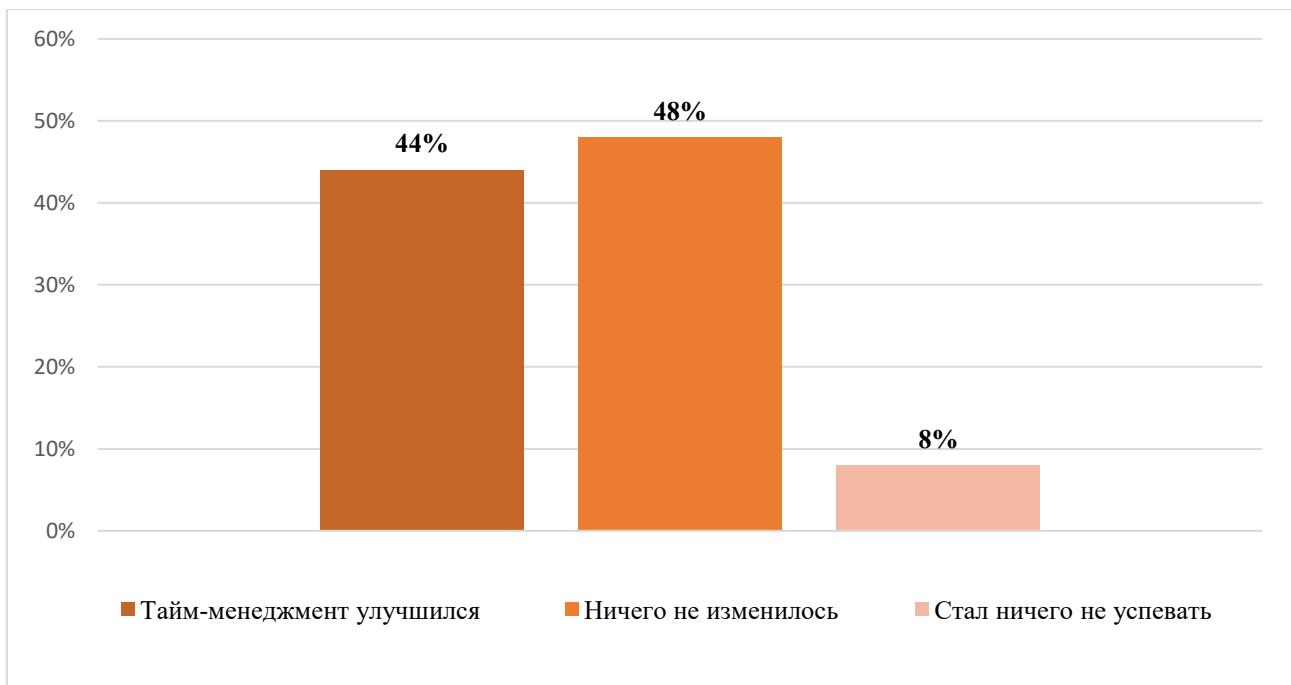

Рис. 3. Влияние научной деятельности на время тайм-менеджмент

Fig. 3. The impact of scientific activity on time management

В вопросе воздействия научной деятельности на академическую успеваемость примерно 60 % студентов отметили положительное влияние участия в научной работе на уровень освоения клинических дисциплин, особенно в аспекте понимания патогенетических механизмов заболеваний, критического анализа литературы и повышения академической успеваемости (рис. 4). У 24 % научная активность не повлияла на успеваемость, а у 8 % была зафиксирована её негативная динамика — как следствие перегрузки.

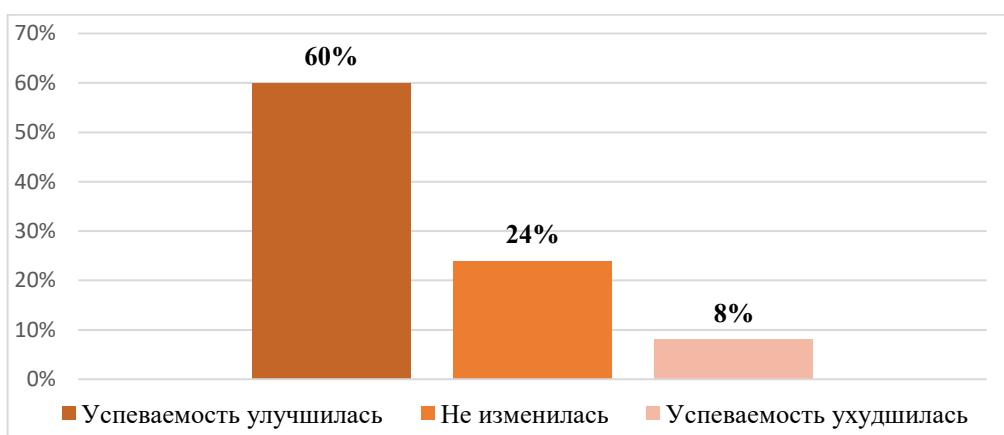

Рис. 4. Влияние научной деятельности на учебную успеваемость

Fig. 4. The impact of scientific activity on academic performance

Данные анкетирования демонстрируют высокий уровень ориентации на продолжение научной деятельности в постдипломный период: 75% респондентов заявили о намерении интегрировать исследовательскую активность в будущую профессиональную траекторию. Вместе с тем, 25% отдают приоритет клинической практике, не исключая при этом возможность эпизодического участия в исследовательских проектах.

Выводы. Исследование показало, что мотивация студентов к научной деятельности формируется под воздействием совокупности когнитивных, педагогических и

институциональных факторов, среди которых доминируют интерес к предмету и поддержка со стороны преподавателей. Научная деятельность способствует развитию ключевых компетенций, включая аналитическое мышление, самоорганизацию и исследовательскую гибкость, что оказывает положительное влияние на академическую и профессиональную подготовку студентов.

Идентифицированные трудности (недостаток статистических навыков, этическое напряжение, затруднения в написании научных текстов) указывают на необходимость создания поддерживающей методической среды и внедрения адаптационных образовательных механизмов.

Полученные результаты могут быть использованы для оптимизации программ научного сопровождения студентов на кафедрах фундаментальных дисциплин, а также при разработке педагогических стратегий, направленных на формирование устойчивой мотивации к научному поиску.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко, С.Н. Мотивация обучения в вузе – формирование готовности студентов-медиков к профессиональной деятельности / С.Н. Алексеенко, Т.В. Гайворонская, Н.Н. Дробот. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. - 2020. - № 3. – URL : 29690.pdf (дата обращения: 10.10.2025)
2. Алексеенко, С.Н. Интеграция клинического и клипового мышления студентов в образовательном процессе медицинского вуза / С.Н. Алексеенко, Т.В. Гайворонская, Н.Н. Дробот. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. - 2019. - № 6. - URL : ИНТЕГРАЦИЯ КЛИНИЧЕСКОГО И КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА - Современные проблемы науки и образования (дата обращения: 10.10.2025)
3. Иванчук, О.В. Феномен «клиническое мышление» как одно из основополагающих понятий исследования / О.В. Иванчук, О.Г. Ганина. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. - 2018. - № 5. - URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28096> (дата обращения: 21.03.2025).
4. Королев, В.А. Многоуровневая система привлечения студентов к научно-исследовательской деятельности в Курском государственном медицинском университете / В.А. Королев, В.А. Лазаренко, П.В. Калуцкий. – Текст : электронный // Медицинское образование и профессиональное развитие. - 2012. - № 1. - С. 112-118. - URL : <http://elib.fesmu.ru/Article.aspx?id=259116> (дата обращения: 10.10.2025)
5. Суровцева, К.А. О мотивации выбора профессии врача / К.А. Суровцева, Т.А. Андронова, Г.Д. Бондарь. – Текст : электронный // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2019. - № 2. - С. 53–56. - URL : <https://s.applied-research.ru/pdf/2019/2/12670.pdf> (дата обращения: 10.10.2025)
6. Степанова, И.П. Научно-исследовательская деятельность глазами студентов-медиков первого курса / И.П. Степанова, И.Г. Штейнборм, О.В. Атавина, В.В. Мугак. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. - 2023. - № 6. - URL : <https://s.science-education.ru/pdf/2023/6/33145.pdf> (дата обращения: 10.10.2025)
7. Лапин, П.В. Мотивация студентов к выполнению научно-исследовательской работы и ее связь с установкой на построение академической карьеры в вузе / П.В. Лапин, Е.А. Балезина. – Текст : электронный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. - 2021. - № 1. - С. 108–118. - URL : Вестник 2021 Выпуск 4 | Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология (дата обращения: 10.10.2025)
8. Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior. New York: Springer, 1985.

9. Kremer J., McGuinness C. Cutting the Cord: Student-Led Discussion Groups in Higher Education // *Education + Training*. 1998. Vol. 40, No. 2. P. 44–49.
10. Pintrich P.R., Schunk D.H. *Motivation in Education: Theory, Research, and Applications*. 4th ed. New York: Pearson, 2016.
11. Ryan R.M., Deci E.L. *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. New York: Guilford Press, 2017.
12. Schunk D.H., Meece J.L., Pintrich P.R. *Motivation in Education: Theory, Research, and Applications*. 4th ed. New York: Pearson, 2014.

Поступила: 26.10.2025

Принята к публикации: 25.12.2025

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL DETERMINANTS OF STUDENTS' MOTIVATION FOR RESEARCH ACTIVITIES IN THE FRAMEWORK OF TEACHING PATHOPHYSIOLOGY

© Svyatoslav M. Yurin, Dmitry A. Apalkov, Anton O. Vorvul

Svyatoslav M. Yurin – 5th year student of the Faculty of Medicine KSMU
e-mail: yurinsvyat@gmail.com.

Address: 305041, 3, K. Marx street, Kursk, Russian Federation

Dmitry A. Apalkov – 5th year student of the Faculty of Medicine KSMU
e-mail: apalkov_246@mail.ru

Address: 305041, 3, K. Marx street, Kursk, Russian Federation

Anton O. Vorvul – Senior Lecturer, Department of Pathophysiology, Senior Researcher, Research Institute of General Pathology, KSMU, Candidate of Medical Sciences
e-mail: vorvulao@kursksmu.net

Address: 305041, 3, K. Marx street, Kursk, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. To identify and analyze key psychological and pedagogical factors that determine the motivation of medical university students to participate in research activities carried out within the framework of teaching the discipline "Pathophysiology" at Kursk State Medical University (KSMU).

Materials and Methods. The empirical study was conducted on the basis of the Department of Pathophysiology of KSMU with the participation of 25 students of the Faculty of Medicine involved in scientific activities. The method of questioning was applied using the author's questionnaire, which includes 21 questions, structured according to the blocks of motivation, support, difficulties and consequences of scientific activity. The data was processed using Microsoft Excel 2016 and content analysis methods.

Results. The main motivation for participating in scientific activities was the desire to deepen their knowledge of pathophysiology (72%), as well as pedagogical support from scientific supervisors (17%). Only 11% relied on external incentives (rating points, scholarship). The most significant difficulties were: lack of statistical data processing skills (40%), emotional difficulties when working with laboratory animals (32%) and difficulties when writing scientific texts (20%). At the same time, 44% of respondents noted an improvement in time management, and 60% pointed to the development of critical thinking and improved academic performance. 75% of students plan to continue their scientific activities after graduation.

Conclusions. Students' motivation for scientific activity is formed under the influence of a complex of cognitive and pedagogical factors. The identified determinants and barriers are of practical importance for the development of educational strategies aimed at stimulating research activity at a medical university.

Key words: *student motivation, research activity, pathophysiology, medical education, pedagogical support, critical thinking, professional development.*

RELEVANCES

1. Alekseenko, S.N. Motivaciya obucheniya v vuze – formirovanie gotovnosti studentov-medikov k professional'noj deyatel'nosti / S.N. Alekseenko, T.V. Gajvoronskaya, N.N. Drobot. – Tekst : elektronnyj // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2020. - № 3. – URL : 29690.pdf (data obrashcheniya: 10.10.2025)
2. Alekseenko, S.N. Integraciya klinicheskogo i klipovogo myshleniya studentov v obrazovatel'nom processe medicinskogo vuza / S.N. Alekseenko, T.V. Gajvoronskaya, N.N. Drobot. – Tekst : elektronnyj // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2019. - № 6. - URL : INTEGRACIYA KLINICHESKOGO I KLIPOVOGO MYSHLENIYA STUDENTOV V OBRAZOVATEL'NOM PROCESSE MEDICINSKOGO VUZA - Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (data obrashcheniya: 10.10.2025)
3. Ivanchuk, O.V. Fenomen «klinicheskoe myshlenie» kak odno iz osnovopolagayushchih ponyatij issledovaniya / O.V. Ivanchuk, O.G. Ganina. – Tekst : elektronnyj // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2018. - № 5. - URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28096> (data obrashcheniya: 21.03.2025).
4. Korolev, V.A. Mnogourovnevaya sistema privlecheniya studentov k nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti v Kurskom gosudarstvennom medicinskem universitete / V.A. Korolev, V.A. Lazarenko, P.V. Kaluckij. – Tekst : elektronnyj // Medicinskoe obrazovanie i professional'noe razvitiye. - 2012. - № 1. - S. 112-118. - URL : <http://elib.fesmu.ru/Article.aspx?id=259116> (data obrashcheniya: 10.10.2025)
5. Surovceva, K.A. O motivacii vybora professii vracha / K.A. Surovceva, T.A. Andronova, G.D. Bondar'. – Tekst : elektronnyj // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. - 2019. - № 2. - S. 53–56. - URL : <https://s.applied-research.ru/pdf/2019/2/12670.pdf> (data obrashcheniya: 10.10.2025)
6. Stepanova, I.P. Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' glazami studentov-medikov pervogo kursa / I.P. Stepanova, I.G. SHtejnborn, O.V. Atavina, V.V. Mugak. – Tekst : elektronnyj // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2023. - № 6. - URL : <https://s.science-education.ru/pdf/2023/6/33145.pdf> (data obrashcheniya: 10.10.2025)
7. Lapin, P.V. Motivaciya studentov k vypolneniyu nauchno-issledovatel'skoj raboty i ee svyaz' s ustanovkoj na postroenie akademicheskoy kar'ery v vuze / P.V. Lapin, E.A. Balezina. – Tekst : elektronnyj // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sociologiya. - 2021. - № 1. - S. 108–118. - URL : [Vestnik 2021 Vypusk 4 | Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sociologiya](https://vestnik2021.vu.ru/4) (data obrashcheniya: 10.10.2025)
8. Deci E.L., Ryan R.M. *Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior*. New York: Springer, 1985.
9. Kremer J., McGuinness C. Cutting the Cord: Student-Led Discussion Groups in Higher Education // *Education + Training*. 1998. Vol. 40, No. 2. P. 44–49.
10. Pintrich P.R., Schunk D.H. *Motivation in Education: Theory, Research, and Applications*. 4th ed. New York: Pearson, 2016.
11. Ryan R.M., Deci E.L. *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. New York: Guilford Press, 2017.
12. Schunk D.H., Meece J.L., Pintrich P.R. *Motivation in Education: Theory, Research, and Applications*. 4th ed. New York: Pearson, 2014.

Received: 26.10.2025

Accepted: 25.12.2025

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОЕ СТРЕССОВОЕ РАССТРОЙСТВО И ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ КОМОРБИДНОСТЬ: НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ, КЛИНИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

© Шелепин К.Ю., Шелепин Е.Ю., Скуратова К.А., Чausов А.С., Зубко В.М.

Шелепин К.Ю. – Директор Института когнитивных наук и нейротехнологий ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, кандидат медицинских наук

e-mail : shelepinK@yandex.ru

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский переулок, 23, Российской Федерации

Шелепин Е.Ю. – младший научный сотрудник ФГБУН Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН; генеральный директор ООО «Нейроиконика Ассистив»

e-mail : ShelepinEY@infran.ru

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д.6., Российской Федерации

117

Скуратова К.А. – младший научный сотрудник ФГБУН Института физиологии им. И. П. Павлова РАН; ООО «Нейроиконика Ассистив»

e-mail : kseskuratova@gmail.com

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д.6., Российской Федерации

Чausов А.С. – младший научный сотрудник Института когнитивных наук и нейротехнологий ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России

e-mail : chausov.a@serbsky.ru

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский переулок, 23, Российской Федерации

Зубко В.М. – младший научный сотрудник Института когнитивных наук и нейротехнологий ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России

e-mail : q158veronika@gmail.com

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский переулок, 23, Российской Федерации

Статья подготовлена в ходе выполнения научной темы двух Государственных заданий:

1. Аппаратно-программный комплекс для диагностики эмоциональных и когнитивных нарушений при расстройствах, связанных со стрессом, с использованием синхронной регистрации показателей видеоокулографии и других психофизиологических параметров. Регистрационный номер: 125013101179-7

2. Аппаратно-программный комплекс ассистивной коммуникации для диагностики аффективных и когнитивных нарушений у пациентов, утративших навыки экспрессивной речи и произвольных движений. Регистрационный номер: 125013001136-1

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследований коморбидности в психиатрии обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, наличие коморбидных состояний

существенно усложняет диагностический процесс. Значительное перекрытие симптомов различных психических расстройств способно обуславливать дифференциально-диагностическим сложностям и даже к искусственной коморбидности. Во-вторых, коморбидные психические расстройства обычно ассоциируются с более тяжелым течением, худшим ответом на лечение, повышенным риском рецидивов и менее благоприятным прогнозом.

Цель: исследование проблемы коморбидности посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) с другими психическими расстройствами, включая аффективные, тревожные, психотические и аддиктивные расстройства.

Результаты. В статье рассматривается проблема коморбидности посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) с другими психическими расстройствами, включая аффективные, тревожные, психотические и аддиктивные расстройства. Подчеркивается высокая распространенность сочетанных форм патологии, их негативное влияние на клиническое течение, эффективность терапии и социальную адаптацию пациентов. Описаны эпидемиологические данные, нейробиологические механизмы (снижение объема гиппокампа, дисфункция миндалевидного тела, нарушения регуляции НРА-оси), а также психологические факторы коморбидности, такие как эмоциональная дисрегуляция и избегающее поведение. Особое внимание уделяется сложностям диагностики из-за симптоматического перекрытия и необходимости использования структурированных интервью. Обсуждаются терапевтические стратегии, включая фармакотерапию и психотерапию, и подчеркивается важность интегративного подхода. Делается вывод о необходимости трансдиагностического моделирования и интеграции психиатрической помощи в систему здравоохранения.

Выводы. Коморбидность ПТСР с другими психическими расстройствами представляет собой не только частое клиническое явление, но и сложную проблему, требующую комплексного подхода на индивидуальном, системном и социальном уровнях. Улучшение понимания природы этих сочетаний, оптимизация диагностики и лечение, а также разработка профилактических стратегий являются ключевыми задачами современной психиатрии.

Ключевые слова: ПТСР, коморбидность, психические расстройства, нейробиология, диагностика, терапия, эпидемиология, социальные последствия, трансдиагностический подход.

Введение

В современной психиатрии вопрос коморбидности занимает особое положение, требуя пристального внимания как с теоретической, так и с практической точки зрения. Коморбидность, определяемая как существование у одного пациента двух или более заболеваний, синдромов или психических расстройств, стала неотъемлемой частью клинической практики и психиатрических исследований [1]. Изначально данный термин был введен в медицину для обозначения случаев, когда у пациента с основным заболеванием появляется отдельная дополнительная клиническая единица в ходе клинического течения болезни. В психиатрии этот термин приобрел особое значение, учитывая высокую частоту одновременного диагностирования различных психических расстройств у одного и того же пациента [2].

Эпидемиологические исследования последних лет убедительно обнаруживают, что психиатрическая коморбидность является скорее правилом, чем исключением. В масштабном исследовании, охватившем более 145 тысяч взрослых респондентов из 27 стран, было обнаружено, что каждое предшествующее психическое расстройство ассоциировано с повышенным риском последующего развития других расстройств. Медианное отношение рисков составило 12,1, что указывает на чрезвычайно сильную связь между различными психическими расстройствами. Особенно выраженные связи

наблюдаются между тесно связанными типами психических расстройств и в первые 1-2 года после начала предшествующего расстройства [3].

Актуальность исследований коморбидности в психиатрии обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, наличие коморбидных состояний существенно усложняет диагностический процесс. Значительное перекрытие симптомов различных психических расстройств способно обуславливать дифференциально-диагностическим сложностям и даже к искусственной коморбидности [2]. Во-вторых, коморбидные психические расстройства обычно ассоциируются с более тяжелым течением, худшим ответом на лечение, повышенным риском рецидивов и менее благоприятным прогнозом. По данным ВОЗ, коморбидные состояния приводят к снижению качества жизни, более высокому уровню функциональных нарушений и увеличенному риску преждевременной смертности [4].

Коморбидность между психическими расстройствами и соматическими заболеваниями становится все более признанной проблемой общественного здравоохранения. Существует высокая степень коморбидности между психическими расстройствами и основными неинфекционными заболеваниями, в том числе сердечно-сосудистые заболевания, диабет, хронические респираторные заболевания и злокачественные новообразования. Эти связи являются двунаправленными: психические расстройства могут быть как предшественниками, так и следствиями хронических соматических заболеваний. Люди с тяжелыми психическими расстройствами имеют более высокую среднюю смертность по сравнению с общей популяцией, что приводит к значимому сокращению продолжительности жизни [5].

Практическая значимость исследований коморбидности для клинической психиатрии многогранна. Понимание моделей коморбидности имеет решающее значение для точной диагностики и разработки эффективных терапевтических подходов. Наличие одного психического расстройства должно побуждать клиницистов систематически искать возможные коморбидные состояния, которые могут быть менее очевидными, но значительно влиять на клинический исход [6].

Коморбидность существенно влияет на выбор терапевтических стратегий. Стандартные протоколы лечения, разработанные для отдельных расстройств, могут быть менее эффективными при наличии коморбидности. Фармакологическое лечение должно учитывать потенциальные взаимодействия между различными препаратами, а психотерапевтические вмешательства требуют адаптации для одновременного воздействия на несколько расстройств. ВОЗ рекомендует интегрированный, ориентированный на человека подход к проектированию, организации, управлению и улучшению медицинских услуг для решения проблемы коморбидности [4].

Несмотря на клиническую значимость, концепция психиатрической коморбидности сталкивается с рядом теоретических проблем и ограничений. Выделяются три основные проблемы: неадекватное определение концепции, сложности дифференциальной диагностики и тенденцию к реификации психических расстройств. Проблема определения связана с тем, что термин «коморбидность» в психиатрии часто используется без учета изначального смысла, предполагающего наличие двух действительно отдельных клинических единиц [2].

Дифференциально-диагностические проблемы возникают из-за значительного перекрытия симптомов различных психических расстройств. Это может привести к искусственной коморбидности, когда один и тот же симптом может быть частью диагностических критериев для нескольких расстройств. Проблема связана с тенденцией воспринимать диагностические категории как реально существующие дискретные единицы, а не как условные конструкты [2].

Современные исследования коморбидности все чаще переходят от простой регистрации сосуществующих состояний к изучению общих патогенетических механизмов, лежащих в основе различных психических расстройств. Транс-

диагностический подход, фокусирующийся на выявлении общих факторов риска, нейробиологических коррелятов и патофизиологических механизмов, может обеспечить более глубокое понимание коморбидности [3].

В контексте общественного здравоохранения понимание коморбидности имеет решающее значение для планирования и организации психиатрической помощи. ВОЗ рекомендует интегрированные модели оказания медицинской помощи, которые могут более эффективно удовлетворять потребности пациентов с коморбидными психическими и соматическими расстройствами. Такие модели включают совместную помощь, при которой специалисты в области психического здоровья интегрированы в первичное звено здравоохранения [4].

Коморбидность посттравматического стрессового расстройства с большим депрессивным расстройством (БДР) и биполярным аффективным расстройством (БАР)

Исследования обнаруживают, что ПТСР чаще сочетается с большим депрессивным расстройством (БДР), чем с другими психическими расстройствами. В выборке из 145 990 респондентов из 27 стран коморбидность ПТСР и БДР достигала 18,8% (Plana-Ripoll et al., 2020). Среди пациентов с БДР распространенность ПТСР варьирует от 30 % до 50 %, что значительно превышает показатели в общей популяции [7].

Для биполярного аффективного расстройства (БАР) коморбидность с ПТСР также остается высокой: обзоры указывают на диапазон от 4 % до 40 % [8]. Исследование с участием 462 пациентов выявило, что 51,9 % лиц с БАР имели диагноз ПТСР в анамнезе, причем сексуальное насилие в анамнезе ассоциировалось с учащением эпизодов [9]. Двунаправленная связь между расстройствами подтверждается данными о том, что предшествующее ПТСР увеличивает риск развития БАР в 2,5 раза, а наличие БАР повышает уязвимость к ПТСР после травмы. Метаанализ 52 исследований подтвердил, что 10,8% пациентов с БАР имеют коморбидное ПТСР, при этом у женщин и лиц с БАР I типа риск выше, чем при БАР II типа [10].

Диагностика коморбидных состояний осложняется значительным симптоматическим перекрытием. Для ПТСР и БДР общими являются ангедония, нарушения сна и концентрации, что затрудняет дифференциацию [8]. В случае БАР гипоманиакальные или маниакальные эпизоды могут маскировать симптомы ПТСР, такие как гипервозбуждение или избегание [11]. Искусственная коморбидность возникает, когда один симптом соответствует критериям нескольких расстройств. Например, эмоциональная лабильность при БАР может ошибочно интерпретироваться как гипервозбуждение при ПТСР [2].

Методологические сложности усугубляются отсутствием четких диагностических границ. Травма-ориентированная оценка, включающая структурированные интервью (например, CAPS), рекомендована для выявления ПТСР у пациентов с аффективными расстройствами [9].

Коморбидность ПТСР с аффективными расстройствами ассоциируется с тяжелым течением и неблагоприятным прогнозом. Пациенты с ПТСР и БДР обнаруживают более выраженную суициальность: 41% из них сообщают о суициальных мыслях против 27% при изолированном БДР [3]. У лиц с БАР коморбидное ПТСР коррелирует с учащением госпитализаций, резистентностью к терапии и когнитивным дефицитом [9].

Нейробиологические исследования выявляют различия между изолированными и коморбидными формами. При сочетании ПТСР и БДР отмечается гиперактивация миндалевидного тела и снижение объема гиппокампа, что не характерно для каждого расстройства в отдельности [8]. Для БАР с ПТСР типична дисрегуляция гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси (НРА-ось), проявляющаяся в повышенном уровне кортизола и нарушении отрицательной обратной связи [9].

Фармакотерапия коморбидных состояний требует учета межлекарственных взаимодействий. Селективные ингибиторы обратного захвата серотонина (СИОЗС), эффективные при ПТСР, могут провоцировать маниакальные эпизоды у пациентов с БАР [11]. Нормотимики снижают риск аффективных колебаний, но не влияют на симптомы ПТСР [10]. Когнитивно-поведенческая терапия, адаптированная для работы с травмой, демонстрирует эффективность при коморбидности, однако ее применение ограничено при выраженной цикличности БАР [8].

Коморбидность посттравматического стрессового расстройства и генерализованного тревожного расстройства (ГТР)

Согласно данным метаанализа, включавшего 1184 участника с травматическим анамнезом, симптомы депрессии и ГТР формируют отдельную симптоматическую группу, тесно связанную с кластерами ПТСР, такими как гипервозбуждение и негативный аффект [12]. В исследовании с участием 325 пациентов, переживших наводнение, коморбидность ПТСР и тревожных расстройств достигала 6,15 %, причем 66,67 % лиц с тревожными симптомами соответствовали критериям ПТСР [13].

Глобальные оценки показывают, что среди иммигрантов распространенность ГТР составляет 9 %, а ПТСР – 25 %, при этом у 64,52 % пациентов с ПТСР выявляются сопутствующие тревожные расстройства [14]. Особенno высокая коморбидность наблюдается у женщин, переживших межличностное насилие, где сочетание ПТСР и ГТР наблюдается в 36,1 % случаев [8].

Диагностика коморбидных ПТСР и ГТР осложняется значительным симптоматическим перекрытием. Общими чертами являются персистирующее беспокойство, нарушения сна и трудности концентрации, которые соответствуют критериям обоих расстройств [15]. Ключевым дифференциально-диагностическим признаком остается наличие травматического триггера и симптомов повторного переживания, характерных для ПТСР [12]. Однако у пациентов с ГТР тревога часто носит генерализованный характер, не будучи привязанной к конкретному событию [16].

Сетевой анализ симптомов выявил, что неспособность расслабиться (характерная для ГТР) и ограниченная способность испытывать положительные эмоции (признак ПТСР) выступают ключевыми «узлами», связывающими оба расстройства [12]. Это требует использования структурированных интервью, таких как CAPS, для выявления травматического анамнеза у пациентов с ГТР [9]. Важным аспектом является оценка временной последовательности: развитие ГТР после травмы может указывать на вторичную тревогу, тогда как предшествующее ГТР повышает уязвимость к ПТСР [8].

Коморбидность ПТСР и ГТР ассоциируется с более тяжелым течением и резистентностью к терапии. Пациенты обнаруживают повышенную частоту соматических симптомов, таких как кардиалгии и желудочно-кишечные нарушения, что связано с хронической гиперактивацией симпатической нервной системы [17]. Нейробиологические исследования выявляют общие паттерны дисфункции в миндалевидном теле и префронтальной коре, что объясняет нарушения эмоциональной регуляции [11].

Фармакотерапия коморбидных состояний требует осторожности. Селективные ингибиторы обратного захвата серотонина (СИОЗС) эффективны для обеих патологий, но могут усиливать тревожность на начальных этапах лечения [8]. Психотерапевтические подходы, в том числе когнитивно-поведенческую терапию (КПТ) с элементами экспозиции, показывают эффективность, однако их применение ограничено при выраженной избегающей симптоматике [12]. Комбинированное использование mindfulness-техник и EMDR-терапии позволяет снизить интенсивность как травматических воспоминаний, так и генерализованной тревоги [9].

Прогностически неблагоприятным фактором выступает хронизация симптомов. У пациентов с длительным анамнезом коморбидности чаще наблюдаются социальная дезадаптация и суицидальное поведение [17].

Коморбидность посттравматического стрессового расстройства с паническим расстройством (ПР)

Среди лиц с ПТСР распространенность панического расстройства достигает 35%, что в 4,1 раза превышает показатели в общей популяции [7]. Двунаправленная связь между расстройствами подтверждается продольными исследованиями: наличие ПТСР увеличивает риск развития ПР в 1,6 раза, а предшествующее ПР повышает вероятность возникновения ПТСР после травмы на 21 % [8].

Особую группу риска составляют пациенты, пережившие техногенные катастрофы. После промышленных взрывов коморбидность ПТСР и ПР регистрируется у 13,7 % пострадавших в первый месяц и у 16,6% через полгода после события [18]. В контексте пандемии COVID-19 отмечается рост новых случаев коморбидных состояний: частота впервые выявленного ПР среди лиц с ПТСР составила 3%, что связано с длительным воздействием стрессоров [17].

Диагностические сложности обусловлены значительным перекрытием симптоматики. Физиологические проявления (тахиардия, гипервентиляция, трепет) и когнитивные реакции (страх смерти, дереализация) характерны для обоих расстройств [15]. Ключевым дифференциальным признаком выступает этиологический фактор: при ПТСР симптомы связаны с травматическими воспоминаниями, тогда как при ПР тревога фокусируется на соматических ощущениях [12].

Ложная коморбидность может возникать при неправильной интерпретации панических атак как части гипервозбуждения при ПТСР. Для минимизации ошибок рекомендовано использование структурированных интервью с акцентом на временную связь между травмой и дебютом симптомов [9]. Важно учитывать, что у 79% пациентов с ПТСР и ПР выявляется минимум одно дополнительное психическое расстройство, чаще всего депрессия, что требует комплексной диагностической оценки [19].

Коморбидность ПТСР и ПР ассоциируется с тяжелым течением и резистентностью к терапии. Пациенты обнаруживают повышенную частоту госпитализаций и выраженную социальную дезадаптацию [18]. Нейробиологические исследования выявляют общие механизмы патогенеза: гиперактивация миндалевидного тела, снижение активности вентромедиальной префронтальной коры и дисрегуляция оси НРА [11].

Фармакотерапия требует осторожности из-за риска парадоксального усиления тревоги. Селективные ингибиторы обратного захвата серотонина (СИОЗС) несмотря на эффективность при обоих расстройствах, могут провоцировать маниакальные эпизоды у 12% пациентов [8]. Психотерапевтические подходы, в том числе когнитивно-поведенческую терапию (КПТ) с элементами инteroцептивной экспозиции, показывают снижение частоты панических атак при одновременном уменьшении симптомов ПТСР [12].

Коморбидность посттравматического стрессового расстройства с социальным тревожным расстройством (СТР) и агорафобией

Исследования обнаруживают, что ПТСР и СТР часто сосуществуют: их коморбидность варьирует от 14,8% до 46% в зависимости от популяции [20]. В исследовании с участием 34 653 взрослых было установлено, что пациенты с коморбидным ПТСР и СТР имеют повышенные показатели по всем кластерам симптомов ПТСР, в том числе повторное переживание травмы и избегание [20]. Среди пациентов с ПТСР распространность фобических расстройств, в том числе СТР, достигает 64,52%, что почти вдвое превышает показатели в общей популяции [13].

Агорафобия также демонстрирует значительную связь с ПТСР. Согласно данным исследования с участием 2338 человек, распространность агорафобии составляет 1,5%,

причем у женщин она наблюдается чаще, чем у мужчин [18]. У пациентов с ПТСР коморбидная агорафобия отмечается в 21% случаев, часто сочетаясь с паническим расстройством [8]. Важно подчеркнуть, что агорафобия без панических атак наблюдается реже, но ее наличие существенно утяжеляет течение ПТСР [18].

Диагностика коморбидных состояний требует тщательного анализа симптоматики. Социальное избегание при СТР может имитировать поведенческие паттерны ПТСР, однако их патогенетические основы различаются. Для СТР характерен страх негативной оценки, тогда как при ПТСР избегание связано с травматическими триггерами [21]. Использование структурированных интервью позволяет дифференцировать эти состояния путем выявления специфических травматических воспоминаний [9].

При агорафобии ключевым диагностическим критерием является страх оказаться в ситуациях, где бегство затруднено или помочь недоступна [15]. Однако у пациентов с ПТСР этот страх часто связан с травматическим контекстом, например, избегание мест, напоминающих о травме. Дифференциация требует оценки временной последовательности: развитие агорафобии после травмы указывает на вторичный характер симптоматики [8]. Следует учитывать, что 90% пациентов с агорафобией имеют коморбидные психические расстройства, в том числе депрессию и обсессивно-компульсивное расстройство, что усложняет диагностику [18].

Коморбидность ПТСР с СТР и агорафобией ассоциируется с тяжелым течением и резистентностью к терапии. Пациенты обнаруживают повышенную суициальность: риск завершенных суицидов при коморбидности ПТСР и СТР в 2,3 раза выше, чем при изолированных расстройствах [17]. Нейробиологические исследования выявили общие механизмы, в том числе гиперактивацию миндалевидного тела и снижение активности префронтальной коры, что объясняет нарушения эмоциональной регуляции [11].

При агорафобии, коморбидной с ПТСР, отмечается усиление когнитивного избегания и соматических симптомов [18]. Фармакотерапия требует осторожности: селективные ингибиторы обратного захвата серотонина, эффективные при ПТСР, могут усиливать тревожность на начальных этапах лечения, особенно у пациентов с СТР [12].

Психотерапевтические подходы, такие как когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) с элементами экспозиции, обнаруживают эффективность, для пациентов с агорафобией рекомендованы постепенные экспозиции в сочетании с когнитивной реструктуризацией, направленной на снижение катастрофических интерпретаций телесных ощущений [15].

Коморбидность посттравматического стрессового расстройства и обсессивно-компульсивного расстройства (ОКР)

Согласно данным Национального эпидемиологического исследования, среди лиц с ПТСР распространенность ОКР достигает 35%, что в 3,62 раза превышает показатели в общей популяции [22]. В исследовании с участием 44 пациентов с ПТСР, связанным с боевыми действиями, 41% имели коморбидное ОКР, а 6% демонстрировали субклинические обсессивно-компульсивные симптомы [23]. Эти данные свидетельствуют о том, что ОКР может оставаться недиагностированным у пациентов с ПТСР, несмотря на высокую частоту совместного возникновения.

Временная последовательность развития расстройств варьирует. В 39,9% случаев ОКР возникает через год или более после манифестации ПТСР, в 39,4% - предшествует ему, а в 20,7% оба расстройства дебютируют в течение одного года [3]. Пациенты с посттравматическим ОКР (развившимся после ПТСР) характеризуются более поздним возрастом начала заболевания, повышенной тяжестью симптомов и частотой коморбидных тревожных и соматоформных расстройств [24].

Диагностика коморбидных ПТСР и ОКР осложняется значительным перекрытием симптоматики. Интрузивные мысли, избегание и ритуализированное поведение характерны

для обоих расстройств [15]. Ключевым дифференциальным признаком выступает этиологическая связь симптомов с травматическим событием. При ПТСР интрузии представляют собой повторное переживание травмы, тогда как при ОКР они чаще связаны с абстрактными опасениями [12]. Однако в случаях посттравматического ОКР содержание навязчивостей может непосредственно отражать травматический опыт, что затрудняет разграничение диагнозов [25].

Ложная коморбидность возникает при ошибочной интерпретации компульсий как стратегий избегания травматических триггеров. Например, ритуалы мытья рук у пациента, пережившего сексуальное насилие, могут быть направлены как на нейтрализацию страха загрязнения (ОКР), так и на символическое «очищение» от травмы (ПТСР) [26].

Коморбидность ПТСР и ОКР ассоциируется с тяжелым течением, резистентностью к терапии, повышенной частотой госпитализаций, социальной дезадаптацией [18]. У пациентов с коморбидностью отмечается уменьшение объема гиппокампа, что коррелирует с тяжестью когнитивных нарушений [8].

При коморбидности часто наблюдается динамическая взаимосвязь симптомов: снижение выраженности навязчивостей приводит к усилению травматических интрузий, и наоборот [25]. Это диктует необходимость комплексного подхода, сочетающего экспозиционную терапию для ПТСР с когнитивно-поведенческой терапией (КПТ) для ОКР [12].

Прогностически неблагоприятным фактором выступает хронизация симптомов. У пациентов с длительным анамнезом коморбидности риск рецидивов после лечения повышается на 40% по сравнению с изолированными формами [17].

Коморбидность посттравматического стрессового расстройства и пограничного расстройства личности (ПРЛ)

124

Среди лиц с ПРЛ распространенность ПТСР достигает 30,2%, тогда как среди пациентов с ПТСР коморбидное ПРЛ диагностируется в 24,2% случаев [27]. Эти показатели значительно превышают популяционные нормы, что акцентирует внимание на тесную связь между расстройствами. В продольном исследовании с участием 290 пациентов с ПРЛ было установлено, что 61% из них соответствовали критериям ПТСР на момент включения в исследование, однако за 10 лет наблюдений у 85% наступила ремиссия [28].

Особую группу риска составляют лица с историей повторяющихся травм в детстве. Метаанализ 97 исследований продемонстрировал, что пациенты с ПРЛ в 13,91 раза чаще сообщают о детских травматических событиях по сравнению с общей популяцией [29]. При этом коморбидность ПРЛ и ПТСР ассоциируется с более тяжелыми формами обеих патологий: у таких пациентов чаще регистрируются госпитализации и выше риск завершенных суицидов [27].

Диагностические сложности обусловлены значительным симптоматическим перекрытием. Общими чертами являются эмоциональная дисрегуляция, импульсивность и нарушения межличностных отношений [15]. Ключевым дифференциальным признаком выступает этиологическая связь симптомов с травматическим событием: при ПТСР интрузивные воспоминания и избегание четко привязаны к конкретному травматическому эпизоду, тогда как при ПРЛ эмоциональная нестабильность носит генерализованный характер [28].

Коморбидность ПТСР и ПРЛ ассоциируется с резистентностью к терапии и неблагоприятным прогнозом. Нейробиологические исследования выявляют общие паттерны дисфункций: уменьшение объема гиппокампа, гиперактивацию миндалевидного тела и снижение активности вентромедиальной префронтальной коры [30].

Селективные ингибиторы обратного захвата серотонина могут провоцировать аффективную нестабильность у пациентов с ПРЛ [8]. Психотерапевтические подходы, такие как диалектико-поведенческая терапия с элементами пролонгированной экспозиции,

обнаруживают эффективность, снижая частоту самоповреждающего поведения и улучшая показатели качества жизни [30].

Коморбидность посттравматического стрессового расстройства и шизофрении

Риск развития шизофрении у лиц с ПТСР повышен в 3,8 раза, а шизофренического спектра - в 2,34 раза [31]. Двунаправленная связь подтверждается данными о том, что предшествующая шизофрения увеличивает уязвимость к ПТСР после травмы на 21 % [32]. Особую группу риска составляют пациенты с детскими травмами: наличие физического насилия в анамнезе ассоциируется с 13,9-кратным повышением вероятности коморбидности [29].

Диагностика осложняется значительным симптоматическим перекрытием. Интрузивные воспоминания при ПТСР могут имитировать слуховые галлюцинации, а избегающее поведение - негативные симптомы шизофрении [33]. Ключевым дифференциальным признаком остается этиологическая связь с травмой: при ПТСР симптомы ретроспективно привязаны к конкретному событию, тогда как при шизофрении носят аутохтонный характер [19].

Ложная коморбидность возникает при интерпретации травматических переживаний как бредовых идей. Например, идеи преследования у пациентов с шизофренией могут ошибочно трактоваться как гипербдительность при ПТСР [34].

Коморбидность ПТСР и шизофрении ассоциируется с тяжелым течением и резистентностью к терапии. Пациенты обнаруживают усиление позитивной симптоматики: частота галлюцинаций увеличивается на 40%, а бредовых идей - на 28% по сравнению с изолированной шизофренией [35].

Антипсихотики второго поколения обнаруживают умеренную эффективность в снижении травматических интрузий, но могут провоцировать метаболические нарушения [36]. Психотерапевтические подходы, в том числе когнитивно-поведенческую терапию с элементами экспозиции, снижают выраженность симптомов ПТСР без обострения психоза [37]. Однако их применение ограничено при выраженной когнитивной дисфункции, характерной для коморбидных случаев [34].

Коморбидность посттравматического стрессового расстройства и расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ (ПАВ)

Согласно данным Национального эпидемиологического исследования, среди лиц с ПТСР распространенность злоупотребления ПАВ достигает 57,7%, что в 2-4 раза превышает популяционные показатели [38]. У ветеранов с боевым опытом коморбидность диагностируется в 43% случаев, причем алкогольная зависимость преобладает над другими формами аддикций [39]. В регионах с военными конфликтами до 78% лиц с ПТСР обнаруживают признаки зависимости от ПАВ, причем опиоиды и стимуляторы используются для купирования гипервозбуждения [17].

Гипервозбуждение при ПТСР может имитировать абстинентный синдром, а избегание триггеров - маскироваться под социальную изоляцию, характерную для аддикций [19]. Ключевым дифференциальным признаком выступает временная связь: в 70% случаев ПТСР предшествует развитию зависимости, что поддерживает гипотезу самолечения [40].

Ложная коморбидность возникает при интерпретации интоксикации или абстиненции как симптомов ПТСР. Например, трепет при алкогольном делирии может ошибочно трактоваться как проявление гипервозбуждения [34].

Коморбидность ПТСР и расстройств, связанных с ПАВ, ассоциируется с резистентностью к терапии и неблагоприятным прогнозом. Пациенты обнаруживают

учащение рецидивов: риск возобновления употребления веществ после детоксикации повышается по сравнению с изолированными аддикциями [41].

Важным аспектом при рассмотрении коморбидности ПТСР и расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ, является понимание специфического психоэмоционального профиля лиц с аддикциями. Так, исследование Рожновой Т.М. и соавт. (2024) выявило у мужчин с алкогольной зависимостью комплекс деструктивных психологических характеристик, включая высокий уровень стрессированности (97,5%), раздражительность (96,7%), нарушения межличностных отношений (94,2%), ненависть вместо любви к близким (75,8%), а также низкую самооценку и эмоциональную лабильность, прослеживающиеся с преморбидного периода [42]. Данные особенности, свидетельствующие о слабости «Я» и незрелости личности, могут выступать как фактором риска развития аддикции на фоне ПТСР по механизму самолечения, так и следствием длительной алкоголизации, что усугубляет течение обоих расстройств и формирует порочный круг. Выявленные характеристики являются перспективными мишенями для интегративной психокоррекционной работы с данной категорией пациентов.

Налтрексон, эффективный при опиоидной зависимости, снижает интенсивность травматических интрузий на 34%, но может провоцировать тревожность у пациентов с сопутствующим тревожным расстройством [8]. Интегрированные подходы, такие как COPE (Concurrent Treatment of PTSD and Substance Use Disorders), обнаруживают снижение частоты рецидивов на 40% за счет сочетания экспозиционной терапии и когнитивно-поведенческих техник [37].

Нейробиологические механизмы коморбидности посттравматического стрессового расстройства

126

Современные исследования выявили устойчивую связь между уменьшением объема гиппокампа и развитием коморбидных форм посттравматического стрессового расстройства. Метаанализ 37 исследований продемонстрировал, что у пациентов с ПТСР наблюдается двустороннее сокращение гиппокампа, причем выраженность симптомов повторного переживания коррелирует с уменьшением левой гиппокампальной области [3]. Эти данные подтверждаются продольными исследованиями: сокращение объема гиппокампа выявляется уже через 3 месяца после травмы и сохраняется при хронизации расстройства [43]. Сопутствующее уменьшение серого вещества в вентромедиальной префронтальной коре (vmPFC) ассоциируется с нарушениями эмоциональной регуляции и повышенным риском коморбидности ПТСР с депрессивными расстройствами [44].

Миндалевидное тело демонстрирует функциональные изменения: гиперреактивность его дорсальных ядер коррелирует с выраженной гипервозбуждения, тогда как снижение связности с островковой долей предсказывает развитие коморбидных тревожных расстройств [44]. У пациентов с коморбидным ПТСР и алкогольной зависимостью выявлена повышенная функциональная связность между миндалиной и стриатумом, что объясняет усиление импульсивности и поискового поведения [12].

Дисрегуляция гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси (НРА) выступает ключевым предиктором коморбидности. У пациентов с ПТСР и сопутствующей депрессией выявлено снижение базального уровня кортизола при одновременном усилении негативной обратной связи [45]. У носителей гаплотипа H2 гена FKBP5 обнаружено снижение спектральной мощности в передней поясной коре, что коррелирует с нарушением когнитивного контроля и повышенной уязвимостью к аддикциям [3].

Повышение уровня провоспалительных цитокинов, особенно интерлейкина-6 (IL-6), служит биомаркером коморбидности ПТСР с соматическими заболеваниями. Метаанализ 16 исследований выявил увеличение IL-6 у пациентов с коморбидным ПТСР и черепно-мозговой травмой по сравнению с изолированными формами [46]. Гиперактивация NF-кВ

в моноцитах периферической крови коррелирует с усилением симптомов избегания и гипервозбуждения, создавая порочный круг нейровоспаления [9].

Полиморфизмы гена переносчика серотонина (5-HTTLPR) в сочетании с аллелями риска гена COMT повышают вероятность коморбидности ПТСР и биполярного расстройства [3]. Метилирование промоторной области гена BDNF ассоциируется с уменьшением объема гиппокампа и нарушениями консолидации травматических воспоминаний [43]. Эпигенетические модификации гена OXTR, регулирующего окситоциновые рецепторы, коррелируют с социальной дезадаптацией и риском коморбидности ПТСР с расстройствами аутистического спектра [46].

Нарушение связности в сети пассивного режима работы мозга служит предиктором коморбидности ПТСР с когнитивными нарушениями. Снижение функциональной связности между задней поясной корой и медиальной префронтальной корой коррелирует с выраженностью диссоциативных симптомов [44]. У пациентов с коморбидным ПТСР и шизофренией выявлена гиперсвязность между островковой долей и сенсомоторной корой, что объясняет усиление перцептивных нарушений [43].

Психологические механизмы коморбидности посттравматического стрессового расстройства

Эмоциональная дисрегуляция выступает ключевым предиктором коморбидности ПТСР с тревожными и аффективными расстройствами. Пациенты с коморбидным ПТСР и генерализованным тревожным расстройством (ГТР) обнаруживают значительные трудности в регуляции негативных эмоций, в том числе непринятие эмоциональных реакций, импульсивность и недостаток эмоциональной ясности [45]. Эти нарушения коррелируют с повышенной активностью миндалевидного тела и снижением функциональной связности префронтальной коры, что усугубляет симптоматику обоих расстройств. Метаанализ данных ВОЗ подтверждает, что коморбидность ПТСР с депрессией и тревогой чаще наблюдается у лиц с низким уровнем эмоционального контроля [47].

Негативные когнитивные паттерны, такие как руминация и катастрофизация, усиливают риск коморбидности ПТСР с депрессивными расстройствами. Руминация, характеризующаяся навязчивым анализом травматических событий, предсказывает хронизацию симптомов и снижение эффективности копинг-стратегий [12]. Исследования выявили, что у пациентов с коморбидным ПТСР и депрессией уровень руминации выше, чем при изолированных формах [17]. Негативные убеждения о себе («Я беспомощен») и мире («Мир опасен») опосредуют связь между травмой и развитием сопутствующих расстройств, формируя порочный круг избегания и гипервозбуждения [48].

Существенным подспорьем в решении диагностических сложностей, связанных со значительным симптоматическим перекрытием при коморбидных формах ПТСР, может стать использование стандартизованных нейрокогнитивных батарей, позволяющих количественно оценить специфику нарушений. В частности, метод комплексной экспресс-оценки с применением тестов «Вербальная беглость» и «Комплексная фигура Рея» [49] демонстрирует высокую чувствительность в дифференциации нозотипичных профилей при расстройствах личности, аффективных и шизофренических расстройствах, что коррелирует с данными о различных паттернах нейробиологической дисфункции при этих заболеваниях. Данный подход позволяет не только объективизировать когнитивный дефицит, часто остающийся за рамками стандартного патопсихологического исследования, но и количественно оценить вклад собственно депрессивной симптоматики. Данные показатели часто является ключевым для дифференциальной диагностики и разработки адресных коррекционных программ при коморбидном ПТСР.

Невротизм и избегающий копинг-стиль значимо связаны с коморбидностью ПТСР и пограничного расстройства личности (ПРЛ). Высокий невротизм увеличивает риск

коморбидности за счет повышенной чувствительности к стрессу и склонности к интернализации симптомов [28]. Лица с копинг-стратегией избегания чаще используют дисфункциональные стратегии (например, подавление мыслей), что усиливает симптоматику тревоги и депрессии [3]. Метаанализ данных ВОЗ подчеркивает, что коморбидные формы ПТСР ассоциируются с перфекционизмом и низкой толерантностью к неопределенности, особенно у женщин [47].

Наличие в анамнезе тревожных или аффективных расстройств повышает уязвимость к коморбидности ПТСР. Лица с предшествующей депрессией имеют более значительную вероятность развития ПТСР после травмы из-за нарушений нейропластичности и дисфункции серотониновой системы [45]. Диссоциативные симптомы, такие как деперсонализация и дереализация, служат предикторами коморбидности ПТСР с обсессивно-компульсивным расстройством (ОКР), усиливая ритуализированное поведение как форму избегания [33]. Метаанализ подтвердил, что у пациентов с шизофренией и предшествующими психотическими эпизодами риск коморбидного ПТСР возрастает [43].

Дефицит социальной поддержки и межличностные конфликты усиливают риск коморбидности ПТСР с аддикциями. Отсутствие эмоциональной поддержки после травмы коррелирует с повышением вероятности злоупотребления психоактивными веществами [19]. Пациенты с коморбидным ПТСР и алкогольной зависимостью в 78% случаев сообщают о социальной изоляции, что усугубляет руминацию и избегание [50]. ВОЗ отмечает, что низкий социально-экономический статус и стигматизация психических расстройств дополнительно ограничивают доступ к ресурсам, необходимым для восстановления [47].

Социальные последствия коморбидности посттравматического стрессового расстройства

128

Коморбидность посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) с другими психическими расстройствами существенно влияет на трудовую занятость и экономическую стабильность. Пациенты с коморбидным ПТСР и социальным тревожным расстройством чаще сталкиваются с трудностями в профессиональной адаптации из-за избегающего поведения и снижения социальной активности [21]. Согласно данным ВОЗ, лица с ПТСР и сопутствующей депрессией в чаще теряют работу или выходят на досрочную пенсию по сравнению с теми, у кого отсутствует коморбидность [47]. В выборке ветеранов с боевым опытом коморбидность ПТСР и расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ (ПАВ), ассоциировалась с повышением риска рецидивов аддикций после детоксикации, что напрямую влияет на трудовую неустойчивость [41].

Экономическое бремя коморбидных форм ПТСР усугубляется необходимостью длительного лечения. Пациенты с ПТСР и хроническими заболеваниями требуют больше медицинских ресурсов, чем лица с изолированными расстройствами [43]. Исследование среди работников, пострадавших в результате событий 11 сентября 2001 года, выявило, что коморбидность ПТСР повышает вероятность потери работы и досрочного выхода на пенсию [51]. Эти данные подчеркивают необходимость разработки программ реабилитации, ориентированных на восстановление профессиональных навыков у пациентов с комплексными диагнозами.

Коморбидность ПТСР с тревожными и аффективными расстройствами нарушает способность поддерживать стабильные социальные связи. У пациентов с ПТСР и депрессией уровень воспринимаемой социальной поддержки ниже, чем у лиц без коморбидности, что способствует прогрессированию симптомов избегания и эмоциональной отстраненности [45]. В исследовании с участием ветеранов с ПТСР и расстройствами, связанными с употреблением ПАВ, 78% сообщили о социальной изоляции, которая коррелировала с усилением руминации и суицидальных мыслей [50].

Нарушения в семейных отношениях особенно выражены при коморбидности ПТСР и пограничного расстройства личности (ПРЛ). Пациенты с двойным диагнозом обнаруживают более высокий уровень конфликтов с партнерами и детьми из-за импульсивности и эмоциональной лабильности [28]. Согласно данным ВОЗ, родители с ПТСР и сопутствующей депрессией чаще сообщают о трудностях в воспитании детей, что повышает риск передачи травматического опыта следующему поколению [47].

Стигма, связанная с психическими расстройствами, усугубляет социальные последствия коморбидного ПТСР. В странах с низким уровнем дохода только 25% пациентов с коморбидным ПТСР получают специализированную помощь, что связано с недостатком ресурсов и стигматизацией психических расстройств [47].

Женщины с ПТСР и коморбидной депрессией чаще подвергаются социальной изоляции: 45 % из них избегают обращаться за помощью из-за страха осуждения, по сравнению с 28 % мужчин [17]. Ветераны с ПТСР и сопутствующими аддикциями сталкиваются с дополнительными барьерами: только 18% работодателей готовы нанимать лиц с двойным диагнозом, несмотря на их квалификацию [52].

Коморбидность ПТСР с хроническими заболеваниями создает дополнительную нагрузку на экономику. Согласно данным ВОЗ, коморбидные формы ПТСР ассоциируются с повышением риска инвалидности, что увеличивает затраты на социальные пособия и реабилитационные программы [47].

Выводы. Коморбидность посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) с другими психическими расстройствами является широко распространенным и клинически значимым феноменом, который требует комплексного теоретического и практического осмыслиения. Эпидемиологические данные свидетельствуют о высокой частоте сопутствования ПТСР с аффективными, тревожными, психотическими и аддиктивными расстройствами. Установлено, что наличие ПТСР существенно повышает риск развития вторичных психопатологических состояний, в то время как наличие предшествующих расстройств увеличивает уязвимость к формированию ПТСР после воздействия травматического события.

Наиболее устойчивыми и клинически значимыми являются ассоциации ПТСР с большим депрессивным расстройством, биполярным аффективным расстройством, генерализованным тревожным расстройством, паническим расстройством, социальным тревожным расстройством, агорафобией, обсессивно-компульсивным расстройством, пограничным расстройством личности, шизофренией и расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ. Эти сочетания характеризуются более тяжелым клиническим течением, выраженным суицидальным риском, социальной дезадаптацией, резистентностью к стандартным схемам терапии и более высоким риском хронизации.

Одним из ключевых препятствий для адекватной диагностики и лечения коморбидных форм ПТСР остается значительное перекрытие симптоматики. Общие проявления - такие как нарушения сна, тревожность, избегающее поведение, диссоциация, когнитивные нарушения - затрудняют разграничение расстройств и способствуют феномену искусственной коморбидности. Это подчеркивает необходимость использования структурированных диагностических интервью и учета временной последовательности манифестации симптомов.

Нейробиологические данные подтверждают существование общих патофизиологических механизмов, лежащих в основе ПТСР и сопутствующих психических расстройств. У пациентов с коморбидными формами последовательно выявляются снижение объема гиппокампа, гиперактивация миндалевидного тела, дисфункция префронтальной коры и нарушения в регуляции гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси. Эти изменения коррелируют с выраженностю гипервозбуждения, нарушениями эмоциональной регуляции, импульсивностью и дефицитом когнитивного контроля. В ряде случаев обнаружены также эпигенетические и молекулярные маркеры коморбидности, в том числе полиморфизмы генов FKBP5, 5-HTTLPR, COMT и BDNF.

Психологические механизмы, способствующие развитию коморбидных форм ПТСР, включают эмоциональную дисрегуляцию, руминацию, катастрофизацию, избегающие копинг-стратегии, высокие уровни невротизма и негативные убеждения о себе и мире. Доказано, что наличие в анамнезе тревожных или аффективных расстройств, а также дефицит социальной поддержки, существенно увеличивают риск развития ПТСР после травмы. Такие индивидуальные особенности, как перфекционизм, низкая толерантность к неопределенности и склонность к диссоциации, также усиливают выраженность симптоматики и затрудняют восстановление.

Фармакотерапия коморбидных состояний требует повышенной осторожности. Лекарственные препараты, эффективные при одном из расстройств, могут оказывать нежелательное влияние на течение другого. Так, применение селективных ингибиторов обратного захвата серотонина при ПТСР способно провоцировать маниакальные эпизоды у пациентов с биполярным расстройством, а антидепрессанты второго поколения могут усугублять метаболические нарушения у лиц с ПТСР и шизофренией. Эффективность психотерапии, в том числе когнитивно-поведенческую и экспозиционную терапию, ограничена при выраженной диссоциации, избегающем поведении и когнитивных дефицитах. В ряде случаев наилучшие результаты обнаруживают интегративные подходы, сочетающие элементы нескольких методов с индивидуальной адаптацией под конкретные особенности пациента.

Социальные последствия коморбидности ПТСР выходят за рамки клинической симптоматики и существенно влияют на качество жизни пациентов, уровень их социальной интеграции и трудовую адаптацию. Коморбидные формы ПТСР ассоциируются с более высоким уровнем безработицы, частыми госпитализациями, социальной изоляцией, стигматизацией и нарушением семейных и профессиональных отношений. Особенно выражены эти последствия у женщин, ветеранов боевых действий и лиц с низким социально-экономическим статусом. В этих группах наблюдается повышенный уровень избегания обращения за помощью, что дополнитель но затрудняет своевременную диагностику и лечение.

Данные эпидемиологических, клинических и нейробиологических исследований указывают на необходимость перехода от традиционного категориального подхода к трансдиагностическому моделированию. Такой подход, направленный на выявление общих факторов риска и патогенетических механизмов, может способствовать созданию более точных диагностических инструментов и разработке комплексных схем терапии. В контексте общественного здравоохранения особенно актуальной становится интеграция психиатрической помощи в систему первичной медико-санитарной помощи, что позволит обеспечить своевременное выявление коморбидных расстройств, их адекватную терапию и профилактику социально-экономических последствий.

Таким образом, коморбидность ПТСР с другими психическими расстройствами представляет собой не только частое клиническое явление, но и сложную проблему, требующую комплексного подхода на индивидуальном, системном и социальном уровнях. Улучшение понимания природы этих сочетаний, оптимизация диагностики и лечение, а также разработка профилактических стратегий являются ключевыми задачами современной психиатрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cohen, A. Addressing comorbidity between mental disorders and major noncommunicable diseases: Background technical report to support implementation of the WHO European Mental Health Action Plan 2013–2020 and the WHO European Action Plan for the Prevention and Control of Noncommunicable Diseases 2016–2025. Copenhagen: World Health Organization Regional Office for Europe; 2020.

2. Henriksen MG, Nordgaard J, Jansson L. Genetics of schizophrenia: overview of methods, findings and limitations. *Front Hum Neurosci.* 2017; 11:322. doi:10.3389/fnhum.2017.00322
3. Plana-Ripoll O, Pedersen CB, Agerbo E, et al. A comprehensive analysis of mortality-related health metrics associated with mental disorders: a nationwide, register-based cohort study. *Lancet.* 2019;394(10211):1827-1835. doi:10.1016/S0140-6736(19)32316-5
4. World Health Organization. WHO guidelines: Management of physical health conditions in adults with severe mental disorders. Geneva: World Health Organization; 2018.
5. World Health Organization. Regional Office for Europe. Integrating the prevention, treatment and care of mental health conditions and other noncommunicable diseases within health systems. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe; 2020.
6. Scott KM, de Jonge P, Alonso J, et al. Associations between DSM-IV mental disorders and subsequent heart disease onset: beyond depression. *Int J Cardiol.* 2013;168(5):5293-5299. doi:10.1016/j.ijcard.2013.08.012
7. Kessler RC, Berglund P, Demler O, Jin R, Merikangas KR, Walters EE. Lifetime prevalence and age-of-onset distributions of DSM-IV disorders in the National Comorbidity Survey Replication. *Arch Gen Psychiatry.* 2005;62(6):593-602. doi:10.1001/archpsyc.62.6.593
8. Flory JD, Yehuda R. Comorbidity between post-traumatic stress disorder and major depressive disorder: alternative explanations and treatment considerations. *Dialogues Clin Neurosci.* 2015;17(2):141-150. doi:10.31887/DCNS.2015.17.2/yyehuda
9. Russell SE, Wrobel AL, Lotfaliany M, et al. The bipolar disorder and anxiety comorbidity: prevalence and psychopharmacology. *Curr Psychiatry Rep.* 2024;26(4):175-185. doi:10.1007/s11920-024-01493-5
10. Pavlova B, Perlis RH, Alda M, Uher R. Lifetime prevalence of anxiety disorders in people with bipolar disorder: a systematic review and meta-analysis. *Lancet Psychiatry.* 2015;2(8):710-717. doi:10.1016/S2215-0366(15)00112-1
11. Zimmerman M, Ellison W, Young D, Chelminski I, Dalrymple K. How many different ways do patients meet the diagnostic criteria for major depressive disorder? *Compr Psychiatry.* 2015;56:29-34. doi:10.1016/j.comppsych.2014.09.007
12. Bryant RA, Creamer M, O'Donnell M, et al. The capacity of acute stress disorder to predict posttraumatic psychiatric disorders. *J Psychiatr Res.* 2012;46(2):168-173. doi:10.1016/j.jpsychires.2011.10.007
13. Liu S, Wang X, Li Y, et al. Comorbidity of post-traumatic stress disorder and anxiety in earthquake survivors: prevalence and correlates. *Psychiatry Res.* 2017;257:306-310. doi:10.1016/j.psychres.2017.07.073
14. Hajebi A, Motevalian SA, Rahimi-Movaghar A, et al. Major anxiety disorders in Iran: prevalence, sociodemographic correlates and service utilization. *BMC Psychiatry.* 2018;18(1):261. doi:10.1186/s12888-018-1828-2
15. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5). 5th ed. Washington, D.C.: American Psychiatric Association; 2013.
16. World Health Organization. Anxiety disorders. Fact sheet. 2023. Available at: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/anxiety-disorders>
17. Khan MN, Hamdani SU, Chiumento A, et al. Evaluating feasibility and acceptability of a group WHO trans-diagnostic intervention for women with common mental disorders in rural Pakistan: a cluster randomised controlled feasibility trial. *Epidemiol Psychiatr Sci.* 2019;28(1):77-87. doi:10.1017/S2045796017000223
18. Preti A, Vrublevska J, Veronika S, et al. The prevalence and burden of subthreshold posttraumatic stress disorder in a mine-polluted area in Ukraine. *Acta Psychiatr Scand.* 2014;130(1):1-15. doi:10.1111/acps.12228
19. Brady KT, Killeen TK, Brewerton T, Lucerini S. Comorbidity of psychiatric disorders and posttraumatic stress disorder. *J Clin Psychiatry.* 2000;61(7):22-32.

20. McMillan KA, Sareen J, Asmundson GJG. Social anxiety disorder is associated with PTSD symptom presentation: an exploratory study within a nationally representative sample. *J Trauma Stress*. 2014;27(5):602-609. doi:10.1002/jts.21952
21. Collimore KC, McCabe RE, Carleton RN, Asmundson GJG. Posttraumatic stress and social anxiety: The interaction of traumatic events and interpersonal fears. *Depress Anxiety*. 2010;27(11):1017-1026. doi:10.1002/da.20728
22. Brown TA, Campbell LA, Lehman CL, Grisham JR, Mancill RB. Current and lifetime comorbidity of the DSM-IV anxiety and mood disorders in a large clinical sample. *J Abnorm Psychol*. 2001;110(4):585-599. doi:10.1037/0021-843X.110.4.585
23. Nacasch N, Fostick L, Zohar J. High prevalence of obsessive-compulsive disorder among posttraumatic stress disorder patients. *Eur Neuropsychopharmacol*. – 2011. - 21(12): 876-879. doi:10.1016/j.euroneuro.2011.03.007
24. Fontenelle LF, Cocchi L, Harrison BJ, et al. Towards a post-traumatic subtype of obsessive-compulsive disorder. *J Anxiety Disord*. 2012;26(2):377-383. doi:10.1016/j.janxdis.2011.12.001
25. Gershuny BS, Baer L, Parker H, et al. Connections among symptoms of obsessive-compulsive disorder and posttraumatic stress disorder: a case series. *Behav Res Ther*. 2008;46(9):1020-1027. doi:10.1016/j.brat.2008.06.005
26. Van Kirk N, Fletcher TL, Wanner JL, et al. A case study of concurrent treatment of obsessive-compulsive disorder and posttraumatic stress disorder. *Cogn Behav Pract*. 2018;25(3):377-389. doi:10.1016/j.cbpra.2017.10.003
27. Pagura J, Stein MB, Bolton JM, Cox BJ, Grant B, Sareen J. Comorbidity of borderline personality disorder and posttraumatic stress disorder in the U.S. population. *J Psychiatr Res*. 2010;44(16):1190-1198. doi:10.1016/j.jpsychires.2010.04.016
28. Zanarini MC, Frankenburg FR, Reich DB, et al. The 10-year course of PTSD in borderline patients and axis II comparison subjects. *J Personal Disord*. 2011;25(6):823-834. doi:10.1521/pedi.2011.25.6.823
29. Varese F, Smeets F, Drukker M, et al. Childhood adversities increase the risk of psychosis: a meta-analysis of patient-control, prospective- and cross-sectional cohort studies. *Schizophr Bull*. 2012;38(4):661-671. doi:10.1093/schbul/sbs050
30. Bohus M, Kleindienst N, Hahn C, et al. Dialectical Behavior Therapy for Posttraumatic Stress Disorder (DBT-PTSD) compared to Cognitive Processing Therapy (CPT) in Complex Presentations of PTSD in Women Survivors of Childhood Abuse. *JAMA Psychiatry*. 2020;77(12):1235-1245. doi:10.1001/jamapsychiatry.2020.2148
31. Auxéméry Y, Fidelle G. Troubles psychiatriques post-traumatiques : ESPT et autres [Post-traumatic psychiatric disorders: PTSD and others]. *L'Encéphale*. 2013;39(1):60-67. (in French)
32. Grubaugh AL, Zinzow HM, Paul L, Egged LE, Frueh BC. Trauma exposure and posttraumatic stress disorder in adults with severe mental illness: a critical review. *Clin Psychol Rev*. 2011;31(6):883-899. doi:10.1016/j.cpr.2011.04.003
33. Mueser KT, Rosenberg SD, Goodman LA, Trumbetta SL. Trauma, PTSD, and the course of severe mental illness: an interactive model. *Schizophr Res*. 2002;53(1-2):123-143. doi:10.1016/s0920-9964(01)00173-6
34. Swartz MS, Wagner HR, Swanson JW, et al. Substance use in persons with schizophrenia: baseline prevalence and correlates from the NIMH CATIE study. *J Nerv Ment Dis*. 2006;194(3):164-172. doi:10.1097/01.nmd.0000202575.79453.6e
35. Priebe S, Frottier P, Gaddini A, et al. Mental health care institutions in nine European countries, 2002 to 2006. *Psychiatr Serv*. 2008;59(5):570-573. doi:10.1176/ps.2008.59.5.570
36. Grubaugh AL, Zinzow HM, Paul L, Egged LE, Frueh BC. Trauma exposure and posttraumatic stress disorder in adults with severe mental illness: a critical review. *Clin Psychol Rev*. 2011;31(6):883-899. doi:10.1016/j.cpr.2011.04.003

37. Mueser KT, Rosenberg SD, Xie H, et al. A randomized controlled trial of cognitive-behavioral treatment for posttraumatic stress disorder in severe mental illness. *J Consult Clin Psychol.* 2008;76(2):259-271. doi:10.1037/0022-006X.76.2.259
38. Blanco C, Xu Y, Brady K, Pérez-Fuentes G, Okuda M, Wang S. Comorbidity of posttraumatic stress disorder with alcohol dependence among US adults: results from National Epidemiological Survey on Alcohol and Related Conditions. *Drug Alcohol Depend.* 2013;132(3):630-638. doi:10.1016/j.drugalcdep.2013.04.016
39. Resnick SG, Bond GR, Mueser KT. Trauma and posttraumatic stress disorder in people with schizophrenia. *J Abnorm Psychol.* 2003;112(3):415-423. doi:10.1037/0021-843X.112.3.415
40. Chilcoat HD, Breslau N. Posttraumatic stress disorder and drug disorders: testing causal pathways. *Arch Gen Psychiatry.* 1998;55(10):913-917. doi:10.1001/archpsyc.55.10.913
41. Ouimette P, Read JP, Wade M, Tirone V. Modeling associations between posttraumatic stress symptoms and substance use. *Addict Behav.* 2010;35(1):64-67. doi:10.1016/j.addbeh.2009.08.009
42. Рожнова Т.М., Козлов А.А., Клименко Т.В., Криворучко Ю.Д., Старынина Д.В., Герасимов А.Н., Костюк С.В., Писарев В.М. Психоэмоциональные характеристики мужчин с наличием аддиктивного расстройства в форме алкогольной зависимости. Вопросы наркологии. 2024;36(3):72–89. EDN: XNWIZO. (in Russian)
43. Kim J, Lee KS, Kim DJ, et al. Regional atrophy of the insular cortex is associated with neuropsychiatric symptoms in Alzheimer's disease patients. *Eur Neurol.* 2011;66(4):187-194. doi:10.1159/000330463
44. Sripada RK, King AP, Garfinkel SN, et al. Altered resting-state amygdala functional connectivity in men with posttraumatic stress disorder. *J Psychiatry Neurosci.* 2012;37(4):241-249. doi:10.1503/jpn.110069
45. Flory JD, Yehuda R. Comorbidity between post-traumatic stress disorder and major depressive disorder: alternative explanations and treatment considerations. *Dialogues Clin Neurosci.* 2015;17(2):141-150. doi:10.31887/DCNS.2015.17.2/yyehuda
46. Cowansage KK, LeDoux JE, Monfils MH. Brain-derived neurotrophic factor: a dynamic gatekeeper of neural plasticity. *Curr Mol Pharmacol.* 2010;3(1):12-29.
47. World Health Organization. Post-traumatic stress disorder. Fact sheet. 2024. Available at: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/post-traumatic-stress-disorder>
48. Ehlers A, Mayou RA, Bryant B. Psychological predictors of chronic posttraumatic stress disorder after motor vehicle accidents. *J Abnorm Psychol.* 1998;107(3):508-519. doi:10.1037/0021-843X.107.3.508
49. Gornushenkov I.D., Kryukov V.V., Krasnov V.N. [i dr.] Variant kompleksnoy ekspress-otsenki nozotipichnykh neyrokognitivnykh profiley patsientov psichiatricheskogo statsionara [A variant of the comprehensive express assessment of nosotypic neurocognitive profiles of patients in a psychiatric hospital]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psichiatriya* [Social and Clinical Psychiatry]. 2025;35(1):14-23. (in Russian)
50. Debell F, Fear NT, Head M, et al. A systematic review of the comorbidity between PTSD and alcohol misuse. *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol.* 2014;49(9):1401-1425. doi:10.1007/s00127-014-0855-7
51. Brackbill RM, Cone JE, Farfel MR, Stellman SD. Chronic physical health consequences of being injured during the terrorist attacks on World Trade Center on September 11, 2001. *Am J Epidemiol.* 2014;179(9):1076-1085. doi:10.1093/aje/kwu022
52. Lee KM, Kim YK. The patterns of comorbidity of mental disorders in a Korean population. *J Korean Med Sci.* 2006;21(1):155-163. doi:10.3346/jkms.2006.21.1.155

POST-TRAUMATIC STRESS DISORDER AND PSYCHIATRIC COMORBIDITY: NEUROBIOLOGICAL, CLINICAL, AND SOCIAL ASPECTS

© Konstantin Yu. Shelepin, Evgeny Yu. Shelepin,
Ksenia A. Skuratova, Alexander S. Chausov, Veronica M. Zubko

Konstantin Yu. Shelepin – Director of the Institute of Cognitive Sciences and Neurotechnologies, V. P. Serbsky National Medical Research Center for Pedagogical Sciences, Ministry of Health of the Russian Federation, Cand. Sc. (Medicine)

e-mail: shelepink@yandex.ru

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky Lane, 23, Russian Federation

Evgeny Yu. Shelepin – Junior Researcher at the Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences; general Director of LLC Neuroiconica,

e-mail: ShelepinEY@infran.ru

Address: 199034, St. Petersburg, Makarova Embankment, Bldg. 6, Russian Federation

134

Ksenia A. Skuratova - Junior Researcher at the Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences; Neuriconics Assistive LLC

e-mail: kseskuratova@gmail.com

Address: 199034, St. Petersburg, Makarova Embankment, Bldg. 6, Russian Federation

Alexander S. Chausov - Junior Researcher at the Institute of Cognitive Sciences and Neurotechnologies, NMIC PN Serbsky National Medical Research Center of Pedagogical Sciences, Ministry of Health of the Russian Federation

e-mail: chausov.a@serbsky.ru

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky Lane, 23, Russian Federation

Veronica M. Zubko – Junior Researcher at the Institute of Cognitive Sciences and Neurotechnologies, V. P. Serbsky National Medical Research Center of Pedagogical Sciences, Ministry of Health of the Russian Federation

e-mail: q158veronika@gmail.com

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky Lane, 23, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance of comorbidity research in psychiatry is determined by several key factors. First, the presence of comorbid conditions significantly complicates the diagnostic process. Significant overlap in symptoms across various mental disorders can lead to differential diagnostic difficulties and even artificial comorbidity. Second, comorbid mental disorders are typically associated with a more severe course, poorer treatment response, increased risk of relapse, and a less favorable prognosis.

Purpose. To study the comorbidity of post-traumatic stress disorder (PTSD) with other mental disorders, including affective, anxiety, psychotic, and addictive disorders.

Results. This article examines the comorbidity of post-traumatic stress disorder (PTSD) with other mental disorders, including affective, anxiety, psychotic, and addictive disorders. The high prevalence of comorbid conditions, their negative impact on the clinical course, treatment effectiveness, and social adaptation of patients, is highlighted. Epidemiological data, neurobiological mechanisms (reduced hippocampal volume, amygdala dysfunction, HPA axis dysfunction), and psychological factors of comorbidity, such as emotional dysregulation and avoidant behavior, are described. Particular attention is paid to the diagnostic challenges due to symptomatic overlap and the need for structured interviews. Therapeutic strategies, including pharmacotherapy and psychotherapy, are discussed, emphasizing the importance of an integrative approach. A conclusion is drawn regarding the need for transdiagnostic modeling and the integration of psychiatric care into the healthcare system.

Conclusions. The comorbidity of PTSD with other mental disorders is not only a common clinical phenomenon but also a complex problem requiring a comprehensive approach at the individual, systemic, and societal levels. Improving the understanding of the nature of these combinations, optimizing diagnosis and treatment, and developing preventive strategies are key tasks in modern psychiatry.

Keywords: *PTSD, comorbidity, mental disorders, neurobiology, diagnosis, therapy, epidemiology, social consequences, transdiagnostic approach.*

REFERENCES

1. Cohen, A. Addressing comorbidity between mental disorders and major noncommunicable diseases: Background technical report to support implementation of the WHO European Mental Health Action Plan 2013–2020 and the WHO European Action Plan for the Prevention and Control of Noncommunicable Diseases 2016–2025. Copenhagen: World Health Organization Regional Office for Europe; 2020.
2. Henriksen MG, Nordgaard J, Jansson L. Genetics of schizophrenia: overview of methods, findings and limitations. *Front Hum Neurosci.* 2017; 11:322. doi:10.3389/fnhum.2017.00322
3. Plana-Ripoll O, Pedersen CB, Agerbo E, et al. A comprehensive analysis of mortality-related health metrics associated with mental disorders: a nationwide, register-based cohort study. *Lancet.* 2019;394(10211):1827-1835. doi:10.1016/S0140-6736(19)32316-5
4. World Health Organization. WHO guidelines: Management of physical health conditions in adults with severe mental disorders. Geneva: World Health Organization; 2018.
5. World Health Organization. Regional Office for Europe. Integrating the prevention, treatment and care of mental health conditions and other noncommunicable diseases within health systems. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe; 2020.
6. Scott KM, de Jonge P, Alonso J, et al. Associations between DSM-IV mental disorders and subsequent heart disease onset: beyond depression. *Int J Cardiol.* 2013;168(5):5293-5299. doi:10.1016/j.ijcard.2013.08.012
7. Kessler RC, Berglund P, Demler O, Jin R, Merikangas KR, Walters EE. Lifetime prevalence and age-of-onset distributions of DSM-IV disorders in the National Comorbidity Survey Replication. *Arch Gen Psychiatry.* 2005;62(6):593-602. doi:10.1001/archpsyc.62.6.593
8. Flory JD, Yehuda R. Comorbidity between post-traumatic stress disorder and major depressive disorder: alternative explanations and treatment considerations. *Dialogues Clin Neurosci.* 2015;17(2):141-150. doi:10.31887/DCNS.2015.17.2/yyehuda
9. Russell SE, Wrobel AL, Lotfaliany M, et al. The bipolar disorder and anxiety comorbidity: prevalence and psychopharmacology. *Curr Psychiatry Rep.* 2024;26(4):175-185. doi:10.1007/s11920-024-01493-5
10. Pavlova B, Perlis RH, Alda M, Uher R. Lifetime prevalence of anxiety disorders in people with bipolar disorder: a systematic review and meta-analysis. *Lancet Psychiatry.* 2015;2(8):710-717. doi:10.1016/S2215-0366(15)00112-1

11. Zimmerman M, Ellison W, Young D, Chelminski I, Dalrymple K. How many different ways do patients meet the diagnostic criteria for major depressive disorder? *Compr Psychiatry*. 2015;56:29-34. doi:10.1016/j.comppsych.2014.09.007
12. Bryant RA, Creamer M, O'Donnell M, et al. The capacity of acute stress disorder to predict posttraumatic psychiatric disorders. *J Psychiatr Res.* 2012;46(2):168-173. doi:10.1016/j.jpsychires.2011.10.007
13. Liu S, Wang X, Li Y, et al. Comorbidity of post-traumatic stress disorder and anxiety in earthquake survivors: prevalence and correlates. *Psychiatry Res.* 2017;257:306-310. doi:10.1016/j.psychres.2017.07.073
14. Hajebi A, Motevalian SA, Rahimi-Movaghar A, et al. Major anxiety disorders in Iran: prevalence, sociodemographic correlates and service utilization. *BMC Psychiatry*. 2018;18(1):261. doi:10.1186/s12888-018-1828-2
15. American Psychiatric Association. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5)*. 5th ed. Washington, D.C.: American Psychiatric Association; 2013.
16. World Health Organization. Anxiety disorders. Fact sheet. 2023. Available at: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/anxiety-disorders>
17. Khan MN, Hamdani SU, Chiumento A, et al. Evaluating feasibility and acceptability of a group WHO trans-diagnostic intervention for women with common mental disorders in rural Pakistan: a cluster randomised controlled feasibility trial. *Epidemiol Psychiatr Sci.* 2019;28(1):77-87. doi:10.1017/S2045796017000223
18. Preti A, Vrublevska J, Veronika S, et al. The prevalence and burden of subthreshold posttraumatic stress disorder in a mine-polluted area in Ukraine. *Acta Psychiatr Scand.* 2014;130(1):1-15. doi:10.1111/acps.12228
19. Brady KT, Killeen TK, Brewerton T, Lucerini S. Comorbidity of psychiatric disorders and posttraumatic stress disorder. *J Clin Psychiatry*. 2000;61(7):22-32.
20. McMillan KA, Sareen J, Asmundson GJG. Social anxiety disorder is associated with PTSD symptom presentation: an exploratory study within a nationally representative sample. *J Trauma Stress*. 2014;27(5):602-609. doi:10.1002/jts.21952
21. Collimore KC, McCabe RE, Carleton RN, Asmundson GJG. Posttraumatic stress and social anxiety: The interaction of traumatic events and interpersonal fears. *Depress Anxiety*. 2010;27(11):1017-1026. doi:10.1002/da.20728
22. Brown TA, Campbell LA, Lehman CL, Grisham JR, Mancill RB. Current and lifetime comorbidity of the DSM-IV anxiety and mood disorders in a large clinical sample. *J Abnorm Psychol*. 2001;110(4):585-599. doi:10.1037/0021-843X.110.4.585
23. Nacasch N, Fostick L, Zohar J. High prevalence of obsessive-compulsive disorder among posttraumatic stress disorder patients. *Eur Neuropsychopharmacol.* 2011;21(12):876-879. doi:10.1016/j.euroneuro.2011.03.007
24. Fontenelle LF, Cocchi L, Harrison BJ, et al. Towards a post-traumatic subtype of obsessive-compulsive disorder. *J Anxiety Disord.* 2012;26(2):377-383. doi:10.1016/j.janxdis.2011.12.001
25. Gershuny BS, Baer L, Parker H, et al. Connections among symptoms of obsessive-compulsive disorder and posttraumatic stress disorder: a case series. *Behav Res Ther.* 2008;46(9):1020-1027. doi:10.1016/j.brat.2008.06.005
26. Van Kirk N, Fletcher TL, Wanner JL, et al. A case study of concurrent treatment of obsessive-compulsive disorder and posttraumatic stress disorder. *Cogn Behav Pract.* 2018;25(3):377-389. doi:10.1016/j.cbpra.2017.10.003
27. Pagura J, Stein MB, Bolton JM, Cox BJ, Grant B, Sareen J. Comorbidity of borderline personality disorder and posttraumatic stress disorder in the U.S. population. *J Psychiatr Res.* 2010;44(16):1190-1198. doi:10.1016/j.jpsychires.2010.04.016
28. Zanarini MC, Frankenburg FR, Reich DB, et al. The 10-year course of PTSD in borderline patients and axis II comparison subjects. *J Personal Disord.* 2011;25(6):823-834. doi:10.1521/pedi.2011.25.6.823

29. Varese F, Smeets F, Drukker M, et al. Childhood adversities increase the risk of psychosis: a meta-analysis of patient-control, prospective- and cross-sectional cohort studies. *Schizophr Bull.* 2012;38(4):661-671. doi:10.1093/schbul/sbs050
30. Bohus M, Kleindienst N, Hahn C, et al. Dialectical Behavior Therapy for Posttraumatic Stress Disorder (DBT-PTSD) compared to Cognitive Processing Therapy (CPT) in Complex Presentations of PTSD in Women Survivors of Childhood Abuse. *JAMA Psychiatry.* 2020;77(12):1235-1245. doi:10.1001/jamapsychiatry.2020.2148
31. Auxémery Y, Fidelle G. Troubles psychiatriques post-traumatiques : ESPT et autres [Post-traumatic psychiatric disorders: PTSD and others]. *L'Encéphale.* 2013;39(1):60-67. (in French)
32. Grubaugh AL, Zinzow HM, Paul L, Egede LE, Frueh BC. Trauma exposure and posttraumatic stress disorder in adults with severe mental illness: a critical review. *Clin Psychol Rev.* 2011;31(6):883-899. doi:10.1016/j.cpr.2011.04.003
33. Mueser KT, Rosenberg SD, Goodman LA, Trumbetta SL. Trauma, PTSD, and the course of severe mental illness: an interactive model. *Schizophr Res.* 2002;53(1-2):123-143. doi:10.1016/s0920-9964(01)00173-6
34. Swartz MS, Wagner HR, Swanson JW, et al. Substance use in persons with schizophrenia: baseline prevalence and correlates from the NIMH CATIE study. *J Nerv Ment Dis.* 2006;194(3):164-172. doi:10.1097/01.nmd.0000202575.79453.6e
35. Priebe S, Frottier P, Gaddini A, et al. Mental health care institutions in nine European countries, 2002 to 2006. *Psychiatr Serv.* 2008;59(5):570-573. doi:10.1176/ps.2008.59.5.570
36. Grubaugh AL, Zinzow HM, Paul L, Egede LE, Frueh BC. Trauma exposure and posttraumatic stress disorder in adults with severe mental illness: a critical review. *Clin Psychol Rev.* 2011;31(6):883-899. doi:10.1016/j.cpr.2011.04.003
37. Mueser KT, Rosenberg SD, Xie H, et al. A randomized controlled trial of cognitive-behavioral treatment for posttraumatic stress disorder in severe mental illness. *J Consult Clin Psychol.* 2008;76(2):259-271. doi:10.1037/0022-006X.76.2.259
38. Blanco C, Xu Y, Brady K, Pérez-Fuentes G, Okuda M, Wang S. Comorbidity of posttraumatic stress disorder with alcohol dependence among US adults: results from National Epidemiological Survey on Alcohol and Related Conditions. *Drug Alcohol Depend.* 2013;132(3):630-638. doi:10.1016/j.drugalcdep.2013.04.016
39. Resnick SG, Bond GR, Mueser KT. Trauma and posttraumatic stress disorder in people with schizophrenia. *J Abnorm Psychol.* 2003;112(3):415-423. doi:10.1037/0021-843X.112.3.415
40. Chilcoat HD, Breslau N. Posttraumatic stress disorder and drug disorders: testing causal pathways. *Arch Gen Psychiatry.* 1998;55(10):913-917. doi:10.1001/archpsyc.55.10.913
41. Ouimette P, Read JP, Wade M, Tirone V. Modeling associations between posttraumatic stress symptoms and substance use. *Addict Behav.* 2010;35(1):64-67. doi:10.1016/j.addbeh.2009.08.009
42. . Rozhnova T.M., Kozlov A.A., Klimenko T.V., Krivoruchko Yu.D., Starynina D.V., Gerasimov A.N., Kostyuk S.V., Pisarev V.M. Psychoemotional characteristics of men with an addictive disorder in the form of alcohol dependence. *Questions of Narcology.* 2024;36(3):72-89. EDN: XNWIZO.
43. Kim J, Lee KS, Kim DJ, et al. Regional atrophy of the insular cortex is associated with neuropsychiatric symptoms in Alzheimer's disease patients. *Eur Neurol.* 2011;66(4):187-194. doi:10.1159/000330463
44. Sripada RK, King AP, Garfinkel SN, et al. Altered resting-state amygdala functional connectivity in men with posttraumatic stress disorder. *J Psychiatry Neurosci.* 2012;37(4):241-249. doi:10.1503/jpn.110069
45. Flory JD, Yehuda R. Comorbidity between post-traumatic stress disorder and major depressive disorder: alternative explanations and treatment considerations. *Dialogues Clin Neurosci.* 2015;17(2):141-150. doi:10.31887/DCNS.2015.17.2/yyehuda
46. Cowansage KK, LeDoux JE, Monfils MH. Brain-derived neurotrophic factor: a dynamic gatekeeper of neural plasticity. *Curr Mol Pharmacol.* 2010;3(1):12-29.

47. World Health Organization. Post-traumatic stress disorder. Fact sheet. 2024. Available at: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/post-traumatic-stress-disorder>
48. Ehlers A, Mayou RA, Bryant B. Psychological predictors of chronic posttraumatic stress disorder after motor vehicle accidents. *J Abnorm Psychol.* 1998;107(3):508-519. doi:10.1037/0021-843x.107.3.508
49. Gornushenkov I.D., Kryukov V.V., Krasnov V.N. [i dr.] Variant kompleksnoy ekspress-otsenki nozotipichnykh neyrokognitivnykh profiley patsientov psichiatricheskogo statsionara [A variant of the comprehensive express assessment of nosotypic neurocognitive profiles of patients in a psychiatric hospital]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psichiatriya* [Social and Clinical Psychiatry]. 2025;35(1):14-23. (in Russian)
50. Debell F, Fear NT, Head M, et al. A systematic review of the comorbidity between PTSD and alcohol misuse. *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol.* 2014;49(9):1401-1425. doi:10.1007/s00127-014-0855-7
51. Brackbill RM, Cone JE, Farfel MR, Stellman SD. Chronic physical health consequences of being injured during the terrorist attacks on World Trade Center on September 11, 2001. *Am J Epidemiol.* 2014;179(9):1076-1085. doi:10.1093/aje/kwu022
52. Lee KM, Kim YK. The patterns of comorbidity of mental disorders in a Korean population. *J Korean Med Sci.* 2006;21(1):155-163. doi:10.3346/jkms.2006.21.1.155

Received: 02.09.2025

Accepted: 25.11.2025

СОВРЕМЕННЫЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССОВОГО РАССТРОЙСТВА (НАУЧНЫЙ ОБЗОР)

© Шелепин К.Ю., Шелепин Е.Ю., Скуратова К.А., Чausов А.С., Зубко В.М.

Шелепин К.Ю. – Директор Института когнитивных наук и нейротехнологий ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, кандидат медицинских наук

e-mail: shelepinK@yandex.ru

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский переулок, 23; Российская Федерация

Шелепин Е.Ю. - младший научный сотрудник ФГБУН Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН; генеральный директор ООО «Нейроиконика Ассистив»

e-mail: ShelepinEY@infran.ru

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д.6.; Российская Федерация

Скуратова К.А. - младший научный сотрудник ФГБУН Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН; ООО «Нейроиконика Ассистив»

e-mail: kseskuratova@gmail.com

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д.6.; Российская Федерация

Чausов А.С. - младший научный сотрудник Института когнитивных наук и нейротехнологий ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России

e-mail: chausov.a@serbsky.ru

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский переулок, 23; Российская Федерация

Зубко В.М. – младший научный сотрудник Института когнитивных наук и нейротехнологий ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России

e-mail: q158veronika@gmail.com

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский переулок, 23; Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — тяжелое психическое состояние, возникающее после психотравмирующих событий и приводящее к стойким нарушениям эмоциональной, когнитивной и поведенческой сфер. Актуальность его диагностики возрастает в условиях социально-экономических кризисов, военных конфликтов и роста числа пострадавших от насилия. Несвоевременное выявление ПТСР влечет серьезные последствия: соматические заболевания, снижение трудоспособности, социальную дезадаптацию и суицидальные риски.

Цель: анализ современных и перспективных методов диагностики посттравматического стрессового расстройства.

Результаты. В основной части обзора рассматриваются современные методы диагностики ПТСР: 1. Традиционные клинические опросники и интервью, обладающие высокой валидностью, но ограниченные субъективностью и временными затратами; 2. Биомаркеры ПТСР: кортизол, ГАМК, провоспалительные цитокины, а также нейровизуализационные (фМРТ, ЭЭГ) и электрофизиологические (кожная проводимость, вариабельность сердечного ритма); 3. Выявление смещения внимания к угрожающим стимулам через анализ движений глаз и диаметра зрачка при помощи Айтреинга; 4. Применение цифровых диагностических платформ (PTSD Coach, Coviu) для дистанционного скрининга и мониторинга симптомов ПТСР; 5. Модели машинного обучения, анализирующие текстовые, ЭЭГ- и генетические данные для повышения точности диагностики.

Выводы. Перспективы развития диагностики ПТСР связаны с интеграцией мультимодальных подходов, включая биосенсоры для непрерывного мониторинга кортизола, портативные нейровизуализационные системы (инфракрасная спектроскопия) и персонализированные алгоритмы на основе ИИ. А также с решением методологических проблем — стандартизации методов, интерпретируемости моделей и этических аспектов.

Совершенствование диагностики ПТСР требует комбинации традиционных и инновационных методов, что позволит улучшить раннее выявление, терапию и качество жизни пациентов.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство, ПТСР, диагностика, биомаркеры, внимание.

Статья подготовлена в ходе выполнения научной темы двух Государственных заданий.

1. Аппаратно-программный комплекс для диагностики эмоциональных и когнитивных нарушений при расстройствах, связанных со стрессом, с использованием синхронной регистрации показателей видеоокулографии и других психофизиологических параметров. Регистрационный номер: 125013101179-7

2. Аппаратно-программный комплекс ассистивной коммуникации для диагностики аффективных и когнитивных нарушений у пациентов, утративших навыки экспрессивной речи и произвольных движений. Регистрационный номер: 125013001136-1

Введение

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) является одним из наиболее распространенных и серьезных последствий психотравмирующих событий. Оно сопровождается стойкими изменениями в эмоциональной сфере, когнитивных процессах и поведенческих реакциях, что значительно ухудшает качество жизни пациентов. Распространенность ПТСР обусловливает необходимость совершенствования методов его диагностики, что особенно актуально в условиях роста социально-экономической нестабильности, военных конфликтов и увеличения числа людей, подвергшихся насилию или катастрофическим событиям.

Своевременная диагностика ПТСР позволяет пациентам получить доступ к необходимой терапии, что может значительно улучшить их качество жизни. Однако гетерогенность клинических проявлений ПТСР вызывает трудности при его диагностике (Ахапкин Р.В., Вазагаева Т.И., 2025). К основным последствиям своевременно не диагностированного ПТСР и отсутствия лечения относятся:

- сердечно-сосудистые заболевания, нарушения сна и другие соматические и психические нарушения (Nievergelt C.M. et al., 2019);
- потеря производительности на рабочем месте, повышение уровня безработицы среди людей с ПТСР и увеличение затрат на здравоохранение (Burback L. et al., 2024);
- социальная изоляция, ухудшение качества жизни, повышенный уровень саморазрушительного поведения и суицидальных попыток (Gagnon-Sanschagrin P. et al., 2023).

Таким образом, ранняя диагностика ПТСР не только способствует улучшению состояния здоровья отдельных пациентов, но и имеет важное значение для общественного здравоохранения в целом. Необходимо повышать осведомленность о симптомах ПТСР среди медицинских работников и населения, чтобы обеспечить более раннее выявление и лечение этого расстройства.

Цель данного обзора – рассмотреть современные методы диагностики ПТСР, их эффективность, ограничения и перспективы дальнейшего развития. В центре внимания находятся как традиционные психометрические инструменты, так и инновационные технологии, включая биомаркеры, машинное обучение и цифровые решения. Анализируя существующие подходы, важно оценить их диагностическую точность, применимость в клинической практике и потенциал для дальнейшего усовершенствования.

Опросники и структурированные клинические интервью

Опросники для диагностики ПТСР обладают высокой валидностью и надежностью, позволяя оценивать выраженность симптоматики расстройства на основе стандартизованных критериев. Они просты в использовании и требуют минимальной подготовки для специалистов. Кроме того, опросники можно заполнить за короткое время, что особенно важно в условиях ограниченного времени на приеме.

Хотя опросники могут эффективно собирать данные о симптомах, они могут не предоставить той глубины, которую дает структурированное клиническое интервью. Важные контекстуальные факторы, касающиеся травматических событий, могут быть упущены, что может повлиять на планирование лечения.

Несмотря на это, клинические интервью тоже имеют ограничения. Во-первых, проведение интервью требует значительных временных затрат. Во-вторых, интервью требует наличия квалифицированного специалиста для его проведения. Также существует риск субъективности в интерпретации ответов пациента, что может повлиять на окончательную оценку состояния.

Среди опросников, показывающих высокую диагностическую точность среди военнослужащих, можно выделить следующие тесты:

Clinician-Administered PTSD Scale for DSM-5 (CAPS-5)

Clinician-Administered PTSD Scale for DSM-5 (CAPS-5) – комплексное структурированное интервью, предназначенное для оценки посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) в соответствии с критериями, установленными в DSM-5. Оно состоит из 30 пунктов, которые позволяют ставить диагноз ПТСР, а также оценивать тяжесть симптомов за последний месяц или неделю. CAPS-5 не только оценивает 20 основных симптомов ПТСР, но также рассматривает начало, продолжительность и влияние этих симптомов на социальное и профессиональное функционирование человека. Для проведения интервью необходимо определить конкретное травматическое событие, которое станет основой для оценки (Weathers F.W. et al., 2018). CAPS-5 рекомендуется использовать в сочетании с опросником Life Events Checklist for DSM-5 (LEC-5) для идентификации травматических событий (Weathers F.W. et al., 2013a).

CAPS-5 считается золотым стандартом в оценке ПТСР благодаря своим сильным психометрическим свойствам, включая высокую внутреннюю согласованность ($\alpha = .88$), межэкспертную согласованность ($\kappa = .78$) и тестирование с повторным измерением ($\kappa = .83$), что делает его подходящим как для клинических, так и для исследовательских условий (Weathers F.W. et al., 2018). CAPS-5 также показал хорошую конвергентную валидность с другими методами диагностики ПТСР, например, PCL-5 (Wojcijutari A.K. et al., 2024) и PCL-C ($r = .66$ для обоих), и был эффективно использован в различных популяциях, включая военнослужащих (Resick P.A. et al., 2023).

Mississippi Scale for Combat-Related PTSD

Mississippi Scale for Combat-Related PTSD (M-PTSD) - 35-пунктовый опросник самоотчета, специально разработанный для оценки симптомов ПТСР у ветеранов боевых действий. Он был широко валидирован и признан за свою надежность и валидность в измерении ПТСР у комбатантов. M-PTSD обладает высокой внутренней согласованностью ($\alpha = .92$), чувствительность 68%–81% и специфичность 61%–70% в зависимости от периода службы. Шкала включает вопросы, которые касаются основных симптомов ПТСР, а также дополнительные пункты, отражающие уникальный опыт ветеранов (Bhattarai J.J. et al., 2020). M-PTSD имеет адаптацию для российской выборки, предложенную и апробированную Н. В. Тарабриной с соавторами (Тарабрина Н.В., 2001).

Primary Care PTSD Screen for DSM-5 (PC-PTSD-5)

Primary Care PTSD Screen for DSM-5 (PC-PTSD-5) - это инструмент для скрининга, предназначенный для выявления вероятности ПТСР. Он состоит из пяти вопросов и был разработан с учетом диагностических критериев DSM-5 (Prins A. et al., 2016).

PC-PTSD-5 имеет чувствительность 81.25%–100%, специфичность 80.54%–88.31% и точность 72.34%–90.48% для выборки ветеранов в зависимости от пола, возраста, национальности, коморбидных расстройств и других характеристик (Tiet Q.Q., Tiet T.N., 2024). Результаты исследования шкалой PC-PTSD-5, полученные на российской выборке комбатантов, согласуются с таковыми в предыдущих исследованиях на иностранных выборках. Помимо этого, общие результаты и данные по отдельным субшкалам PS-PTSD-5 при исследовании российской выборки комбатантов демонстрируют значимые корреляции с таковыми в военном варианте M-PTSD, что делает PS-PTSD-5 предпочтительным вариантом диагностики ПТСР в условиях дефицита времени (Плужник М.С. и др., 2024).

Для оценки симптомов ПТСР широко используются также следующие тесты-опросники:

PTSD Symptom Scale Interview for DSM-5 (PSS-I-5)

PTSD Symptom Scale Interview for DSM-5 (PSS-I-5) - широко используемое полуструктурированное клиническое интервью, предназначенное для оценки симптомов ПТСР за последний месяц. Он состоит из 24 пунктов, которые оценивают частоту и интенсивность симптомов ПТСР в соответствии с критериями DSM-5. PSS-I-5 начинается с скрининга на наличие травмы, а затем оценивает 20 конкретных симптомов ПТСР, а также дополнительные вопросы о страданиях, влиянии на повседневную жизнь и начале и продолжительности симптомов. Каждый симптом оценивается по 5-балльной шкале, что позволяет получить полное представление о тяжести симптомов ПТСР (Foa E.B. et al., 2016).

PSS-I-5 демонстрирует отличные психометрические свойства, включая высокую межэкспертную согласованность ($\kappa = .84$) и внутреннюю согласованность ($\alpha = .77$), что делает его надежным инструментом как для клинических, так и для исследовательских целей (Foa E.B. et al., 2016).

PTSD Checklist for DSM-5 (PCL-5)

PTSD Checklist for DSM-5 (PCL-5) - широко используемый 20-пунктовый опросник самоотчета, предназначенный для оценки симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) в соответствии с критериями DSM-5. Он служит нескольким целям, включая скрининг на наличие ПТСР и мониторинг изменений симптомов со временем.

PCL-5 охватывает четыре симптоматических кластера ПТСР: повторное переживание, избегание, негативные изменения в когнитивной сфере и настроении, а также повышенная возбудимость (Weathers F.W. et al., 2013b). Опросник ценен как в клинической, так и в исследовательской практике благодаря своим психометрическим свойствам, которые подтверждают его надежность и валидность (Forkus S.R. et al., 2023). PCL-5 адаптирован на русский язык Н. В. Тарабриной с соавторами. Адаптация имеет высокую надежность ($\alpha = 0.93$) и тест-ретест надежностью ($p > 0.05$ для критерия Т-Вилкоксона для зависимых выборок) (Тарабрина Н.В. и др., 2017).

Impact of Event Scale-Revised (IES-R)

Impact of Event Scale-Revised (IES-R) - это широко используемый инструмент для оценки симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Он был разработан для измерения субъективного стресса, вызванного конкретным травматическим событием, и состоит из 22 вопросов. IES-R включает три подшкалы, отражающие основные симптомы ПТСР: вторжение, избегание и гипервозбуждение. Каждый вопрос оценивается по шкале от 0 (совсем нет) до 4 (очень сильно), что позволяет оценить уровень дистресса за последние семь дней (Weiss D.S., Marmar C.R., 1997).

Исследования показывают, что IES-R обладает высокой чувствительности (85% – 87%) и специфичности (73% – 83%) для разных выборок (Ali A.M. et al., 2023). Результаты подтверждают двухфакторную структуру шкалы, а также ее способность различать уровни дистресса у различных групп населения (Abas M.A. et al., 2023). IES-R адаптирована на русский язык, а также имеет модификацию для оценки эмоционально-личностных изменений в связи с восприятием угрозы радиационной опасности за авторством Н. В. Тарабриной (Мельницкая Т.Б. и др., 2011).

Structured Clinical Interview for DSM-5 (SCID-5)

Structured Clinical Interview for DSM-5 (SCID-5) - полуструктурированное клиническое интервью, предназначенное для облегчения диагностики основных психиатрических расстройств в соответствии с критериями DSM-5. Проводимое подготовленными специалистами, SCID-5 помогает обеспечить систематическую оценку диагнозов, что делает его важным инструментом как в клинической, так и в исследовательской практике. Интервью охватывает широкий спектр расстройств, включая расстройства настроения, тревожные расстройства, ПТСР и расстройства, связанные с употреблением веществ (The Structured Clinical Interview for DSM-5 (SCID-5) // American Psychiatric Association).

Исследования подчеркивают необходимость потенциальных модификаций существующих диагностических критериев для улучшения специфичности диагностики ПТСР и снижения уровня коморбидности (Green J.D. et al., 2017). Предыдущая версия, SCID-IV, была успешно адаптирована и валидирована на русском языке на выборке из русской эмиграции в США (Gutkovich Z., 2013).

Structured Interview for PTSD (SI-PTSD)

Structured Interview for PTSD (SI-PTSD) - клиническое интервью, предназначенное для оценки 17 симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), а также выживания и поведенческой вины. Интервью позволяет оценить как частоту, так и интенсивность симптомов (Davidson J.T.R. et al., Assessment and pharmacotherapy of posttraumatic stress disorder. In J.E.L. Giller (Ed.), Biological assessment and treatment of posttraumatic stress disorder // National Center for PTSD).

Международный опросник травмы (International Trauma Questionnaire, ITQ) — это валидизированный самоотчетный инструмент, предназначенный для диагностики и оценки тяжести посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и комплексного ПТСР (КПТСР) в соответствии с критериями ICD-11. ITQ применяется как в клинических, так и в исследовательских целях, охватывает характерные симптомы ПТСР и дополнительные нарушения саморегуляции, свойственные КПТСР (Cloitre M. et al., 2021). По результатам адаптации и валидизации опросника была выявлена высокая внутренняя согласованность: $\alpha = 0.78-0.93$ для всех субшкал, кроме субшкалы “Вторжение” ($\alpha = 0.65$) и подтверждена двухфакторная структура опросника (Падун М.А., 2022).

Роль биомаркеров в диагностике ПТСР

Биохимические маркеры

Кортизол, известный как гормон стресса, является одним из наиболее изучаемых биомаркеров ПТСР. Важно то, что уровень кортизола может быть снижен у пациентов с ПТСР в условиях длительных стрессовых ситуаций. Это снижение может указывать на дисфункцию оси гипоталамус-гипофиз-надпочечники (ГГН), что делает кортизол перспективным биомаркером для диагностики и мониторинга состояния пациентов с ПТСР (Ben-Zion Z. et al., 2020). Именно поэтому идет разработка технологий контроля уровня кортизола в процессе деятельности человека в сложной боевой или производственной обстановке.

Одним из значительных достижений в этой области стало создание носимой системы мониторинга кортизола на основе биосенсоров с полевым транзистором (FET), использующей новый аптамер к кортизолу. Эта система была внедрена в формат смарт-часов и позволяет в реальном времени и беспрерывно отслеживать уровень кортизола в поте человека. Однако содержание кортизола в поте намного ниже, чем в слюне крови, поэтому для точного определения концентрации кортизола в поте необходим высокочувствительный электрохимический датчик. Сенсор основан на тонкопленочных транзисторах In_2O_3 и обеспечивает высокую чувствительность и селективность благодаря использованию специально отобранного ДНК-аптамера, способного специфически связываться с молекулой кортизола. Связывание кортизола вызывает изменения в конформации аптамера, что приводит к изменению поверхностного заряда и позволяет фиксировать уровень гормона с помощью электронного сигнала (Wang B. et al., 2022).

Была проведена клиническая валидация с использованием теста социального стресса Трира (TSST), в ходе которой отслеживался уровень кортизола в слюне у участников. Полученные данные показали высокую корреляцию между уровнями кортизола в слюне и поте, что подтверждает возможность использования пота в качестве надежной биологической жидкости для неинвазивного мониторинга гормона стресса. Уровни кортизола изменялись в зависимости от времени суток и психологической нагрузки, что открывает возможности применения этих технологий для оценки психофизиологического состояния в динамике и в реальных условиях (Wang B. et al., 2022).

Последние разработки еще больше расширяют эти возможности. Была предложена ультратонкая носимая система, способная одновременно измерять несколько биомаркеров стресса, включая кортизол, с применением гибкой электронной архитектуры на мягкой подложке. Особенностью данной технологии является интеграция нескольких сенсорных каналов (в том числе для Na^+ , K^+ , температуры и электрической проводимости), что позволяет учитывать индивидуальные физиологические колебания и повышает точность интерпретации данных (Wang C. et al., 2024).

Дополнительно была разработана машинная модель предсказания уровня кортизола на основе многоканальных данных с датчиков, что особенно важно в динамичной среде. Система протестирована на военных добровольцах в условиях моделирования боевых задач и показала высокую точность в распознавании состояний острого и хронического стресса.

Подобные интегрированные платформы открывают новые перспективы для непрерывного мониторинга психофизиологического состояния человека и раннего выявления симптомов ПТСР в реальном времени (Wang C. et al., 2024).

Российское исследование показало, что уровень гамма-аминомасляной кислоты (ГАМК) значительно ниже в группе с ПТСР по сравнению со здоровыми лицами контрольной группы. Авторы предлагают рассматривать ГАМК как потенциальный маркер затяжного характера ПТСР (Feklicheva I. et al., 2022).

Повышенные уровни провоспалительных цитокинов, таких как IL-6 и TNF- α , также связаны с ПТСР. Известно, что цитокины являются группой гормоноподобных белков и пептидов, которые синтезируются и секретируются клетками иммунной системы и другими типами клеток. Воспалительные процессы могут играть ключевую роль в патофизиологии расстройства. Изучение этих маркеров может помочь в ранней диагностике и понимании механизмов ПТСР (Al Jowf G.I. et al., 2023).

Также в одном из исследований были обнаружены изменения в уровнях липопротеинов высокой и низкой плотности (ЛПВП и ЛПНП) у пациентов с ПТСР по сравнению с контрольной группой. Изменения уровня липопротеинов в крови у пациентов с ПТСР может отражать и изменения уровня кортизола, поскольку синтез этого гормона идет из холестерина, поставляемого кровью в составе ЛПНП. Эти изменения указывают на метаболические нарушения липидного обмена, связанные с ПТСР (Maguire D. et al., 2021).

Электрическая активность кожи

У пациентов с ПТСР наблюдается повышенная проводимость кожи в ответ на стрессовые стимулы, что указывает на повышенную реактивность к эмоциональным триггерам. При этом наблюдаются более выраженные и частые колебания проводимости, что может свидетельствовать о нестабильности эмоционального состояния. Нормализация проводимости происходит медленнее, что свидетельствует о длительном воздействии стресса на физиологические процессы (MeinhAUSEN C. et al., 2023).

Сердечная активность

У людей с ПТСР наблюдается более высокий уровень пульса в состоянии покоя и сниженная вариабельность сердечного ритма, что указывает на повышенную активность симпатической нервной системы. Это состояние гипервозбуждения может привести к хроническому сердечно-сосудистому стрессу, способствуя долгосрочным проблемам со здоровьем (O'Donnell C.J. et al., 2021).

Нейровизуализационные маркеры

Исследования показывают, что паттерны активации мозга, наблюдаемые при фМРТ, могут быть использованы для прогнозирования развития ПТСР после травматического события (Henigsberg N. et al., 2019).

У пациентов с ПТСР наблюдается снижение активности префронтальной коры, что связано с ухудшением когнитивных функций и регуляции эмоций. Это может привести к трудностям в контроле над страхом и импульсивным поведением. Также исследования показывают уменьшение объема префронтальной коры, что может быть связано с длительным воздействием стресса (Hinojosa C.A. et al., 2024).

Новые возможности открывает инфракрасная спектроскопия мозга. Функциональная ближняя инфракрасная спектроскопия представляет собой неинвазивный метод нейровизуализации, основанный на измерении изменений концентрации оксигемоглобина и дезоксигемоглобина в тканях мозга (Chen W.L. et al., 2020). Исследования с использованием данного метода выявили изменения в активности префронтальной коры у пациентов с ПТСР во время выполнения когнитивных задач (Balters S. et al., 2021). У ветеранов боевых действий с ПТСР обнаружено снижение активации левой дорсолатеральной префронтальной коры во время выполнения теста Струпа по сравнению со здоровыми контролями. Данное снижение активации может отражать нарушение механизмов селективного внимания и когнитивного контроля (Yennu A. et al., 2016). При выполнении задач на рабочую память пациенты с ПТСР демонстрируют активацию

префронтальной коры на стадии кодирования информации, однако затем следует выраженная деактивация во время извлечения информации. Этот паттерн "активация-деактивация" особенно выражен в правой дорсолатеральной префронтальной области и может отражать активное подавление префронтальной нейрональной активности во время извлечения информации из рабочей памяти (Tian F. et al., 2014).

Гиппокамп, отвечающий за память и обучение, демонстрирует сниженное функционирование у пациентов с ПТСР. Это приводит к проблемам в формировании новых воспоминаний и обработке информации. Уменьшение объема гиппокампа также является распространенной находкой среди людей с ПТСР, что может указывать на его роль в патогенезе расстройства (Harnett N.G. et al., 2013).

Миндалевидное тело, ключевая структура для обработки страха и эмоциональных реакций, часто показывает гиперактивность у пациентов с ПТСР. Это может приводить к усилению страха и тревожности (Hinojosa C.A. et al., 2024).

Изменения в передней поясной коре связаны с нарушениями в эмоциональной регуляции. Это может быть связано с симптомом эмоциональной дисрегуляции, характерным для ПТСР (Invernizzi A. et al., 2023).

Портативная система функциональной ближней инфракрасной спектроскопии была успешно использована для предсказания тяжести симптомов ПТСР у подростков. Исследование выявило десять признаков (включая кортикалные ответы от восьми фронтокортиkalных каналов), которые сильно коррелировали с тяжестью симптомов ПТСР ($r=0,65$, $p<0,001$). Данные результаты подтверждают потенциал функциональной ближней инфракрасной спектроскопии как портативного инструмента для выявления потенциальных биомаркеров ПТСР (Balters S. et al., 2021).

ЭЭГ исследования выявили изменения спектральной мощности. Наиболее часто отмечаемое изменение - это снижение мощности альфа-ритма, которое может отражать повышенную возбудимость коры головного мозга и нарушение процессов торможения (Butt M. et al., 2019).

Альфа-асимметрия может выступать одним из ключевых нейрофизиологических маркеров при ПТСР, отражая нарушения в эмоциональной регуляции и когнитивных процессах. У пациентов с ПТСР наблюдается более выраженная правосторонняя теменная асимметрия в альфа-диапазоне, что ассоциируется с повышенным физиологическим возбуждением и затрудненной фильтрацией внешних раздражителей. Этот феномен не только служит потенциальным биомаркером для диагностики и оценки тяжести ПТСР, но и коррелирует с интенсивностью специфических симптомов, таких как избегание и гипервозбуждение (Butt M. et al., 2019).

Также у пациентов с ПТСР тета-активность на ЭЭГ проявляется раньше в ответ на стимулы и оказывается значимо мощнее по сравнению с контрольной группой (Телешкова и др., 2024; McLoughlin G. et al., 2022). Исследования на грызунах и людях показали, что извлечение и выражение связанных со страхом воспоминаний ассоциируются с повышенной тета-активностью. Это может объяснять симптомы ПТСР, связанные с навязчивыми воспоминаниями о травматическом опыте (Gill J.L. et al., 2023). Также обнаружено, что мощность тета-ритма в правой префронтальной области во время фазы быстрого сна может служить биомаркером способности к адаптивной обработке эмоциональной памяти у людей, подвергшихся травме (Cowdin N. et al., 2014).

У пациентов с ПТСР в фазе медленного сна (NREM) наблюдается значительное снижение спектральной мощности медленных колебаний и усиление высокочастотной активности по сравнению с контрольной группой. Данные изменения наиболее выражены над правыми фронтальными областями и коррелируют с симптомами бессонницы. В фазе быстрого сна (REM) при ПТСР регистрируется выраженный сдвиг спектральной мощности в противоположном направлении – увеличение мощности медленных колебаний над затылочными областями, что имеет сильную связь с частотой кошмарных сновидений и, в меньшей степени, с бессонницей (de Boer M. et al., 2020).

Генетические и эпигенетические биомаркеры

Исследования обнаружили генетическую предрасположенность к ПТСР (Nievergelt C.M. et al., 2019). Анализ данных более 200,000 человек выявил, что наследуемость ПТСР сопоставима с другими психическими расстройствами (Duncan L.E. et al., 2017).

В масштабном исследовании, охватывающем более 1.2 миллиона человек, были идентифицированы 95 локусов в геноме, связанных с риском развития ПТСР. Эти находки подчеркивают сложность генетических факторов, влияющих на это расстройство (Nievergelt C.M. et al., 2024).

Генетический анализ также показал сходства между ПТСР и другими психическими заболеваниями, такими как тревожные расстройства и биполярное расстройство (Stein M.B. et al., 2021).

Эпигенетические факторы играют важную роль в том, как индивидуум реагирует на травму. Исследования показывают, что изменения в метилировании ДНК могут влиять на выражение генов, связанных с реакцией на стресс и восстановлением после травмы (Smith A.K. et al., 2020). Одно из исследований впервые идентифицировало и валидировало эпигенетические биотипы ПТСР у ветеранов и действующих военнослужащих. Эти биотипы могут помочь в понимании различных реакций на травму и в разработке более целенаправленных методов диагностики и лечения (Yang R. et al., 2021).

Смещение внимания при ПТСР и айтрекинг

Смещение избирательного внимания в сторону угроз способствует повторному появлению травматических воспоминаний, что лежит в основе симптомов повторного переживания и сверхбдительности при ПТСР (Eli B. et al., 2023).

У пациентов с ПТСР наблюдается предвзятость внимания в отношении стимулов, связанных с травмой, а также угрожающих стимулов. Это может проявляться как повышение скорости и точности обнаружения подобных стимулов, так и как длительную задержку внимания на них. Например, исследование с использованием Эмоциональной задачи Струпа показало, что участники с ПТСР испытывали трудности в переключении внимания со слов, связанных с травмой. Исследования с использованием метода отслеживания движений глаз подтверждают данные о повышенном устойчивом внимании к негативным сценам у пациентов с ПТСР (Veerapa E. et al., 2023).

Также пациенты с ПТСР демонстрируют дефицит контроля внимания при наличии угрожающих стимулов, что проявляется в более высоких значениях такого параметра как изменчивость смещения внимания. Это нарушение специфично для ПТСР и не наблюдается при других психических расстройствах (Swick D., Ashley V., 2017).

Таким образом технология отслеживания движений глаз может служить объективным инструментом для диагностики ПТСР. Пациенты с ПТСР демонстрируют специфические окуломоторные паттерны, которые могут быть использованы в качестве биомаркеров для выявления расстройства (Lazarov A. et al., 2022).

Исследования с использованием айтрекинга выявляют у пациентов с ПТСР более длительное время фиксации взгляда на негативных и угрожающих стимулах по сравнению с контрольными группами. Это устойчивое внимание к негативным стимулам сохраняется даже при длительном воздействии, в то время как у здоровых людей оно со временем снижается (Veerapa E. et al., 2023). Кроме того, пациенты с ПТСР показывают повышенную вариабельность смещения внимания, что может служить когнитивным маркером расстройства (Lev T. et al., 2025).

Особенности саккадических движений глаз также представляют диагностическую ценность. Пациенты с ПТСР демонстрируют более высокую пиковую скорость саккад с учетом их амплитуды, что отражает повышенную "энергичность" саккад и указывает на состояние гипервозбуждения. Данные изменения наблюдаются даже при предъявлении

эмоционально нейтральных стимулов, что свидетельствует о генерализованном нарушении внимания при ПТСР (Jellestad L. et al., 2024).

Диаметр зрачка

Пупиллометрия - измерение изменений размера зрачка - также может использоваться для диагностики ПТСР. У пациентов с ПТСР наблюдается увеличенный размер зрачка при просмотре эмоциональных изображений, что отражает повышенную симпатическую активацию. Кроме того, у них отмечается снижение начального сужения зрачка в ответ на световые стимулы, что указывает на нарушение парасимпатической функции (Jellestad L. et al., 2024).

Цифровой и дистанционный скрининг

Приложение PTSD Test

Приложение PTSD Test является одним из известных мобильных приложений, которое использует опросник PCL-5 для оценки симптомов ПТСР, позволяя пользователям оценивать свои симптомы, отслеживать изменения с течением времени и получать доступ к образовательным ресурсам о ПТСР. Приложение подчеркивает, что оно не является диагностическим инструментом, а диагнозы должны ставиться только квалифицированными специалистами. Пользователи могут устанавливать напоминания для повторного прохождения теста, что способствует постоянному самомониторингу их психического состояния (PTSD Test // App Store).

PTSD Coach

PTSD Coach — это бесплатное мобильное приложение, созданное Национальным центром ПТСР Министерства по делам ветеранов США. Оно предоставляет информацию о ПТСР и инструменты для самопомощи, включая инструменты для скрининга и отслеживания симптомов. Пользователи могут заполнять опросник PCL. Приложение также предлагает надежные сведения о ПТСР и эффективных методах лечения и включает техники релаксации и стратегии преодоления трудных ситуаций (PTSD Coach // National Center for PTSD).

Платформа Coviu

Платформа Coviu интегрировала опросник PCL-5 в свои телемедицинские услуги, позволяя медицинским работникам проводить его во время дистанционных консультаций. Эта функция позволяет пациентам заполнять опросник в цифровом формате, при этом ответы автоматически оцениваются и интерпретируются в реальном времени. Результаты сохраняются в облачном хранилище Coviu и могут быть загружены в формате PDF для оффлайн-просмотра, что гарантирует легкий доступ врача к данным пациентов для последующих консультаций. Платформа работает полностью в браузере, что исключает необходимость установки программного обеспечения, пациенты могут присоединяться к консультациям одним кликом мыши, что снижает барьеры для доступа к помощи. Coviu соответствует стандартам НИРАА и использует шифрование, обеспечивая безопасность данных пациента на протяжении всего процесса консультации (Telehealth & Teleassessment Software for Healthcare // Coviu).

Нейросетевой подход в диагностике ПТСР

Нейросети могут обрабатывать и анализировать текстовые данные, полученные от пациентов, такие как записи интервью, дневники или ответы на опросники. Используя методы обработки естественного языка, нейросети способны выявлять паттерны в языке, которые могут указывать на наличие ПТСР. Нейросети также могут объединять языковые данные с другими клиническими показателями, такими как результаты медицинских обследований и истории болезни. Это позволяет создать более полное представление о состоянии пациента и улучшить точность диагностики (Quillivic R. et al., 2024).

Использование нейросетей позволяет разрабатывать модели, адаптированные к конкретным группам пациентов с учетом их уникальных характеристик и историй травм. Это может включать в себя настройку алгоритмов для учета культурных и социальных факторов, которые могут влиять на восприятие и выражение симптомов ПТСР.

Индивидуализированный подход повышает вероятность успешной диагностики и лечения (Marengo D. et al., 2022).

Машинное обучение также играет ключевую роль в анализе ЭЭГ при ПТСР, предоставляя мощные инструменты для автоматической диагностики, выделения информативных признаков и повышения точности классификации до 80-90%. Алгоритмы способны выявлять сложные паттерны в ЭЭГ-сигналах, недоступные традиционным методам анализа, а также интегрировать данные ЭЭГ с другими биомаркерами для более точной диагностики. Кроме того, машинное обучение позволяет прогнозировать развитие ПТСР на основе ранних ЭЭГ-изменений и оценивать эффективность лечения, анализируя динамику ЭЭГ-показателей. Таким образом, применение методов машинного обучения значительно расширяет возможности использования ЭЭГ в диагностике и мониторинге ПТСР, способствуя развитию более объективных и точных подходов к оценке этого расстройства (Wu Y. et al., 2023).

Нейросети способны автоматизировать процесс анализа данных, что снижает нагрузку на медицинских специалистов и ускоряет процесс диагностики. Автоматизация позволяет врачам сосредоточиться на более сложных аспектах лечения и взаимодействия с пациентами, в то время как нейросети обрабатывают большие объемы данных и предоставляют предварительные результаты.

Заключение. Диагностика ПТСР остается сложной и многогранной задачей, требующей сочетания клинического опыта, психометрических методов и объективных физиологических данных. Несмотря на наличие широко используемых опросников и клинических интервью, их применение сопряжено с рядом ограничений, включая субъективность самоотчета, возможность симуляции, необходимость участия квалифицированного специалиста и влияние коморбидных состояний на точность диагностики.

Современные исследования в области нейрофизиологии, генетики и машинного обучения открывают перспективы для более точной и объективной диагностики ПТСР. Использование биомаркеров, нейровизуализационных данных и анализа электрофизиологических показателей позволяет выявлять специфические паттерны, характерные для данного расстройства. В свою очередь, алгоритмы машинного обучения помогают анализировать большие массивы данных, прогнозировать риск развития ПТСР и индивидуализировать подход к диагностике и лечению.

Метод видеоокулографии выгодно выделяется на фоне других диагностических методов неинвазивностью, высокой временной разрешающей способностью и чувствительностью к тонким когнитивным и аффективным процессам путем фиксации паттернов саккадических движений, фиксаций, плавного слежения, скорости реакции и диаметра зрачка, что отражает дисфункцию внимания, гипербдительность и избегание, характерные для ПТСР (Armstrong T. et al., 2013; Kimble M.O. et al., 2010). Однако сложность многомерных пространственно-временных данных видеоокулографии требует инновационных подходов к их обработке и интерпретации. Несмотря на существующие вызовы, связанные с данными, интерпретируемостью моделей, этикой и стандартизацией, потенциал метода огромен. Дальнейшие исследования, направленные на создание крупных стандартизованных датасетов, разработку интерпретируемых и надежных ИИ-алгоритмов, а также валидацию в реальных клинических условиях, являются ключевыми для успешной трансляции этой технологии в практику. Междисциплинарное сотрудничество ученых нейронаук, клиницистов, специалистов по данным и инженеров является необходимым условием для реализации потенциала ВОГ-ИИ в создании новой парадигмы персонализированной и прецизионной психиатрии при ПТСР.

Особое значение приобретает развитие цифровых и дистанционных инструментов диагностики, таких как мобильные приложения и онлайн-платформы, интегрированные с автоматизированными алгоритмами оценки симптомов. Эти методы позволяют расширить

доступ пациентов к раннему скринингу, снизить нагрузку на медицинских специалистов и повысить эффективность мониторинга состояния пациентов в динамике.

Перспективы дальнейшего развития диагностики ПТСР связаны с интеграцией мультидисциплинарных подходов, объединяющих клинические, психометрические, физиологические и цифровые технологии. Важным направлением остается совершенствование персонализированных методов диагностики, учитывающих индивидуальные особенности пациентов и специфические характеристики пережитой травмы. Такой комплексный подход может способствовать более раннему выявлению ПТСР, улучшению прогноза пациентов и повышению качества их жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахапкин, Р.В. Актуальные вопросы диагностики и психофармакотерапии посттравматического стрессового расстройства / Р.В. Ахапкин, Т.И. Вазагаева. – Текст : электронный // Российский психиатрический журнал. - 2025. - № 1. - С. 13-24. – URL : <https://rj.serbsky.ru/index.php/rj/article/view/1228> (дата обращения: 12.08.2025)
2. Мельницкая, Т.Б. Шкала оценки влияния травматического события (IES-R) применительно к радиационному фактору / Т.Б. Мельницкая, А.В. Хавыло, Т.В. Белых // Психологические исследования: электрон. науч. журн. - 2011. - №4(19). <https://doi.org/10.54359/ps.v4i19.825>
3. Падун, М.А. Русскоязычная версия «международного опросника травмы»: адаптация и валидизация на неклинической выборке / М.А. Падун, Ю.В. Быховец, Н.Н. Казымова, Ю.Е. Ченцова-Даттон // Консультативная психология и психотерапия. - 2022. - Том 30, № 3. - С. 42-46. doi: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300304>
4. Плужник, М.С. Согласованность показателей по военной миссисипской шкале ПТСР и скрининговой методике PC-PTSD-5 у комбатантов специальной военной операции / М.С. Плужник, В.И. Евдокимов, Т.А. Караваева. – Текст : электронный // Вестник психотерапии. - 2024. - № 92. - – URL : <https://scinetwork.ru/articles/20451> (дата обращения: 12.08.2025)
5. Тарабрина, Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина. - СПб: Питер: Издательский дом «Питер», 2001. - 272 с. – Текст : непосредственный
6. Тарабрина, Н.В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Н.В. Тарабрина, Н.Е. Харламенкова, М.А. Падун [и др.]; под общ. ред. Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2017. - 344 с. – Текст : непосредственный
7. Телешева, К.Ю. ЭЭГ-маркеры посттравматического стрессового расстройства у комбатантов: исследование спонтанной электрической активности мозга и сенсорного дозирования информации / К.Ю. Телешева, В.И. Закуражная, И.О. Морозова [и др.]. – Текст : электронный // Российский психиатрический журнал. - 2024. - № 6. - С. 44-57. – URL : ЭЭГ-маркеры посттравматического стрессового расстройства у комбатантов: исследование спонтанной электрической активности мозга и сенсорного дозирования информации | Телешева | Российский психиатрический журнал (дата обращения: 12.08.2025)
8. Abas M.A., Müller M., Gibson L.J. et al. Prevalence of post-traumatic stress disorder and validity of the Impact of Events Scale - Revised in primary care in Zimbabwe, a non-war-affected African country // BJPsych open. - 2023. - №9(2). - e37. doi: <https://doi.org/10.1192/bjo.2022.621>
9. Al Jowf G.I., Ahmed Z.T., Reijnders R.A. et al. To Predict, Prevent, and Manage Post-Traumatic Stress Disorder (PTSD): A Review of Pathophysiology, Treatment, and Biomarkers // International journal of molecular sciences. - 2023. - №24(6). - 5238. doi: <https://doi.org/10.3390/ijms24065238>
10. Ali A.M., Al-Dossary S.A., Almarwani A.M. et al. The Impact of Event Scale-Revised: Examining Its Cutoff Scores among Arab Psychiatric Patients and Healthy Adults within the

Context of COVID-19 as a Collective Traumatic Event // Healthcare. - 2023. - №11. - 892. doi: <https://doi.org/10.3390/healthcare11060892>

11. Armstrong T., Bilsky S.A., Zhao M., Olatunji B.O. Pathways to avoidance: Eye tracking reveals differential attention mechanisms in PTSD // Journal of Anxiety Disorders. - 2013. - №27(2). - C. 265-271.
12. Balters S., Li R., Espil F.M., Piccirilli A. et al. Functional near-infrared spectroscopy brain imaging predicts symptom severity in youth exposed to traumatic stress // Journal of Psychiatric Research. - 2021. - №144. - C. 494-502. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2021.10.020>.
13. Ben-Zion Z., Zeevi Y., Keynan N.J. et al. Multi-domain potential biomarkers for post-traumatic stress disorder (PTSD) severity in recent trauma survivors // Translational psychiatry. - 2020. - №10(1). - 208. doi: <https://doi.org/10.1038/s41398-020-00898-z>
14. Bhattarai J.J., Oehlert M.E., Weber D.K. Psychometric properties of the Mississippi Scale for Combat-Related Posttraumatic Stress Disorder based on veterans' period of service // Psychological services. - 2020. - №17(1). - C. 75-83. doi: <https://doi.org/10.1037/ser0000285>.
15. Burback L., Brémault-Phillips S., Nijdam M.J. et al. Treatment of Posttraumatic Stress Disorder: A State-of-the-art Review // Current neuropharmacology. - 2024. - №22(4). - C. 557-635. doi: <https://doi.org/10.2174/1570159X21666230428091433>
16. Butt M., Espinal E., Aupperle R.L. et al. The Electrical Aftermath: Brain Signals of Posttraumatic Stress Disorder Filtered Through a Clinical Lens // Frontiers in psychiatry. - 2019. - №10. - 368. doi: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00368>
17. Chen W.L., Wagner J., Heugel N. et al. Functional Near-Infrared Spectroscopy and Its Clinical Application in the Field of Neuroscience: Advances and Future Directions // Frontiers in neuroscience. - 2020. - №14. - 724. doi: <https://doi.org/10.3389/fnins.2020.00724>
18. Cloitre M., Hyland P., Prins A., Shevlin M. The international trauma questionnaire (ITQ) measures reliable and clinically significant treatment-related change in PTSD and complex PTSD // European journal of psychotraumatology. - 2021. - №12(1). - 1930961. doi: <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1930961>
19. Cowdin N., Kobayashi I., Mellman T. Theta frequency activity during rapid eye movement (REM) sleep is greater in people with resilience versus PTSD // Experimental brain research. - 2014. - №232. - C. 1479-1485. doi: <https://doi.org/10.1007/s00221-014-3857-5>.
20. Davidson J.T.R., Kudler H.S., Smith R.D. Assessment and pharmacotherapy of posttraumatic stress disorder. In J.E.L. Giller (Ed.), Biological assessment and treatment of posttraumatic stress disorder // National Center for PTSD URL: <https://www.ptsd.va.gov/professional/assessment/adult-int/si-ptsd.asp> (дата обращения: 30.07.2025).
21. de Boer M., Nijdam M.J., Jongedijk R.A. et al. The spectral fingerprint of sleep problems in post-traumatic stress disorder // Sleep. - 2020. - №43(4). - zsz269. doi: <https://doi.org/10.1093/sleep/zsz269>
22. Duncan L.E., Ratanatharathorn A., Almli A.B. et al. Largest GWAS of PTSD (N=20070) yields genetic overlap with schizophrenia and sex differences in heritability. Molecular Psychiatry. Online April 25, 2017. - 77. doi: <https://doi.org/10.1038/mp.2017.77>
23. Eli B., Chen Y., Zhang J. et al. Time course of attentional bias and its relationship with PTSD symptoms in bereaved Chinese parents who have lost their only child // European Journal of Psychotraumatology. - 2023. - №14(2). - 2235980. doi: <https://doi.org/10.1080/20008066.2023.2235980>
24. Feklicheva I., Boks M.P., de Kloet E.R. et al. Biomarkers in PTSD-susceptible and resistant veterans with war experience of more than ten years ago: FOCUS ON cortisol, thyroid hormones, testosterone and GABA // Journal of psychiatric research. - 2022. - №148. - C. 258-263. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2021.11.032>

- 152
25. Foa E.B., McLean C.P., Zang Y. et al. Psychometric properties of the Posttraumatic Stress Disorder Symptom Scale Interview for DSM-5 (PSSI-5) // Psychological assessment. - 2016. - №28(10). - C. 1159-1165. doi: <https://doi.org/10.1037/pas0000259>
26. Forkus S.R., Raudales A.M., Rafiuddin H.S. et al. The Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) Checklist for DSM-5: A Systematic Review of Existing Psychometric Evidence // Clin Psychol (New York). - 2023. - №30(1). - C. 110-121. doi: <https://doi.org/10.1037/cps0000111>.
27. Gagnon-Sanschagrin P., Schein J., Urganus A. et al. Identifying individuals with undiagnosed post-traumatic stress disorder in a large United States civilian population - a machine learning approach // BMC psychiatry. - 2023. - №22(1). 630. doi: <https://doi.org/10.1186/s12888-022-04267-6>
28. Gill J.L., Schneiders J.A., Stangl M. et al. A pilot study of closed-loop neuromodulation for treatment-resistant post-traumatic stress disorder // Nat Commun. - 2023. - №14. - 2997. doi: <https://doi.org/10.1038/s41467-023-38712-1>
29. Green J.D., Annunziata A., Kleiman S.E. et al. Examining the diagnostic utility of the DSM-5 PTSD symptoms among male and female returning veterans // Depress Anxiety. - 2017. - №34. - C. 752-760. doi: <https://doi.org/10.1002/da.22667>
30. Gutkovich Z. Initial validation of the Russian version of the World Mental Health Structured Clinical Interview for DSM-IV // Isr J Psychiatry Relat Sci. - 2013. - №50(1). - C. 24-32. doi: <http://dx.doi.org/10.1001/jama.291.21.2581>
31. Harnett N.G., Goodman A.M., Knight D.C. PTSD-related neuroimaging abnormalities in brain function, structure, and biochemistry // Experimental Neurology. - 2020. - №330. - 113331. doi: <https://doi.org/10.1016/j.expneurol.2020.113331>.
32. Henigsberg N., Kalemba P., Kovačić Z.P., Šećić A. Neuroimaging research in posttraumatic stress disorder – Focus on amygdala, hippocampus and prefrontal cortex // Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry. - 2019. - №90. - C. 37-42. doi: <https://doi.org/10.1016/j.pnpbp.2018.11.003>.
33. Hinojosa C.A., George G.C. Ben-Zion Z. Neuroimaging of posttraumatic stress disorder in adults and youth: progress over the last decade on three leading questions of the field // Mol Psychiatry. - 2024. - №29. - C. 3223-3244. doi: <https://doi.org/10.1038/s41380-024-02558-w>
34. Invernizzi A., Rechtman E., Curtin P. et al. Functional changes in neural mechanisms underlying post-traumatic stress disorder in World Trade Center responders // Translational psychiatry. - 2023. - №13(1). - 239. doi: <https://doi.org/10.1038/s41398-023-02526-y>
35. Jellestad L., Zeffiro T., Mörgeli H. et al. Atypical attention and saccade vigor in post-traumatic stress disorder // Journal of psychiatric research. - 2024. - №177. - C. 361-367. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2024.07.035>
36. Kimble M.O., Fleming K., Bandy C., Zambetti A. Eye tracking and visual attention to threatening stimuli in veterans of the Iraq war // Journal of Anxiety Disorders. - 2010. - №24(3). - C. 293-299. doi: <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2009.12.006>
37. Lazarov A., Suarez-Jimenez B., Zhu X. et al. Attention allocation in posttraumatic stress disorder: an eye-tracking study // Psychological medicine. - 2022. - №52(15). - C. 3720-3729. doi: <https://doi.org/10.1017/S0033291721000581>
38. Lev T., Gober Dykan C.D., Lazarov A., Bar-Haim Y. Attention bias variability as a cognitive marker of PTSD: A comparison of eye-tracking and reaction time methodologies // Journal of affective disorders. - 2025. - №383. - C. 426-434. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2025.04.164>
39. Maguire D., Watt J., Armour C. et al. Post-traumatic stress disorder: A biopsychosocial case-control study investigating peripheral blood protein biomarkers // Biomarkers in Neuropsychiatry. - 2021. - №5. - 100042. doi: <https://doi.org/10.1016/j.bionps.2021.100042>
40. Mansour M., Joseph G.R., Joy G.K. et al. Post-traumatic Stress Disorder: A Narrative Review of Pharmacological and Psychotherapeutic Interventions // Cureus. - 2023. - №15(9). - e44905. doi: <https://doi.org/10.7759/cureus.44905>

41. Marengo D., Hoeboer C.M., Veldkamp B.P. et al. Text mining to improve screening for trauma-related symptoms in a global sample // Psychiatry research. - 2022. - №316. - 114753. doi: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2022.114753>
42. McLoughlin G., Gyurkovics M., Palmer J., Makeig S. Midfrontal Theta Activity in Psychiatric Illness: An Index of Cognitive Vulnerabilities Across Disorders // Biological psychiatry. - 2022. - №91(2). - C. 173-182. doi: <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2021.08.020>
43. Meinhauen C., Sanchez G.J., Robles T.F. et al. Correlates of Skin Conductance Reactivity to Stroke-Related Trauma Reminders During Hospitalization for Stroke // Chronic Stress. - 2023. - №7. doi: <https://doi.org/10.1177/24705470231156571>
44. Nievergelt C.M., Maihofer A.X., Atkinson E.G. et al. Genome-wide association analyses identify 95 risk loci and provide insights into the neurobiology of post-traumatic stress disorder // Nat Genet. - 2024. - №56. - C. 792-808. doi: <https://doi.org/10.1038/s41588-024-01707-9>
45. Nievergelt C.M., Maihofer A.X., Klengel T. et al. International meta-analysis of PTSD genome-wide association studies identifies sex- and ancestry-specific genetic risk loci // Nature Communications. - 2019. - №10. - 4558. doi: <https://doi.org/10.1038/s41467-019-12576-w>
46. O'Donnell C.J., Longacre S.L., Cohen B.E. et al. Posttraumatic Stress Disorder and Cardiovascular Disease: State of the Science, Knowledge Gaps, and Research Opportunities // JAMA Cardiol. - 2021. - №6(10). - C. 1207-1216. doi: <https://doi.org/10.1001/jamacardio.2021.2530>
47. Prins A., Bovin M.J., Smolenski D.J. et al. The Primary Care PTSD Screen for DSM-5 (PC-PTSD-5): Development and Evaluation Within a Veteran Primary Care Sample // J Gen Intern Med. - 2016. - №31(10). - C. 1206-1211. doi: <https://doi.org/10.1007/s11606-016-3703-5>
48. PTSD Coach // National Center for PTSD URL: https://www.ptsd.va.gov/appvid/mobile/ptsdcoach_app.asp (дата обращения: 30.07.2025).
49. PTSD Test // App Store URL: <https://apps.apple.com/us/app/ptsd-test/id1378787819> (дата обращения: 30.07.2025).
50. Quillivic R., Gayraud F., Auxéméry Y. et al. Interdisciplinary approach to identify language markers for post-traumatic stress disorder using machine learning and deep learning // Scientific reports. - 2024. - №14(1). - 12468. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-61557-7>
51. Resick P.A., Straud C.L., Wachen J.S. et al. A comparison of the CAPS-5 and PCL-5 to assess PTSD in military and veteran treatment-seeking samples // European journal of psychotraumatology. - 2023. - №14(2). - 2222608. doi: <https://doi.org/10.1080/20008066.2023.2222608>
52. Smith A.K., Ratanatharathorn A., Maihofer A.X. et al. Epigenome-wide meta-analysis of PTSD across 10 military and civilian cohorts identifies methylation changes in AHRR // Nat Commun. - 2020. - №11. - 5965. doi: <https://doi.org/10.1038/s41467-020-19615-x>
53. Stein M.B., Levey D.F., Cheng Z. et al. Genome-wide association analyses of post-traumatic stress disorder and its symptom subdomains in the Million Veteran Program // Nat Genet. - 2021. - №53. - C. 174-184. doi: <https://doi.org/10.1038/s41588-020-00767-x>
54. Swick D., Ashley V. Enhanced Attentional Bias Variability in Post-Traumatic Stress Disorder and its Relationship to More General Impairments in Cognitive Control // Scientific reports. - 2017. - №7(1). - 14559. doi: <https://doi.org/10.1038/s41598-017-15226-7>
55. Telehealth & Teleassessment Software for Healthcare // Coviu URL: <https://www.coviu.com/> (дата обращения: 30.07.2025).
56. The Structured Clinical Interview for DSM-5 (SCID-5) // American Psychiatric Association URL: <https://www.appi.org/products/structured-clinical-interview-for-dsm-5-scid-5> (дата обращения: 30.07.2025).
57. Tian F., Yennu A., Smith-Osborne A. et al. Prefrontal responses to digit span memory phases in patients with post-traumatic stress disorder (PTSD): a functional near infrared spectroscopy

study // NeuroImage. Clinical. - 2014. - №4. - C. 808-819. doi: <https://doi.org/10.1016/j.nicl.2014.05.005>

58. Tiet Q.Q., Tiet T.N. Diagnostic Accuracy of the Primary Care PTSD for DSM-5 Screen (PC-PTSD-5) in Demographic and Diagnostic Subgroups of Veterans // J GEN INTERN MED. - 2024. - №39. - C. 2017-2022. doi: <https://doi.org/10.1007/s11606-024-08719-5>

59. Veerapa E., Grandgenet P., Vaiva G. et al. Attentional bias toward negative stimuli in PTSD: an eye-tracking study // Psychological Medicine. - 2023. - №53(12). - C. 5809-5817. doi: <https://doi.org/10.1017/S0033291722003063>

60. Wang B., Zhao C., Wang Z. et al. Wearable aptamer-field-effect transistor sensing system for noninvasive cortisol monitoring // Science advances. - 2022. - №8(1). - eabk0967. doi: <https://doi.org/10.1126/sciadv.abk0967>

61. Wang C., Wang Z., Wei W. et al. High-precision flexible sweat self-collection sensor for mental stress evaluation // npj Flex Electron. - 2024. - №8. - 47. doi: <https://doi.org/10.1038/s41528-024-00333-z>

62. Weathers F.W., Blake D.D., Schnurr P.P. et al. The Life Events Checklist for DSM-5 (LEC-5). - 2013a // National Center for PTSD URL: https://www.ptsd.va.gov/professional/assessment/te-measures/life_events_checklist.asp (дата обращения: 30.07.2025)

63. Weathers F.W., Bovin M.J., Lee D.J. et al. The Clinician-Administered PTSD Scale for DSM-5 (CAPS-5): Development and initial psychometric evaluation in military veterans // Psychol Assess. - 2018. - №30(3). - C. 383-395. doi: <https://doi.org/10.1037/pas0000486>

64. Weathers F.W., Litz B.T., Keane T.M. et al. The PTSD Checklist for DSM-5 (PCL-5). - 2013b // National Center for PTSD URL: <https://www.ptsd.va.gov/professional/assessment/adult-sr/ptsd-checklist.asp> (дата обращения: 30.07.2025).

65. Weiss D.S., Marmar C.R. (1997). The Impact of Event Scale-Revised. // Assessing Psychological Trauma and PTSD: A Practitioner's Handbook / Eds. Wilson J.P., Keane T.M.: New York: Guilford Press. - 1997. - C. 399-411. doi: https://psycnet.apa.org/doi/10.1007/978-0-387-70990-1_10

66. Wojujutari A.K., Idemudia E.S., Ugwu L.E. The assessment of reliability generalisation of clinician-administered PTSD scale for DSM-5 (CAPS-5): a meta-analysis // Front. Psychol. - 2024. - №15. - 1354229. doi: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1354229>

67. Wu Y., Mao K., Dennett L. et al. Systematic review of machine learning in PTSD studies for automated diagnosis evaluation // npj Mental Health Res. - 2023. - №2. - 16. doi: <https://doi.org/10.1038/s44184-023-00035-w>

68. Yang R., Gautam A., Getnet D. et al. Epigenetic biotypes of post-traumatic stress disorder in war-zone exposed veteran and active duty males // Mol Psychiatry. - 2021. - №26. - C. 4300-4314. doi: <https://doi.org/10.1038/s41380-020-00966-2>

69. Yennu A., Tian F., Smith-Osborne A. et al. Prefrontal responses to Stroop tasks in subjects with post-traumatic stress disorder assessed by functional near infrared spectroscopy // Sci Rep. - 2016. - №6. - 30157. doi: <https://doi.org/10.1038/srep30157>

Поступила: 03.10.2025

Принята к публикации: 25.12.2025

MODERN AND PROMISING METHODS OF DIAGNOSTIC POST-TRAUMATIC STRESS DISORDER (SCIENTIFIC REVIEW)

© Konstantin Yu. Shelepin, Evgeny Yu. Shelepin, Ksenia A. Skuratova,
Alexander S. Chausov, Veronica M. Zubko

Konstantin Yu. Shelepin – Director of the Institute of Cognitive Sciences and Neurotechnologies, V. P. Serbsky National Medical Research Center for Pedagogical Sciences, Ministry of Health of the Russian Federation, Cand. Sc. (Medicine)

e-mail: shelepink@yandex.ru

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky Lane, 23, Russian Federation

Evgeny Yu. Shelepin – Junior Researcher at the Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences; general Director of LLC Neuroiconica,

e-mail: ShelepinEY@infran.ru

Address: 199034, St. Petersburg, Makarova Embankment, Bldg. 6, Russian Federation

Ksenia A. Skuratova - Junior Researcher at the Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences; Neuriconics Assistive LLC

e-mail: kseskurateva@gmail.com

Address: 199034, St. Petersburg, Makarova Embankment, Bldg. 6, Russian Federation

Alexander S. Chausov - Junior Researcher at the Institute of Cognitive Sciences and Neurotechnologies, NMIC PN Serbsky National Medical Research Center of Pedagogical Sciences, Ministry of Health of the Russian Federation

e-mail: chausov.a@serbsky.ru

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky Lane, 23, Russian Federation

Veronica M. Zubko – Junior Researcher at the Institute of Cognitive Sciences and Neurotechnologies, V. P. Serbsky National Medical Research Center of Pedagogical Sciences, Ministry of Health of the Russian Federation

e-mail: q158veronika@gmail.com

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky Lane, 23, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. Post-traumatic stress disorder (PTSD) is a severe mental condition that occurs after traumatic events and leads to persistent disturbances in emotional, cognitive, and behavioral functioning. The importance of its diagnosis is increasing in the context of socioeconomic crises, military conflicts, and the increasing number of victims of violence. Late detection of PTSD has serious consequences: somatic diseases, decreased ability to work, social maladjustment, and suicidal risk. **Objective:** To analyze current and emerging diagnostic methods for post-traumatic stress disorder.

Results. The main part of the review examines current diagnostic methods for PTSD: 1. Traditional clinical questionnaires and interviews, which have high validity but are limited by subjectivity and time consumption; 2. PTSD biomarkers: cortisol, GABA, proinflammatory cytokines, as well as neuroimaging (fMRI, EEG) and electrophysiological (skin conductance, heart rate variability) measurements; 3. Detection of attentional bias toward threatening stimuli through eye movement and pupil diameter analysis using eye tracking; 4. Use of digital diagnostic platforms (PTSD Coach, Coviu) for remote screening and monitoring of PTSD symptoms; 5. Machine learning models analyzing text, EEG, and genetic data to improve diagnostic accuracy.

Conclusions. Prospects for the development of PTSD diagnostics are linked to the integration of multimodal approaches, including biosensors for continuous cortisol monitoring, portable neuroimaging systems (infrared spectroscopy), and personalized AI-based algorithms. This also requires addressing methodological challenges such as standardization of methods, interpretability of models, and ethical considerations.

Improving PTSD diagnostics requires a combination of traditional and innovative methods to improve early detection, treatment, and patient quality of life.

Key words: *Posttraumatic stress disorder, PTSD, diagnostics, biomarkers, attention.*

REFERENCES

1. Akhapkin, R.V. Actual issues of diagnostics and psychopharmacotherapy of post-traumatic stress disorder / R.V. Akhapkin, T.I. Vazagaeva. – Text: electronic // Russian Psychiatric Journal. - 2025. - No. 1. - Pp. 13-24. – URL: <https://rpj.serbsky.ru/index.php/rpj/article/view/1228> (date of access: 12.08.2025)
2. Melnitskaya, T.B. The Impact of Traumatic Event Rating Scale (IES-R) in relation to the radiation factor / T.B. Melnitskaya, A.V. Khavylo, T.V. Belykh // Psychological research: electronic. scientific journal. - 2011. - No. 4 (19). <https://doi.org/10.54359/ps.v4i19.825>
3. Padun, M.A. Russian-language version of the "international trauma questionnaire": adaptation and validation on a non-clinical sample / M.A. Padun, Yu.V. Bykhovets, N.N. Kazymova, Yu.E. Chentsova-Dutton // Counseling Psychology and Psychotherapy. - 2022. - Vol. 30, No. 3. - P. 42-46. doi: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300304>
4. Pluzhnik, M.S. Agreement of indicators on the military Mississippi PTSD scale and the PC-PTSD-5 screening method in combatants of a special military operation / M.S. Pluzhnik, V.I. Evdokimov, T.A. Karavaeva. – Text : electronic // Bulletin of Psychotherapy. - 2024. - No. 92. - – URL : <https://scinetwork.ru/articles/20451> (date of access: 12.08.2025)
5. Tarabrina, N.V. Practical training in the psychology of post-traumatic stress / N.V. Tarabrina. - St. Petersburg: Piter: Publishing house "Piter", 2001. - 272 p. – Text : direct
6. Tarabrina, N.V. Intense stress in the context of psychological safety / N.V. Tarabrina, N.E. Kharlamenkova, M.A. Padun [et al.]; under the general editorship of N.E. Kharlamenkova. Moscow: Publishing house of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2017. - 344 p. – Text : direct
7. Telesheva, K. Yu. EEG markers of post-traumatic stress disorder in combatants: a study of spontaneous electrical activity of the brain and sensory dosing of information / K. Yu. Telesheva, V. I. Zakurazhnaya, I. O. Morozova [et al.]. – Text : electronic // Russian Journal of Psychiatry. - 2024. - № 6. - P. 44-57. – URL : EEG markers of post-traumatic stress disorder in combatants: a study of spontaneous electrical activity of the brain and sensory dosing of information | Telesheva | Russian Journal of Psychiatry (date of access: 12.08.2025)
8. Abas M.A., Müller M., Gibson L.J. et al. Prevalence of post-traumatic stress disorder and validity of the Impact of Events Scale - Revised in primary care in Zimbabwe, a non-war-affected African country // BJP Psych open. - 2023. - №9(2). - e37. doi: <https://doi.org/10.1192/bjo.2022.621>

9. Al Jowf G.I., Ahmed Z.T., Reijnders R.A. et al. To Predict, Prevent, and Manage Post-Traumatic Stress Disorder (PTSD): A Review of Pathophysiology, Treatment, and Biomarkers // International journal of molecular sciences. - 2023. - №24(6). - 5238. doi: <https://doi.org/10.3390/ijms24065238>
10. Ali A.M., Al-Dossary S.A., Almarwani A.M. et al. The Impact of Event Scale-Revised: Examining Its Cutoff Scores among Arab Psychiatric Patients and Healthy Adults within the Context of COVID-19 as a Collective Traumatic Event // Healthcare. - 2023. - №11. - 892. doi: <https://doi.org/10.3390/healthcare11060892>
11. Armstrong T., Bilsky S.A., Zhao M., Olatunji B.O. Pathways to avoidance: Eye tracking reveals differential attention mechanisms in PTSD // Journal of Anxiety Disorders. - 2013. - №27(2). - p. 265-271.
12. Balters S., Li R., Espil F.M., Piccirilli A. et al. Functional near-infrared spectroscopy brain imaging predicts symptom severity in youth exposed to traumatic stress // Journal of Psychiatric Research. - 2021. - №144. - p. 494-502. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2021.10.020>.
13. Ben-Zion Z., Zeevi Y., Keynan N.J. et al. Multi-domain potential biomarkers for post-traumatic stress disorder (PTSD) severity in recent trauma survivors // Translational psychiatry. - 2020. - №10(1). - 208. doi: <https://doi.org/10.1038/s41398-020-00898-z>
14. Bhattarai J.J., Oehlert M.E., Weber D.K. Psychometric properties of the Mississippi Scale for Combat-Related Posttraumatic Stress Disorder based on veterans' period of service // Psychological services. - 2020. - №17(1). - p. 75-83. doi: <https://doi.org/10.1037/ser0000285>.
15. Burback L., Brémault-Phillips S., Nijdam M.J. et al. Treatment of Posttraumatic Stress Disorder: A State-of-the-art Review // Current neuropharmacology. - 2024. - №22(4). - p. 557-635. doi: <https://doi.org/10.2174/1570159X21666230428091433>
16. Butt M., Espinal E., Aupperle R.L. et al. The Electrical Aftermath: Brain Signals of Posttraumatic Stress Disorder Filtered Through a Clinical Lens // Frontiers in psychiatry. - 2019. - №10. - 368. doi: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00368>
17. Chen W.L., Wagner J., Heugel N. et al. Functional Near-Infrared Spectroscopy and Its Clinical Application in the Field of Neuroscience: Advances and Future Directions // Frontiers in neuroscience. - 2020. - №14. - 724. doi: <https://doi.org/10.3389/fnins.2020.00724>
18. Cloitre M., Hyland P., Prins A., Shevlin M. The international trauma questionnaire (ITQ) measures reliable and clinically significant treatment-related change in PTSD and complex PTSD // European journal of psychotraumatology. - 2021. - №12(1). - 1930961. doi: <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1930961>
19. Cowdin N., Kobayashi I., Mellman T. Theta frequency activity during rapid eye movement (REM) sleep is greater in people with resilience versus PTSD // Experimental brain research. - 2014. - №232. - p. 1479-1485. doi: <https://doi.org/10.1007/s00221-014-3857-5>.
20. Davidson J.T.R., Kudler H.S., Smith R.D. Assessment and pharmacotherapy of posttraumatic stress disorder. In J.E.L. Giller (Ed.), Biological assessment and treatment of posttraumatic stress disorder // National Center for PTSD URL: <https://www.ptsd.va.gov/professional/assessment/adult-int/si-ptsd.asp> (accessed: 30.07.2025).
21. de Boer M., Nijdam M.J., Jongedijk R.A. et al. The spectral fingerprint of sleep problems in post-traumatic stress disorder // Sleep. - 2020. - №43(4). - zsz269. doi: <https://doi.org/10.1093/sleep/zsz269>
22. Duncan L.E., Ratanatharathorn A., Almli A.B. et al. Largest GWAS of PTSD (N=20070) yields genetic overlap with schizophrenia and sex differences in heritability. Molecular Psychiatry. Online April 25, 2017. - 77. doi: <https://doi.org/10.1038/mp.2017.77>
23. Eli B., Chen Y., Zhang J. et al. Time course of attentional bias and its relationship with PTSD symptoms in bereaved Chinese parents who have lost their only child // European Journal of Psychotraumatology. - 2023. - №14(2). - 2235980. doi: <https://doi.org/10.1080/20008066.2023.2235980>

24. Feklicheva I., Boks M.P., de Kloet E.R. et al. Biomarkers in PTSD-susceptible and resistant veterans with war experience of more than ten years ago: FOCUS ON cortisol, thyroid hormones, testosterone and GABA // *Journal of psychiatric research.* - 2022. - №148. - p. 258-263. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2021.11.032>
25. Foa E.B., McLean C.P., Zang Y. et al. Psychometric properties of the Posttraumatic Stress Disorder Symptom Interview for DSM-5 (PSSI-5) // *Psychological assessment.* - 2016. - №28(10). - p. 1159-1165. doi: <https://doi.org/10.1037/pas0000259>
26. Forkus S.R., Raudales A.M., Rafiuddin H.S. et al. The Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) Checklist for DSM-5: A Systematic Review of Existing Psychometric Evidence // *Clin Psychol (New York).* - 2023. - №30(1). - p. 110-121. doi: <https://doi.org/10.1037/cps0000111>
27. Gagnon-Sanschagrin P., Schein J., Urganus A. et al. Identifying individuals with undiagnosed post-traumatic stress disorder in a large United States civilian population - a machine learning approach // *BMC psychiatry.* - 2023. - №22(1). 630. doi: <https://doi.org/10.1186/s12888-022-04267-6>
28. Gill J.L., Schneiders J.A., Stangl M. et al. A pilot study of closed-loop neuromodulation for treatment-resistant post-traumatic stress disorder // *Nat Commun.* - 2023. - №14. - 2997. doi: <https://doi.org/10.1038/s41467-023-38712-1>
29. Green J.D., Annunziata A., Kleiman S.E. et al. Examining the diagnostic utility of the DSM-5 PTSD symptoms among male and female returning veterans // *Depress Anxiety.* - 2017. - №34. - p. 752-760. doi: <https://doi.org/10.1002/da.22667>
30. Gutkovich Z. Initial validation of the Russian version of the World Mental Health Structured Clinical Interview for DSM-IV // *Isr J Psychiatry Relat Sci.* - 2013. - №50(1). - p. 24-32. doi: <http://dx.doi.org/10.1001/jama.291.21.2581>
31. Harnett N.G., Goodman A.M., Knight D.C. PTSD-related neuroimaging abnormalities in brain function, structure, and biochemistry // *Experimental Neurology.* - 2020. - №330. - 113331. doi: <https://doi.org/10.1016/j.expneurol.2020.113331>.
32. Henigsberg N., Kalember P., Kovačić Z.P., Šećić A. Neuroimaging research in posttraumatic stress disorder – Focus on amygdala, hippocampus and prefrontal cortex // *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry.* - 2019. - №90. - p. 37-42. doi: <https://doi.org/10.1016/j.pnpbp.2018.11.003>.
33. Hinojosa C.A., George G.C. Ben-Zion Z. Neuroimaging of posttraumatic stress disorder in adults and youth: progress over the last decade on three leading questions of the field // *Mol Psychiatry.* - 2024. - №29. - p. 3223-3244. doi: <https://doi.org/10.1038/s41380-024-02558-w>
34. Invernizzi A., Rechtman E., Curtin P. et al. Functional changes in neural mechanisms underlying post-traumatic stress disorder in World Trade Center responders // *Translational psychiatry.* - 2023. - №13(1). - 239. doi: <https://doi.org/10.1038/s41398-023-02526-y>
35. Jellestad L., Zeffiro T., Mörgeli H. et al. Atypical attention and saccade vigor in post-traumatic stress disorder // *Journal of psychiatric research.* - 2024. - №177. - p. 361-367. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2024.07.035>
36. Kimble M.O., Fleming K., Bandy C., Zambetti A. Eye tracking and visual attention to threatening stimuli in veterans of the Iraq war // *Journal of Anxiety Disorders.* - 2010. - №24(3). - p. 293-299. doi: <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2009.12.006>
37. Lazarov A., Suarez-Jimenez B., Zhu X. et al. Attention allocation in posttraumatic stress disorder: an eye-tracking study // *Psychological medicine.* - 2022. - №52(15). - p. 3720-3729. doi: <https://doi.org/10.1017/S0033291721000581>
38. Lev T., Gober Dykan C.D., Lazarov A., Bar-Haim Y. Attention bias variability as a cognitive marker of PTSD: A comparison of eye-tracking and reaction time methodologies // *Journal of affective disorders.* - 2025. - №383. - p. 426-434. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2025.04.164>

39. Maguire D., Watt J., Armour C. et al. Post-traumatic stress disorder: A biopsychosocial case-control study investigating peripheral blood protein biomarkers // *Biomarkers in Neuropsychiatry*. - 2021. - №5. - 100042. doi: <https://doi.org/10.1016/j.bionps.2021.100042>
40. Mansour M., Joseph G.R., Joy G.K. et al. Post-traumatic Stress Disorder: A Narrative Review of Pharmacological and Psychotherapeutic Interventions // *Cureus*. - 2023. - №15(9). - e44905. doi: <https://doi.org/10.7759/cureus.44905>
41. Marengo D., Hoeboer C.M., Veldkamp B.P. et al. Text mining to improve screening for trauma-related symptoms in a global sample // *Psychiatry research*. - 2022. - №316. - 114753. doi: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2022.114753>
42. McLoughlin G., Gyurkovics M., Palmer J., Makeig S. Midfrontal Theta Activity in Psychiatric Illness: An Index of Cognitive Vulnerabilities Across Disorders // *Biological psychiatry*. - 2022. - №91(2). - p. 173-182. doi: <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2021.08.020>
43. Meinhausen C., Sanchez G.J., Robles T.F. et al. Correlates of Skin Conductance Reactivity to Stroke-Related Trauma Reminders During Hospitalization for Stroke // *Chronic Stress*. - 2023. - №7. doi: <https://doi.org/10.1177/24705470231156571>
44. Nievergelt C.M., Maihofer A.X., Atkinson E.G. et al. Genome-wide association analyses identify 95 risk loci and provide insights into the neurobiology of post-traumatic stress disorder // *Nat Genet*. - 2024. - №56. - p. 792-808. doi: <https://doi.org/10.1038/s41588-024-01707-9>
45. Nievergelt C.M., Maihofer A.X., Klengel T. et al. International meta-analysis of PTSD genome-wide association studies identifies sex- and ancestry-specific genetic risk loci // *Nature Communications*. - 2019. - №10. - 4558. doi: <https://doi.org/10.1038/s41467-019-12576-w>
46. O'Donnell C.J., Longacre S.L., Cohen B.E. et al. Posttraumatic Stress Disorder and Cardiovascular Disease: State of the Science, Knowledge Gaps, and Research Opportunities // *JAMA Cardiol*. - 2021. - №6(10). - p. 1207-1216. doi: <https://doi.org/10.1001/jamacardio.2021.2530>
47. Prins A., Bovin M.J., Smolenski D.J. et al. The Primary Care PTSD Screen for DSM-5 (PC-PTSD-5): Development and Evaluation Within a Veteran Primary Care Sample // *J Gen Intern Med*. - 2016. - №31(10). - p. 1206-1211. doi: <https://doi.org/10.1007/s11606-016-3703-5>
48. PTSD Coach // National Center for PTSD URL: https://www.ptsd.va.gov/appvid/mobile/ptsdcoach_app.asp (accessed: 30.07.2025).
49. PTSD Test // App Store URL: <https://apps.apple.com/us/app/ptsd-test/id1378787819> (accessed: 30.07.2025).
50. Quillivic R., Gayraud F., Auxéméry Y. et al. Interdisciplinary approach to identify language markers for post-traumatic stress disorder using machine learning and deep learning // *Scientific reports*. - 2024. - №14(1). - 12468. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-61557-7>
51. Resick P.A., Straud C.L., Wachen J.S. et al. A comparison of the CAPS-5 and PCL-5 to assess PTSD in military and veteran treatment-seeking samples // *European journal of psychotraumatology*. - 2023. - №14(2). - 2222608. doi: <https://doi.org/10.1080/20008066.2023.2222608>
52. Smith A.K., Ratanatharathorn A., Maihofer A.X. et al. Epigenome-wide meta-analysis of PTSD across 10 military and civilian cohorts identifies methylation changes in AHRR // *Nat Commun*. - 2020. - №11. - 5965. doi: <https://doi.org/10.1038/s41467-020-19615-x>
53. Stein M.B., Levey D.F., Cheng Z. et al. Genome-wide association analyses of post-traumatic stress disorder and its symptom subdomains in the Million Veteran Program // *Nat Genet*. - 2021. - №53. - p. 174-184. doi: <https://doi.org/10.1038/s41588-020-00767-x>
54. Swick D., Ashley V. Enhanced Attentional Bias Variability in Post-Traumatic Stress Disorder and its Relationship to More General Impairments in Cognitive Control // *Scientific reports*. - 2017. - №7(1). - 14559. doi: <https://doi.org/10.1038/s41598-017-15226-7>
55. Telehealth & Teleassessment Software for Healthcare // Coviu URL: <https://www.coviu.com/> (accessed: 30.07.2025).

56. The Structured Clinical Interview for DSM-5 (SCID-5) // American Psychiatric Association URL: <https://www.appi.org/products/structured-clinical-interview-for-dsm-5-scid-5> (accessed: 30.07.2025).
57. Tian F., Yennu A., Smith-Osborne A. et al. Prefrontal responses to digit span memory phases in patients with post-traumatic stress disorder (PTSD): a functional near infrared spectroscopy study // NeuroImage. Clinical. - 2014. - №4. - p. 808-819. doi: <https://doi.org/10.1016/j.nicl.2014.05.005>
58. Tiet Q.Q., Tiet T.N. Diagnostic Accuracy of the Primary Care PTSD for DSM-5 Screen (PC-PTSD-5) in Demographic and Diagnostic Subgroups of Veterans // J GEN INTERN MED. - 2024. - №39. - p. 2017-2022. doi: <https://doi.org/10.1007/s11606-024-08719-5>
59. Veerapa E., Grandgenet P., Vaiva G. et al. Attentional bias toward negative stimuli in PTSD: an eye-tracking study // Psychological Medicine. - 2023. - №53(12). - p. 5809-5817. doi: <https://doi.org/10.1017/S0033291722003063>
60. Wang B., Zhao C., Wang Z. et al. Wearable aptamer-field-effect transistor sensing system for noninvasive cortisol monitoring // Science advances. - 2022. - №8(1). - eabk0967. doi: <https://doi.org/10.1126/sciadv.abk0967>
61. Wang C., Wang Z., Wei W. et al. High-precision flexible sweat self-collection sensor for mental stress evaluation // npj Flex Electron. - 2024. - №8. - 47. doi: <https://doi.org/10.1038/s41528-024-00333-z>
62. Weathers F.W., Blake D.D., Schnurr P.P. et al. The Life Events Checklist for DSM-5 (LEC-5). - 2013a // National Center for PTSD URL: https://www.ptsd.va.gov/professional/assessment/te-measures/life_events_checklist.asp (accessed: 30.07.2025)
63. Weathers F.W., Bovin M.J., Lee D.J. et al. The Clinician-Administered PTSD Scale for DSM-5 (CAPS-5): Development and initial psychometric evaluation in military veterans // Psychol Assess. - 2018. - №30(3). - p. 383-395. doi: <https://doi.org/10.1037/pas0000486>
64. Weathers F.W., Litz B.T., Keane T.M. et al. The PTSD Checklist for DSM-5 (PCL-5). - 2013b // National Center for PTSD URL: <https://www.ptsd.va.gov/professional/assessment/adult-sr/ptsd-checklist.asp> (accessed: 30.07.2025).
65. Weiss D.S., Marmar C.R. (1997). The Impact of Event Scale-Revised. // Assessing Psychological Trauma and PTSD: A Practitioner's Handbook / Eds. Wilson J.P., Keane T.M.: New York: Guilford Press. - 1997. - p. 399-411. doi: https://psycnet.apa.org/doi/10.1007/978-0-387-70990-1_10
66. Wojujutari A.K., Idemudia E.S., Ugwu L.E. The assessment of reliability generalisation of clinician-administered PTSD scale for DSM-5 (CAPS-5): a meta-analysis // Front. Psychol. - 2024. - №15. - 1354229. doi: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1354229>
67. Wu Y., Mao K., Dennett L. et al. Systematic review of machine learning in PTSD studies for automated diagnosis evaluation // npj Mental Health Res. - 2023. - №2. - 16. doi: <https://doi.org/10.1038/s44184-023-00035-w>
68. Yang R., Gautam A., Getnet D. et al. Epigenetic biotypes of post-traumatic stress disorder in war-zone exposed veteran and active duty males // Mol Psychiatry. - 2021. - №26. - p. 4300-4314. doi: <https://doi.org/10.1038/s41380-020-00966-2>
67. Yennu A., Tian F., Smith-Osborne A. et al. Prefrontal responses to Stroop tasks in subjects with post-traumatic stress disorder assessed by functional near infrared spectroscopy // Sci Rep. - 2016. - №6. - 30157. doi: <https://doi.org/10.1038/srep30157>

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТРУДОВОЙ ИНКЛЮЗИИ ВЕТЕРАНОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Федосюк Д.В., Финикова О.В., Томилова Е.А.

Федосюк Д.В. – кандидат социологических наук, директор издательства «ОРИС»
e-mail: d31121983@ya.ru

Адрес: 308033, Белгородская область, г. Белгород, ул. Королева, д. 2, офис 207, Российская Федерация

Финикова О.В. – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, ФГКОУВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина»

e-mail: finikova.olga@mail.ru

Адрес: 308024, Белгород, ул. Горького, 71, Российская Федерация

Томилова Е.А. – аспирант кафедры экономики и социологии здравоохранения, ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко»

e-mail: eatomilova79@gmail.com

Адрес: 105064, Москва, ул. Воронцово поле, д. 12, строение 1, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Статья посвящена анализу социальных механизмов трудовой инклюзии ветеранов боевых действий в систему профессионального образования, что в контексте нацпроекта «Кадры» и роста числа участников СВО приобретает стратегическое значение для рынка труда и образовательной политики.

Цель исследования: систематизировать и описать механизмы привлечения ветеранов в систему профессионального образования в качестве профессорско-преподавательского состава и административно-управленческого персонала, выявив их специфику, ресурсный потенциал и ограничения.

Методологическую основу работы составляют структурно-функциональный и институциональный подходы, дополняемые анализом нормативных актов, статистики Минобрнауки и Минтруда, результатов опросов ВЦИОМ, анкетного исследования работодателей образовательной сферы (ГосУслуги).

Результаты исследования показывают, что сегодня механизмы инклюзии реализуются через квотированный приём, программы переподготовки, координационные центры и практики педагогизации боевого опыта, однако функционируют фрагментарно и требуют межведомственной координации.

Выводы. Обосновано, что университеты выступают узловыми площадками институционализации трудовой инклюзии ветеранов; предложена модель разграничения и взаимодополнения преподавательских и управленческих механизмов, создающая основу для разработки целевых программ найма, сопровождения и профессиональной реинтеграции ветеранов в образовательной среде.

Ключевые слова: ветераны боевых действий; трудовая инклюзия; профессиональное образование; социальные механизмы; профессорско-преподавательский состав; административно-управленческий персонал.

Введение

Тема трудовой инклюзии ветеранов боевых действий в систему профессионального образования сегодня приобретает принципиальное значение [1, 2]. Именно образовательные организации становятся тем пространством, где пересекаются и сочетаются интересы государства, общества, рынка труда и самих участников вооружённых конфликтов [3, 4]. Согласно статистическим данным, «по квоте для участников СВО и их родственников в российские вузы в 2025 году поступили 28,7 тысячи человек» [5]. Около «3,5 тыс. участников СВО и членов их семей прошли бесплатное переобучение с начала 2025 года (по данным на 05.11.2025) [6]. В современных условиях усиливающегося дефицита кадров, с одной стороны, и роста числа ветеранов с уникальным, но слабо конвертируемым в гражданские форматы опытом – с другой, вопрос о том, как выстроить устойчивые механизмы их включения в преподавательскую и управленческую деятельность, перестаёт быть локальной задачей отдельных вузов или колледжей, превращаясь в стратегический вызов социальной политики [7, 8]. Следует также обращать внимание на дальнейшем удержании таких кадров в образовательной организации, на избегании их профессиональной маргинализации [9], на их значимости как акторов формирования ценностей обучающихся [10].

При этом существующие меры поддержки, будучи преимущественно нормативно ориентированными, не обеспечивают в полной мере целостной модели перехода от военной биографии к академической и профессиональной, оставляя множество «разрывов» между переподготовкой, наймом и реальной интеграцией в университетские коллективы.

В этой связи цель статьи заключается в том, чтобы, опираясь на эмпирические данные и анализ практик вузов, предложить концептуальное описание социальных механизмов трудовой инклюзии ветеранов боевых действий в систему профессионального образования, показывая, как через сочетание квот, программ переподготовки, патриотических модулей и координационных центров формируется новая конфигурация взаимодействия ветерана, образовательной организации и государства.

Научная новизна работы состоит в уточнении содержания понятия «социальный механизм трудовой инклюзии» применительно к ветеранам, в выделении специфики их функционирования в образовательной среде и в демонстрации того, что университет, выступая не только работодателем, но и актором комплексной социальной реабилитации, задаёт принципиально иной, по сравнению с традиционными моделями занятости, формат поствоенной профессиональной траектории.

Методология исследования

Методологической основой исследования выступает сочетание структурно-функционального и институционального подходов. Это позволяет рассматривать трудовую инклюзию ветеранов как результат взаимодействия нормативных режимов, организационных практик и стратегий ключевых акторов образовательного поля. Эмпирическую и информационную базу исследования составляют анализ федеральных и региональных нормативных документов, статистических данных Минобрнауки РФ и Минтруда РФ о приёме и переобучении участников боевых действий, а также вторичный анализ результатов опроса ВЦИОМ, частично фиксирующего общественные и экспертные ожидания в отношении роли ветеранов в системе образования и на рынке труда. Дополнительно использованы данные анкетного опроса работодателей (Портал государственных услуг РФ), позволяющие выявить воспринимаемые барьеры и условия

включения ветеранов в преподавательскую и административную деятельность образовательных организаций.

Результаты и обсуждение

Социальные механизмы трудовой инклюзии участников вооруженных конфликтов в систему профессионального образования зависят от специфики занятости человека в образовательной организации. Он может быть вовлечен в работу: 1) как профессорско-преподавательский состав (ППС); 2) как административно-управленческий персонал (АУП). Ключевая разница между данными механизмами связана с тем, какой именно функциональный вход в систему профессионального образования получают участники вооружённых конфликтов и как меняется сама логика их трудового включения.

В случае привлечения ветеранов в качестве ППС акцент, безусловно, делается на трансляции уникального опыта в образовательный процесс. Преподаватели становятся носителями содержательных практик, участвующими в разработке и реализации учебных модулей, патриотического воспитания, проектного обучения, непосредственно влияя на формирование компетенций студентов. Здесь механизм строится вокруг педагогизации военного опыта, требующей его методического переосмысления, дополнения психолого-педагогической подготовкой и встраивания в академические стандарты.

При включении ветеранов в АУП их опыт используется прежде всего как ресурс организационного и воспитательного менеджмента. Ветераны выступают советниками ректоров по патриотической работе, кураторами молодёжных проектов, координаторами взаимодействия с общественными структурами, влияя не столько на содержание учебных дисциплин, сколько на контуры университетской политики и инфраструктуры поддержки студентов. Соответственно, механизм здесь опирается на управленческую, а не преподавательскую роль ветеранов, предполагая освоение ими норм корпоративного управления, бюрократических процедур и стратегического планирования развития образовательной организации.

Социальные механизмы трудовой инклюзии участников вооруженных конфликтов (в частности, ветеранов боевых действий, включая СВО) в систему профессионального образования включают квоты, программы переподготовки и целевые трудоустройства. Эти меры ориентированы на их вовлечение как в профессорско-преподавательский состав, так и в административно-управленческий персонал вузов и колледжей [11].

Рассмотрим мнения работодателей, которые привлекают к выполнению трудовых функций ветеранов боевых действий.

Рис. 1. Распределение мнений работодателей о трудностях трудоустройства людей с ограниченными возможностями здоровья, % всех опрошенных

Fig. 1. Distribution of employers' opinions on the difficulties of employing people with disabilities, % of all respondents

Источник: Диаграмма составлена авторами на основе данных опроса Портала государственных услуг [12].

Ответы работодателей на вопрос о трудностях трудоустройства ветеранов (которые зачастую имеют ранения и характеризуются ограниченными возможностями здоровья) концентрируются вокруг нескольких взаимосвязанных блоков, причём их частотность в ответах позволяет увидеть структуру таких опасений более отчётливо. На первом плане, как видно, оказывается проблема соотнесения боевого опыта с требованиями гражданских должностей. Так, около половины опрошенных (порядка 50–55%) указывают на трудности подбора должности, когда компетенции, сформированные в условиях вооружённого конфликта, плохо переводятся на язык стандартных должностных инструкций и требуют дополнительного времени на оценку и принятие решения.

Далее значимым пластом, как видно из результатов, идут ожидания дополнительных организационных и психологических затрат. То есть примерно у трети работодателей (30–35%) вызывает тревогу необходимость дооборудования рабочих мест, проведения специализированного обучения, подключения психологов и HR-специалистов. Это по сравнению с наймом «обычного» кандидата представляется более ресурсозатратным. Наконец, около четверти респондентов (20–25%), говоря о потенциальных трудностях, вместе с тем упоминают риски для командной динамики и сложность учёта всех имеющихся льгот, гарантii и ограничений. Подчеркнём, что оформление ветерана воспринимается работодателями как более регламентированная и менее гибкая процедура, способная осложнить оперативные управленческие решения в организации. Зачастую руководители, ориентируясь на стратегические задачи федерального значения, пытаются инициировать и собственные проекты.

Сегодня квотирование рабочих мест и специализированные программы повышения квалификации позволяют ветеранам интегрироваться в преподавание через модули патриотического воспитания и «Обучение служением». Например, складывается такая практика: университеты нанимают их советниками ректоров по патриотическому воспитанию для работы со студентами, используя в образовательном процессе стратегический и тактический опыт участников боевых действий. В частности: Московский финансово-юридический университет (МФЮА) обучает и трудоустраивает ветеранов на административные должности; Российский технологический университет (РТУ МИРЭА) привлекает участников СВО к взаимодействию со студентами через совместные проекты и мероприятия по патриотическому воспитанию; Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина (БелЮИ МВД России) активно привлекает к преподаванию специальных дисциплин ветеранов боевых действий. Содействие инклюзии осуществляют не только органы государственной власти, но и общественные организации, в частности, фонды. Так, фонд «Заштитники Отечества» организует переподготовку по управленческим компетенциям с приоритетным трудоустройством в различные административные структуры вузов. Соглашения вузов (например, МФЮА) предусматривают обучение и трудоустройство ветеранов в роли менеджеров и специалистов.

Создаются и функционируют координационные центры. В частности, корпорация «Синергия» создала «Координационный центр переподготовки ветеранов СВО» [13] как службу «единого окна». В нем специалисты помогают участникам боевых действий определиться с профессией, выбором программ обучения, трудоустройством.

Сегодня система государственной поддержки трудовой инклюзии в современной России постепенно превращается в достаточно разветвлённый набор инструментов, которые, с одной стороны, закрывают кадровые потребности российских регионов, а с другой — создают для ветеранов боевых действий реальные, а не декоративные возможности включения в систему профессионального образования в качестве ППС и АУП.

При этом сами государственные меры поддержки, будучи по форме программами содействия занятости, переподготовки и субсидирования работодателей, фактически работают как механизмы включения ветеранов в профессиональную жизнь вузов и колледжей. Это позволяет людям не просто формально числиться трудоустроенным, а

закрепиться на педагогической или административной должности, требующих ответственности и квалификации.

Ключевым каркасом трудовой инклюзии ветеранов в образовательное пространство выступает национальный проект «Кадры», рассчитанный до 2030 года и выстроенный вокруг идеи дополнительного вовлечения населения в занятость через обучение и сопровождение трудоустройства. В рамках федерального проекта «Активные меры содействия занятости» российское государство, по сути, берет на себя роль посредника между человеком и работодателем, финансируя профессиональное обучение по востребованным в регионах специальностям, компенсируя бизнесу часть затрат и одновременно настраивая региональные службы занятости на более гибкую работу с разными категориями граждан, в том числе с теми, кто ранее не рассматривался специально как потенциальный ресурс для кадрового обеспечения образовательных организаций. За счёт этого новые программы, которые ещё несколько лет назад воспринимались как вспомогательные, становятся главным каналом перезапуска карьеры для людей с «нетипичными» биографиями.

Сегодня разворачивается отдельный блок мер, нацеленный на ветеранов СВО и других участников боевых действий. Причём он постепенно приобретает очертания самостоятельной подсистемы трудовой инклюзии. Утвержденный правительством план мероприятий по совершенствованию системы трудоустройства участников боевых действий предполагает не только поиск вакансий, но и целенаправленное наращивание компетенций. Это становится возможным при реализации через курсы переподготовки, наставнические программы, поддержку самозанятости и предпринимательства, а также индивидуальную профориентацию, проводимую с учетом травматического опыта и необходимости мягкого перехода к педагогическому или управленческому труду.

Существенную роль играет и финансовая поддержка государством работодателей, принимающих на работу людей с инвалидностью или статусом ветерана, поскольку без экономических стимулов идеи инклюзии могут оставаться лишь декларациями. Социальный фонд России компенсирует компаниям средства на оборудование одного рабочего места для инвалидов групп и ветеранов боевых действий. Это позволяет не только адаптировать инфраструктуру под конкретного сотрудника, но и мотивирует работодателей создавать новые позиции, ориентируясь не на «абстрактную» квоту, а на реальную возможность получить квалифицированного работника. Дополнительно, в ряде реализуемых программ предусмотрены субсидии в размере нескольких МРОТ за приём на работу представителей целевой группы, благодаря чему риск работодателя, нанимающего человека с нестандартной историей занятости, становится сопоставимым, а иногда и менее значимым, чем при наборе обычного кандидата.

Следует отметить, что, сегодня правовое и институциональное оформление инклюзивной политики дополняется обновлением законодательства о занятости и квотировании, что постепенно меняет сам фон отношения общества к трудовой инклюзии. Расширение полномочий регионов по установлению квот для трудоустройства людей с инвалидностью, а также смягчение требований по их исполнению, призвано не столько «ужесточить» правила, сколько сделать систему квот более гибкой и жизнеспособной, позволяя учитывать специфику образовательной организации, ее профильности, структуры и подразделений. В этом же ряду находится государственная программа «Доступная среда», которая, формально ориентируясь на инфраструктуру, фактически создает предпосылки для нормальной рабочей повседневности ветеранов. Речь идет о поддержке безбарьерной среды в колледжах и вузах и о развитии поддерживающих сервисов занятости, тесно связанных с региональными центрами обучения и сопровождения трудоустройства.

Бесплатное второе среднее профессиональное образование и квоты при поступлении в вузы способствуют повышению квалификации, необходимой для выполнения административных ролей. Психологическая помощь, добровольное медицинское

страхование и квоты на трудоустройство в образовательные организации усиливают инклюзию.

Заключение

Таким образом, трудовая инклюзия ветеранов боевых действий в систему профессионального образования реализуется прежде всего через специфические социальные механизмы, а не только через набор разрозненных мер поддержки. К ключевым из них относятся механизмы квотированного приёма и целевой переподготовки, механизмы институционального посредничества (посредством координационных центров, фондов поддержки), а также механизмы символической интеграции, когда боевой опыт ветеранов преобразуется в ресурс патриотического воспитания и формирования профессиональной идентичности студентов.

Проведённый анализ показал, что механизм привлечения ветеранов в профессорско-преподавательский состав строится на педагогизации военного опыта. Процесс осуществляется через разработку специальных модулей, участие в проектном обучении, наставничество и включение в академические практики. Механизм включения ветеранов в административно-управленческий персонал, напротив, опирается на управленческие, организационные и коммуникативные функции, позволяя ветеранам выступать советниками руководства, координаторами патриотических и социальных проектов, связующим звеном между университетом, государством и профессиональными сообществами. Тем самым вузы и колледжи предстают как узловые площадки, где пересекаются и институционализируются различные механизмы трудовой инклюзии, обеспечивающие не только формальное трудоустройство, но и устойчивую реинтеграцию ветеранов в профессиональное пространство.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выделенные механизмы могут быть использованы вузами и органами власти при проектировании программ найма, переподготовки и сопровождения ветеранов в системе профессионального образования. Перспективы исследования связаны с углублённым анализом эффективности выявленных механизмов, сравнением региональных моделей инклюзии, а также изучением долгосрочных карьерных траекторий ветеранов в образовательной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы консолидации региональных сообществ: позиция социального реализма / В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова, Я. И. Серкина, Ж. А. Шаповал // Социологическая наука и социальная практика. – 2025. – Т. 13, № 1. – С. 48-73. – DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.3. – Текст : непосредственный.
2. Бабинцев, В. П. Ответственность как фактор консолидации городского сообщества в российском приграничном регионе / В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова, Ж. А. Шаповал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 1013-1032. – DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1013-1032. – Текст : непосредственный.
3. Листвин, А. А. Среднее профессиональное образование в условиях технологического перехода: аспекты интеграции и праксиологии / А. А. Листвин, М. А. Гарт // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2024. – № 3(55). – С. 5-14. – DOI 10.54509/22203036_2024_3_5. – Текст : непосредственный.
4. Галлямова, Д. А. Научно-образовательные центры как инновационный институциональный фактор трансформации социально-профессиональной структуры российского общества / Д. А. Галлямова, О. И. Недельченко // Социология. – 2024. – № 6. – С. 24-27. – Текст : непосредственный.

5. Оценка результативности деятельности подведомственных организаций. 2025 // Министерство науки и высшего образования РФ. <https://minobrnauki.gov.ru/action/effevaluation> (дата обращения : 10.12.2025).
6. Почти 3,5 тыс. участников СВО и членов их семей прошли бесплатное переобучение с начала 2025 года. 05.11.2025 // Министерство труда и социальной защиты РФ. – URL: <https://mintrud.gov.ru/social/557> (дата обращения : 10.12.2025).
7. Пучкова, Е. М. Совмещение рабочей профессии и профессии преподавателя: потенциальное решение проблемы дефицита кадров в системе среднего профессионального образования / Е. М. Пучкова // Научный вестник НГГТИ. – 2025. – № 1. – С. 163-168. – Текст : непосредственный.
8. Маслова, Е. Л. Совершенствование форм взаимодействия учебных заведений с работодателями / Е. Л. Маслова, Г. С. Гоголева // Экономические системы. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 146-158. – DOI 10.29030/2309-2076-2024-17-4-146-158. – Текст : непосредственный.
9. Волкова, О.А. Проблемы профессиональной идентичности и маргинальности индивидов и социальных групп / О. А. Волкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 3(21). – С. 45-48. – Текст : непосредственный.
10. Липай, Т. П. Средства массовой информации в формировании ценностей и стигм у старшеклассников / Т. П. Липай, О. А. Волкова, О. А. Жиленкова // Социология образования. – 2015. – № 10. – С. 71-75. – EDN UKPROX. – Текст : непосредственный.
11. Dies academicus: Итоги 2014/2015 учебного года. – М.: РГГУ, 2015. –539 с. Текст : непосредственный.
12. Опрос работодателей по вопросам трудоустройства инвалидов. 28.06.2024 // Портал государственных услуг. – URL: <https://pos.gosuslugi.ru/lkp/polls/428476> (дата обращения : 10.10.2025)
13. Синергия. Центр патриотического воспитания. – URL: <https://www.patriot.synergy.ru/projects/tsentr-obucheniya-veteranov-svo> (дата обращения : 10.10.2025).

Поступила: 11.10.2025

Принята к публикации: 20.12.2025

COMMUNICATION AND ADAPTATION PRACTICES FOR COGNITIVELY GIFTED ALPHA GENERATION CHILDREN IN AUGMENTED SOCIAL REALITY

© Denis V. Fedosyuk, Olga V. Finkova, E.A. Tomilova

Denis V. Fedosyuk – director of ORIS Publishing House, candidate of Sociological sciences
e-mail: d31121983@ya.ru

Address: Office 207, 2 Koroleva Street, Belgorod, Belgorod Region, 308033, Russian Federation

Olga V. Finkova – Senior Lecturer at the Department of Psychology and Pedagogy. Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia

e-mail: finikova.olga@mail.ru

Address: 71, Gorky Street, Belgorod, 308024, Russian Federation

E.A. Tomilova – Postgraduate student of the Department of economics and sociology of healthcare, FSSBI «N.A. Semashko National Research Institute of Public Health»

e-mail: eatomilova79@gmail.com

Адрес: 12-1, Vorontsovo Pole str., Moscow, 105064, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The article analyzes the social mechanisms of labor inclusion of combat veterans in the professional education system, which is of strategic importance for the labor market and educational policy in the context of the national project "Personnel" and the growing number of participants in the special military operation.

The study aims: to systematize and describe the mechanisms for attracting veterans to the professional education system as professors, lecturers, and administrative personnel, identifying their specific features, resource potential, and limitations.

Materials and methods. The work is based on structural-functional and institutional approaches, supplemented by an analysis of regulations, statistics from the Ministry of Education and Science and the Ministry of Labor, the results of surveys conducted by the Russian Public Opinion Research Center, and a questionnaire survey of employers in the education sector (Gosuslugi).

The results of the study show that today, inclusion mechanisms are implemented through quota admissions, retraining programs, coordination centers, and the pedagogization of combat experience, but they operate in a fragmented manner and require interagency coordination.

Conclusions. It is substantiated that universities act as key platforms for the institutionalization of veterans' labor inclusion; a model of delineation and complementarity of teaching and management mechanisms is proposed, creating a basis for the development of targeted programs for the recruitment, support, and professional reintegration of veterans in the educational environment.

Keywords: *combat veterans; labor inclusion; vocational education; social mechanisms; academic staff; administrative staff.*

REFERENCES

1. Problems of Regional Communities Consolidation: The Position of Social Realism / V. P. Babintsev, G. N. Gaidukova, Ya. I. Serkina, Zh. A. Shapoval // Sociological Science and Social Practice. – 2025. – Vol. 13, No. 1. – Pp. 48-73. – DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.3. – Text : direct.
2. Babintsev, V. P. Responsibility as a factor in the consolidation of the urban community in the Russian border region / V. P. Babintsev, G. N. Gaidukova, Zh. A. Shapoval // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2024. – Vol. 24, No. 4. – Pp. 1013-1032. – DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1013-1032. – Text: direct.
3. Listvin, A. A. Secondary Vocational Education in the Context of Technological Transition: Aspects of Integration and Praxiology / A. A. Listvin, M. A. Garth // Professional Education in Russia and Abroad. – 2024. – No. 3(55). – Pp. 5-14. – DOI 10.54509/22203036_2024_3_5. – Text : direct.
4. Gallyamova, D. A. Research and Education Centers as an Innovative Institutional Factor in the Transformation of the Socio-Professional Structure of Russian Society / D. A. Gallyamova, O. I. Nedelchenko // Sociology. – 2024. – No. 6. – Pp. 24-27. – Text : direct.
5. Evaluation of the performance of subordinate organizations. 2025 // Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. <https://minobrnauki.gov.ru/action/effevaluation> (accessed on 10.12.2025).
6. Almost 3,500 participants in the special military operation and their family members have undergone free retraining since the beginning of 2025. 05.11.2025 // Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. – URL: <https://mintrud.gov.ru/social/557> (accessed on 10.12.2025).
7. Puchkova, E. M. Combining a Working Profession and a Teaching Profession: A Potential Solution to the Problem of Staff Shortage in the Secondary Vocational Education System / E. M. Puchkova // Scientific Bulletin of NGGTI. – 2025. – No. 1. – Pp. 163-168. – Text: direct.
8. Maslova, E. L. Improving the Forms of Interaction between Educational Institutions and Employers / E. L. Maslova, G. S. Gogoleva // Economic Systems. – 2024. – Vol. 17, No. 4. – Pp. 146-158. – DOI 10.29030/2309-2076-2024-17-4-146-158. – Text: direct.
9. Volkova, O. A. Problems of professional identity and marginality of individuals and social groups / O. A. Volkova // Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University. – 2007. – No. 3(21). – Pp. 45-48. – Text : direct.
10. Lipai, T. P. Mass media in the formation of values and stigmas among high school students / T. P. Lipai, O. A. Volkova, O. A. Zhilenkova // Sociology of Education. – 2015. – No. 10. – Pp. 71-75. – EDN UKPROX. – Text: direct.
11. Dies academicus: Results of the 2014/2015 academic year. – Moscow: RGGU, 2015. – 539 p. Text: direct.
12. Survey of employers on employment of disabled people. 28.06.2024 // Portal of public services. – URL: <https://pos.gosuslugi.ru/lkp/polls/428476> (date of access: 10.10.2025)
13. Synergy. Center for patriotic education. – URL: <https://www.patriot.synergy.ru/projects/tsentr-obucheniya-veteranov-svo> (date of access: 10.10.2025).

Received: 11.10.2025

Accepted: 20.12.2025

«ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ» В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОНЛАЙН-ВОЛОНТЕРСТВО КАК НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

© Маскалянова С.А., Тафинцева Л.М., Тепловодских С.И.

Маскалянова С.А. - заведующий кафедрой социального образования и социологии ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», кандидат педагогических наук, доцент
e-mail: Sveta.fey@yandex.ru

Адрес: 398020, Липецк, ул. Ленина, д. 42, Российская Федерация

Тафинцева Л.М. - директор института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», кандидат педагогических наук, доцент

e-mail: lilia.tafintzeva@yandex.ru

Адрес: 398020, Липецк, ул. Ленина, д. 42, Российская Федерация

Тепловодских С.И. - студент института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

e-mail: pso48@yandex.ru

Адрес: 398020, Липецк, ул. Ленина, д. 42, Российская Федерация

Статья опубликована в рамках государственного задания на НИР Министерства просвещения Российской Федерации на тему «Педагогическое волонтерство как средство реализации модуля «Обучение служением» в педагогических вузах» (Соглашение №-073-03-2025-047/6).

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Современный этап развития образования характеризуется поиском новых форматов, которые позволяют преодолеть разрыв между теоретической подготовкой студентов и требованиями реального рынка труда. Компетентностный подход, предполагающий формирование не только знаний, но и умений, навыков и личностных качеств, становится доминирующим.

В этом контексте особый интерес представляет педагогическая технология «Обучение служением» (Service Learning), которая целенаправленно объединяет аудиторное обучение с общественно полезной деятельностью. Параллельно с этим цифровизация всех сфер жизни породила такое явление, как онлайн-волонтерство, которое получило мощный импульс в период пандемии и продолжает активно развиваться.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью научного осмысливания интеграции этих двух тенденций – образовательной методологии «Обучение служением» и практик цифрового волонтерства. Анализ данной проблемы позволяет

выявить новые образовательные ресурсы и спрогнозировать траектории развития высшей школы в условиях формирования цифрового общества.

Цель: описание опыта на основе научного осмысливания интеграции двух тенденций – образовательной методологии «Обучение служением» и практик цифрового волонтерства.

Результаты. В статье рассматривается инновационная образовательная парадигма «Обучение служением» в контексте цифровой трансформации общества. Фокус исследования смешен на феномен онлайн-волонтерства, которое анализируется не только как социально значимая деятельность, но и как эффективная педагогическая практика, формирующая ключевые компетенции будущего. На примере реализации конкретных проектов в Липецкой области демонстрируется интеграция добровольческих инициатив в образовательный процесс высших учебных заведений. Авторы приходят к выводу, что синтез цифровых технологий, волонтерской практики и академических целей создает мощный ресурс для подготовки конкурентоспособных и социально ответственных специалистов.

Выводы. Онлайн-волонтерство в его интеграции с концепцией «Обучение служением» представляет собой новую, высокоэффективную образовательную практику. Она отвечает на ключевые вызовы современного образования: необходимость формирования практико-ориентированных компетенций, развития мягких навыков и воспитания гражданской ответственности. Опыт Липецкой области, где на базе ведущих вузов реализуются конкретные проекты, наглядно демонстрирует, как цифровая среда из вспомогательного инструмента может превратиться в полноценную образовательную среду. В этой среде студент выступает не пассивным получателем знаний, а активным субъектом, который, решая реальные социальные проблемы с помощью цифровых технологий, проходит интенсивный курс профессионального и личностного становления. Дальнейшее развитие этого направления видится в более глубокой институционализации подобных практик, включении их в основные образовательные программы и разработке комплексных методик оценки формируемых компетенций.

Ключевые слова: обучение служением; онлайн-волонтерство; цифровая среда; образовательные практики; компетентностный подход; Липецкая область; социальная ответственность.

Введение

Современный этап развития образования характеризуется поиском новых форматов, которые позволяют преодолеть разрыв между теоретической подготовкой студентов и требованиями реального рынка труда. Компетентностный подход, предполагающий формирование не только знаний, но и умений, навыков и личностных качеств, становится доминирующим.

В этом контексте особый интерес представляет педагогическая технология «Обучение служением» (Service Learning), которая целенаправленно объединяет аудиторное обучение с общественно полезной деятельностью. Параллельно с этим цифровизация всех сфер жизни породила такое явление, как онлайн-волонтерство, которое получило мощный импульс в период пандемии и продолжает активно развиваться.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью научного осмысливания интеграции этих двух тенденций – образовательной методологии «Обучение служением» и практик цифрового волонтерства. Анализ данной проблемы позволяет выявить новые образовательные ресурсы и спрогнозировать траектории развития высшей школы в условиях формирования цифрового общества.

Рассматривая теоретические аспекты «Обучения служением», следует отметить, что данная практика уходит корнями в идеи прогрессивизма в педагогике, однако ее современное звучание связано с ответом на вызовы глобализирующегося мира. Сущность

этого подхода заключается в органичном соединении учебных целей с решением актуальных проблем местного сообщества через служение.

Методология «Обучения служением» базируется на принципе практико-ориентированности, когда усвоение теоретических дисциплин происходит через их непосредственное применение в решении значимых социальных задач [3, с. 7]. Особенность ярко ценность данного подхода проявляется в подготовке будущих социальных работников. В процессе такой деятельности у студентов происходит формирование узкопрофессиональных компетенций, поскольку они на практике осваивают механизмы оказания поддержки различным категориям граждан и апробируют способы повышения качества их жизни. Параллельно с этим идет интенсивное развитие личностных характеристик, без которых невозможна эффективная работа в социальной сфере. Непосредственное взаимодействие с людьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, способствует воспитанию эмпатии, чуткости и способности к конструктивному диалогу, что в конечном итоге готовит не просто квалифицированного, но и глубоко человечного специалиста.

Наконец, подобная практика раскрывает внутренний потенциал студентов, позволяя им самим выступать в роли агентов социальных изменений, что закладывает основы для их будущей профессиональной и гражданской самореализации [3, с. 8].

Цифровая среда привносит в эту методологию новое измерение. Онлайн-волонтерство, под которым понимается добровольческая деятельность, осуществляемая с использованием информационно-коммуникационных технологий без физического присутствия волонтера, значительно расширяет географические и тематические рамки служения. Студент из любого региона может внести вклад в проект федерального или даже международного масштаба, используя свои профессиональные навыки – будь то программирование, дизайн, юридическое консультирование или педагогическое сопровождение [6]. Таким образом, цифровое волонтерство трансформируется из сугубо благотворительной активности в полноценную образовательную практику, где студент оказывается в реальной, хоть и виртуальной, профессиональной ситуации.

Интеграция этих процессов наглядно прослеживается на примере Липецкой области, где ряд высших учебных заведений активно внедряет подобные форматы в образовательный процесс. Так, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина и Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского являются площадками для реализации федеральной программы «Обучение служением» [1, с.45].

Значимость волонтерского движения на региональном уровне неоднократно подчеркивалась руководством области. Так, губернатор Липецкой области И.Г. Артамонов охарактеризовал добровольцев как людей, обладающих чистым сердцем и искренним стремлением приносить пользу обществу. Им также отмечалось, что со стороны региональных властей осуществляется комплексное содействие волонтерским инициативам, а вклад добровольцев в преодоление кризисных ситуаций получает высокую общественную оценку и признание.

Торжественное открытие программы «Обучение служением» в Липецком государственном педагогическом университете имени П.П. Семенова-Тян-Шанского 18 сентября 2024 года свидетельствует о системном подходе к внедрению этой практики в регионе [2]. Конкретные проекты, реализуемые в рамках программы, открывают широкий спектр возможностей для онлайн-волонтерства. Например, проект «Социально-психологическое онлайн-консультирование и организация досуга пожилых людей и инвалидов», который осуществляется совместно с Елецким домом-интернатом [4].

Значимость этой инициативы определяется ее многозадачностью. Ключевым аспектом является сокращение рисков социальной эксклюзии среди граждан, относящихся к наиболее уязвимым слоям населения. Для многих из них дистанционное взаимодействие превращается в важнейший, а иногда и единственный доступный способ поддержания связи

с обществом. Что касается образовательной составляющей, то для студентов психологических, социальных и педагогических направлений проект создает мощный импульс для практической подготовки. Учащимся предстоит освоить уникальные компетенции, связанные с налаживанием продуктивного диалога в цифровой среде, применением методик психологической поддержки через видеоплатформы, а также организацией досуговых активностей в удаленном формате. Такой вид деятельности обещает стать источником бесценного практического опыта, трудновоспроизводимого в условиях стандартных аудиторных занятий. Его основная ценность заключается в комплексном влиянии на формирование молодого специалиста: в процессе работы предполагается одновременное совершенствование профессиональных навыков и укрепление таких личностных качеств, как эмпатия, толерантность и чувство ответственности.

Другим показательным кейсом выступает проект «Инклюзивное образование для детей с ограниченными возможностями». В его рамках проводятся интерактивные театрализованные программы для детей [4]. Онлайн-формат подобных мероприятий позволяет вовлекать детей, которые по состоянию здоровья не могут регулярно посещать учреждения культуры. Для студентов-педагогов участие в этом проекте откроет возможности для оттачивания методов инклюзивного образования в реальных условиях. Им представится шанс глубже понять особенности восприятия и коммуникации детей с различными нозологиями, научиться адаптировать под их потребности учебный и творческий материал с помощью цифровых сервисов. Таким образом, данный проект может выступить в роли связующего звена между теоретическими основами инклюзии и практикой их применения, что в конечном итоге подготовит будущих педагогов к профессиональной деятельности в гетерогенной учебной среде.

Важно подчеркнуть, что инфраструктурную поддержку таким образовательным инициативам оказывают специализированные платформы и ресурсные центры. Единая информационная система «Добровольцы России», а также ее региональное представительство – Ресурсный центр добровольчества Липецкой области, входящий в ассоциацию «Добро.рф», предоставляют студентам и учебным заведениям инструменты для поиска проектов, партнеров и методических материалов [5]. Существование таких платформ, как «Добро.рф», предлагающих тысячи вакансий для онлайн-добровольцев [4], или профильных проектов, таких как «Цифровые волонтеры» для студентов ИТ-специальностей [6], создает устойчивую экосистему, в которой академическое «Обучение служением» получает неограниченные возможности для реализации. Студент может выбрать проект, максимально соответствующий его специализации, будь то юридическое, экологическое или спортивное волонтерство, и выполнять его в цифровом формате, гибко сочетая с учебным расписанием.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что онлайн-волонтерство в его интеграции с концепцией «Обучение служением» представляет собой новую, высокоэффективную образовательную практику. Она отвечает на ключевые вызовы современного образования: необходимость формирования практико-ориентированных компетенций, развития мягких навыков и воспитания гражданской ответственности. Опыт Липецкой области, где на базе ведущих вузов реализуются конкретные проекты, наглядно демонстрирует, как цифровая среда из вспомогательного инструмента может превратиться в полноценную образовательную среду. В этой среде студент выступает не пассивным получателем знаний, а активным субъектом, который, решая реальные социальные проблемы с помощью цифровых технологий, проходит интенсивный курс профессионального и личностного становления. Дальнейшее развитие этого направления видится в более глубокой институционализации подобных практик, включении их в основные образовательные программы и разработке комплексных методик оценки формируемых компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оленина, Г.В. Педагогические потенциалы социально-культурного проектирования и коммуникационного продвижения добровольческих инициатив учащейся молодежи: монография / Г.В. Оленина. - Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета культуры, 2007. - 270 с. – Текст : непосредственный
2. Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (ЛГПУ) : официальный сайт. – Текст : электронный. - URL: https://lspu-lipetsk.ru/modules.php?name=News&file=view&news_id=11186 (дата обращения: 05.11.2025)
3. Методические рекомендации по реализации модуля «Обучение служением» в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации / В.С. Никольский, А.Н. Зленко, Т.В. Рябко [и др.]; рук. авт. кол. А.П. Метелев, Д.И. Земцов; Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 86 с. – Текст : непосредственный
4. Платформа «Добро.ру» : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://dobro.ru> (дата обращения: 05.11.2025)
5. ОБУ «Центр социальной защиты населения» : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://cszn.admlr.lipetsk.ru> (дата обращения: 05.11.2025)
6. Проект «Добро.Медиа» : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://dobro.press/dobro-media/volontyorstvo-onlajn-gde-najti-proekt> (дата обращения: 05.11.2025)

Поступила: 05.11.2025

Принята к публикации: 25.12.2025

SERVICE-LEARNING IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: ONLINE VOLUNTEERING AS A NEW EDUCATIONAL ENVIRONMENT (REGIONAL ASPECT)

© Svetlana A. Maskalyanova, Lilia M. Tafintseva, Svetlana I. Teplovodskikh

Svetlana A. Maskalyanova - Director of the Department of Social Education and Sociology, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor

e-mail: Sveta.feya@gmail.com

Address: 398020, Lipetsk, Lenin Street, 42, Russian Federation

Lilia M. Tafintseva - Director of the Institute of Psychology and Education, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor

e-mail: lilia.tafintzeva@yandex.ru

Address: 398020, Lipetsk, Lenin Street, 42, Russian Federation

Svetlana I. Teplovodskikh - Student, Institute of Psychology and Education, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky

e-mail: pso48@yandex.ru

Address: 398020, Lipetsk, Lenin Street, 42, Russian Federation

This article was published as part of a state research assignment from the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic "Pedagogical Volunteering as a Means of Implementing the Service-Learning Module in Pedagogical Universities" (Agreement No. 073-03-2025-047/6).

ABSTRACT

Relevance. The current stage of educational development is characterized by the search for new formats that bridge the gap between students' theoretical preparation and the demands of the real labor market. A competency-based approach, which involves developing not only knowledge but also skills, abilities, and personal qualities, is becoming dominant.

In this context, the pedagogical technology "Service Learning" is of particular interest, purposefully combining classroom learning with socially beneficial activities. At the same time, the digitalization of all spheres of life has given rise to the phenomenon of online volunteering, which received a powerful boost during the pandemic and continues to actively develop.

The relevance of this study stems from the need for a scientific understanding of the integration of these two trends—the educational methodology of "service-learning" and digital volunteering practices. Analysis of this problem allows us to identify new educational resources and predict the development trajectories of higher education in the context of the emerging digital society.

Purpose. To describe the experience and, based on a scientific understanding of the integration of these two trends—the educational methodology of "service-learning" and digital volunteering practices.

Results. This article examines the innovative educational paradigm of "service-learning" in the context of the digital transformation of society. The focus of the study is on the phenomenon of online volunteering, which is analyzed not only as a socially significant activity but also as an effective pedagogical practice that develops key competencies for the future. Using specific projects in the Lipetsk region as an example, the integration of volunteer initiatives into the educational process of higher education institutions is demonstrated. The authors conclude that the synthesis of digital technologies, volunteer practices, and academic goals creates a powerful resource for the preparation of competitive and socially responsible specialists.

Conclusions. Online volunteering, when integrated with the concept of "service-learning," represents a new, highly effective educational practice. It addresses key challenges in modern education: the need to develop practice-oriented competencies, soft skills, and civic responsibility. The experience of the Lipetsk Region, where specific projects are being implemented at leading universities, clearly demonstrates how the digital environment can transform from a support tool into a fully-fledged educational environment. In this environment, students are not passive recipients of knowledge, but active subjects who, by solving real social problems using digital technologies, undergo an intensive course of professional and personal development. Further development of this area is envisaged in the deeper institutionalization of such practices, their inclusion in core educational programs, and the development of comprehensive assessment methods for developing competencies.

Key words: *service-learning; online volunteering; digital environment; educational practices; competency-based approach; Lipetsk Region; social responsibility.*

REFERENCES

1. Olenina, G.V. Pedagogical Potentials of Socio-Cultural Design and Communication Promotion of Volunteer Initiatives of Student Youth: Monograph / G.V. Olenina. - Barnaul: Publishing House of Altai State University of Culture, 2007. - 270 p. - Text: direct
2. Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky (LSPU): official website. - Text: electronic. - URL: https://lspu-lipetsk.ru/modules.php?name=News&file=view&news_id=11186 (date of access: 05.11.2025)
3. Methodological Recommendations for the Implementation of the "Service-Learning" Module in Higher Education Organizations of the Russian Federation / V.S. Nikolsky, A.N. Zlenko, T.V. Ryabko [et al.]; head. Auth. coll. A.P. Metelev, D.I. Zemtsov; National Research University Higher School of Economics. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. – 86 p. – Text: direct
4. Platform "Dobro.ru": official website. – Text: electronic. – URL: <https://dobro.ru> (date of access: 05.11.2025)
5. State Budgetary Institution "Center for Social Protection of the Population": official website. – Text: electronic. – URL: <https://cszn.admlr.lipetsk.ru> (date of access: 05.11.2025)
6. Project "Dobro.Media": official website. – Text: electronic. – URL: <https://dobro.press/dobro-media/volontyorstvo-onlajn-gde-najti-proekt> (date of access: 05.11.2025)

Received: 05.11.2025

Accepted: 25.12.2025

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ В СЕКЦИИ ДЗЮДО

© Курасбедиани З.В., Непочатых А.В., Берешвили Р.Н.

Курасбедиани З.В. – профессор кафедры физического воспитания ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес: 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94, Российская Федерация

Непочатых А.В. – доцент кафедры физической культуры и спорта ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова»

e-mail: Nepochatykh93@yandex.ru

Адрес: 305021, Курск, ул. Карла Маркса, д.70, Российская Федерация

Берешвили Р.Н. – студент ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Педагогические эффекты достижения сформированных у обучающихся компетенций саморазвития, мотивированности, физической активности, здорового образа жизни определяются рядом обстоятельств, основным из которых выступает грамотно выстроенная учебно-тренировочная деятельность на всех этапах спортивной подготовки. Особенno важным является начальный этап подготовки, когда обучающиеся «вводятся» в тренировочный процесс, осваивают азы спортивной жизни, адаптируются к требованиям учебно-тренировочной деятельности. Между тем, тренеры не всегда с полной отдачей относятся к начальному этапу подготовки, что оказывает влияние на принятие решения обучающимися о продолжении занятий в спортивных секциях и переходе на следующий этап.

Цель: изучение специфики организации учебно-тренировочной деятельности юных спортсменов (на примере секции дзюдо).

Материалы и методы исследования. В исследовании применялся анализ документов; методы опроса. Исследование осуществлялось на базе ОБУ ДО «Областная спортивная школа олимпийского резерва» г. Курска; ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет».

Результаты. Начальный этап подготовки включает: ознакомительный этап; предварительный этап; первоначальный этап. Ознакомительный этап направлен на формирование образа дзюдо как боевого искусства; значение техник и тактик борьбы во взаимодействии с противником; функциональное развитие организма для освоения компетенций в области физической и психологической подготовки для освоения навыков осуществления борьбы посредством приемов дзюдо. Предварительный этап направлен на осознание правил, норм и принципов ведения борьбы, овладения техниками и приемами их исполнения; усвоение юными дзюдоистами основных элементов тренировки, специфики

тренировочной работы на матах, босыми ногами. Результатом первоначального этапа является осознание философии дзюдо в ходе различных видов спаррингов и принципов взаимодействия, применения ресурсов организма и моральных установок в ходе взаимодействия с соперником.

Выводы. На начальном этапе подготовки достигаются такие его основные цели: создание основы для развития успеха юных дзюдоистов, формирование компетенций в области овладения приемами и техниками дзюдо, развитие физических качеств, осуществление функциональных возможностей, развитие мотивированности и психологической устойчивости. Важное место занимает развитие общей физической подготовки с формированием компетенций в области тактических составляющих ведения боя и комплекса упражнений на психологическую устойчивость и общую выносливость.

Ключевые слова: юные спортсмены, тренировочные мероприятия, организация образовательных программ, дзюдо, физическая активность.

Введение

В условиях развития современного общества, внедрения инновационных технологий, цифровизации образовательного пространства детерминирующим фактором построения качественного, соответствующего современным требованиям, образования может выступать поиск эффективных методов и форм образовательной деятельности, направленной на формирование у обучающихся компетенций саморазвития, мотивированности, физической активности, здорового образа жизни [1; 3; 6]. В данном контексте дополнительное образование детей, занятия в спортивных секциях могут сочетать в себе физическую активность, формирование волевых качеств, психологическую устойчивость обучающихся [14]. Между тем, в ряде исследований установлено, что педагогические эффекты достижения данных результатов определяются рядом обстоятельств, основным из которых выступает грамотно выстроенная учебно-тренировочная деятельность на всех этапах спортивной подготовки [7]. Особенno важным является начальный этап подготовки, когда обучающиеся «вводятся» в тренировочный процесс, осваивают азы спортивной жизни, адаптируются к требованиям учебно-тренировочной деятельности [11]. Между тем, тренеры не всегда с полной отдачей относятся к начальному этапу подготовки, что оказывает влияние на принятие решения обучающимися о продолжении занятий в спортивных секциях и переходе на следующий этап. Таким образом, существует противоречие между востребованностью практики в осуществлении учебно-тренировочной деятельности на начальном этапе подготовки, педагогическими эффектами которой могут выступать физическая подготовленность обучающихся, мотивированность на совершенствование своих спортивных результатов и др., с одной стороны, и научном осмыслении организации тренировочного процесса с учетом требований, предъявляемых условиями развития современного общества, внедрения инновационных технологий, цифровизации образовательного пространства, с другой стороны.

Цель: изучение специфики организации учебно-тренировочной деятельности юных спортсменов (на примере секции дзюдо).

В педагогике спортивной деятельности проблема организации учебно-тренировочной деятельности изучена достаточно обстоятельно. В работах исследователей разных лет описаны особенности методического сопровождения спортивной подготовки в секции дзюдо (А.А. Шахов, А.А. Наумов, М.Н. Егоров и др.; 2010); формы теоретической подготовки дзюдоистов (А.А. Шахов, П.А. Балбеков, Е.Б. Исаева; 2011); педагогические технологии, используемые в учебно-тренировочном процессе спортсменов (Г.Ф. Хамидулина, И.К. Латыпов; 2017) и др.

Традиционно организация учебно-тренировочной деятельности (учебно-тренировочного процесса) рассматривается исследователями как форма учебной

деятельности, основными направлениями которой выступают планирование, реализация и контроль за процессом организации обучающихся в контексте физической культуры и спорта. Данный процесс предполагает цели, задачи, методы проведения тренировок и регулирование результативности процесса [8].

Организация учебно-тренировочной деятельности обучающихся в спортивных секциях в условиях дополнительного образования детей закреплена законодательно. Так, согласно Приказа Министерства спорта РФ от 24 ноября 2022 г. № 1074 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «дзюдо» детерминирующие критерии к показателям совершенствования физических качеств в условиях спортивной подготовки детализируются в примерной дополнительной образовательной программе спортивной подготовки, основными задачами которых выступают развитие адекватной мотивации к занятиям физической активностью; формирование осведомленности в области теории физической культуры и спорта и дзюдо; увеличение показателей спортивной подготовленности и гармоничное развитие физических характеристик спортсменов [12].

Законодательно закреплено положение о том, что на начальном этапе подготовки первого и второго года обучения спортивная активность должна быть сосредоточена на различных аспектах физической подготовки и овладение навыками в области правил безопасности и техник дзюдо [12].

В процентном соотношении виды спортивной подготовки, реализующиеся в ходе учебно-тренировочной деятельности, имеют различные показатели. Так, общая физическая подготовка составляет около 50-60 %; специальная физическая подготовка – 5-10 %; техническая подготовка 30-40 %; теоретическая, психологическая подготовка – 4-6 % [12].

Материалы и методы исследования. В исследовании применялся анализ документов; методы опроса. Исследование осуществлялось на базе ОБУ ДО «Областная спортивная школа олимпийского резерва» г. Курска; ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет».

Результаты. Исследователи выделяют следующие периоды на начальном этапе подготовки: ознакомительный этап; предварительный этап; первоначальный этап [6]. Кратко охарактеризуем данные этапы.

Таблица 1. Структура начального этапа подготовки
Table 1. Structure of the initial stage of preparation

№ п/п	Название этапа	Цель	Результат
1.	Ознакомительный этап	формирование образа дзюдо как боевого искусства; значение техник и тактик борьбы во взаимодействии с противником; функциональное развитие организма для освоения компетенций в области физической и психологической подготовки для освоения навыков осуществления борьбы посредством приемов дзюдо	осознание дзюдо как боевого искусства
2.	Предварительный этап	формирование специфического языка и терминологии дзюдо; освоение начальных знаний, умений и навыков о дзюдо, профилактике травм; формирование компетенций спортсменов в области двигательной активности	осознание правил, норм и принципов ведения борьбы
3.	Первоначальный этап	развитие навыков в области дзюдо для проведения взаимодействия с	осознание философии дзюдо в ходе различных

		соперником в течение определенного времени	видов спаррингов и принципов взаимодействия, применения ресурсов организма и моральных установок в ходе взаимодействия с соперником
--	--	--	---

Основной целью ознакомительного этапа выступает формирование образа дзюдо как боевого искусства; значение техник и тактик борьбы во взаимодействии с противником; функциональное развитие организма для освоения компетенций в области физической и психологической подготовки для освоения навыков осуществления борьбы посредством приемов дзюдо [9].

В качестве задач на ознакомительном этапе начальной подготовки исследователи выделяют формирование мотивации через приобретение теоретических знаний о философии дзюдо и освоения техник дзюдо; усвоение правил безопасности, принципов дзюдо; развитие волевых качеств юных дзюдоистов с помощью участия в общей физической подготовке, понимания важности наличия физической подготовленности в достижении спортивного успеха [4; 9].

Специалисты в области спортивной деятельности рассматривают общую физическую подготовку через призму структурных составляющих этапов тренировочного процесса. По мнению специалистов, общая физическая подготовка может анализироваться в контексте начального этапа подготовки в дзюдо и развития гибкости юных спортсменов, что активизирует комплексный подход к их физическому развитию систем и мышц организма [9].

Результатом ознакомительного периода выступает осознание дзюдо как боевого искусства [13].

Основной целью предварительного этапа является осознание правил, норм и принципов ведения борьбы, овладения техниками и приемами их исполнения. Целью предварительного периода является освоение начальных знаний, умений и навыков о дзюдо, травмах шеи, плеч, рук, запястий и пальцев; предплечий, мозга, деформаций уха из-за ударов и попыток выхода из удержания; преодоления сложных контактов с поверхностью [51]. Не менее важной задачей на данном этапе является формирование компетенций спортсменов в области двигательной активности (кувырки, прыжки, броски) [10].

Немаловажной составляющей предварительного этапа тренировки является усвоение юными дзюдоистами основных элементов тренировки, специфики тренировочной работы на матах, босыми ногами. Кроме того, в процессе усвоения юными дзюдоистами основных элементов тренировки, происходит освоение техник различных бросков, захватов, прыжков и кувырков [2]. В целом, основная цель тренировочного процесса на данном этапе предполагает формирование компетенций юными спортсменами в области освоения техник дзюдо и развитие навыков не силового сдерживания, а механики тела. В данном контексте достижение данной цели предполагает освоение компетенций в области приемов и двигательной активности дзюдоистов (броски; удушения), а также формирования навыков в области проведения приемов и техник (техники ног, бедер, рук, приемов удержания) [17].

Немаловажной составляющей предварительного этапа тренировки является формирование специфического языка и терминологии дзюдо [15].

В качестве итога предварительного этапа исследователи описывают наличие компетенций у юных спортсменов в области приемов и двигательной активности

дзюдоистов, а также формирования навыков в области проведения приемов и техник; овладение терминологическим рядом и понятиями дзюдо.

Следует отметить, что формирование компетенций юных дзюдоистов в области освоения сведениями основных техник борьбы дзюдо сосредоточено на организации тренировочного процесса таким образом, чтобы сформировать у юных дзюдоистов навыки демонстрировать последовательность и устойчивость к физическим нагрузкам, мотивированность на результат [8].

Важной задачей первоначального этапа является освоение навыков в области ведущего комплекс приемов осуществления взаимодействия с соперником. Основополагающей целью первоначального периода может выступать развитие навыков в области дзюдо для проведения взаимодействия с соперником в течение определенного времени (2-3 минуты) [11].

Следует отметить, что детерминирующим механизмом овладения навыками выполнения физических упражнений на формирование силовых приемов и различных типов техник дзюдо является развитие гибкости. В данном контексте формирование компетенций в области проведения гармоничного взаимодействия с соперником способствует применять атаку противника против самого соперника с учетом профилактики травматизма и безопасности юных борцов, что позволяет осваивать приемы спарринга и борьбы и обеспечивает совершенствование техники [9].

В итоге реализации целей предварительного этапа формируется стойкое осознание философии дзюдо в ходе различных видов спаррингов и принципов взаимодействия, применения ресурсов организма и моральных установок в ходе взаимодействия с соперником [2; 3; 14].

Выводы. Начальный этап подготовки в тренировочном процессе занятий дзюдо включает такие этапы как ознакомительный этап, предварительный этап, первоначальный этап. Данные этапы на начальном этапе подготовки являются существенными в плане планирования индивидуального выбора работы над приемами и техниками и последующим овладением компетенциями в области отработки приемов и техник ведения поединка с соперником.

Специалисты в области спортивной деятельности и тренировочного процесса выделяют такие эффективные методы дзюдо на начальном этапе подготовки юных спортсменов, которые могут использоваться при освоении техник безопасного ведения боя и различных видов ведения борьбы.

Начальный этап подготовки юных дзюдоистов направлен на освоение компетенций в области техник двигательных действий и приемов ведения боя за определенное время (2-3 мин.), осознания действий и реакций противника на основе овладения самостоятельными действиями юными борцами, что свидетельствует о реализации первоначального уровня физической подготовки, моральной подготовки и психологической устойчивости юных дзюдоистов.

Таким образом, на начальном этапе подготовки достигаются такие его основные цели: создание основы для развития успеха юных дзюдоистов, формирование компетенций в области овладения приемами и техниками дзюдо, развитие физических качеств, осуществление функциональных возможностей, развитие мотивированности и психологической устойчивости. Важное место занимает развитие общей физической подготовки с формированием компетенций в области тактических составляющих ведения боя и комплекса упражнений на психологическую устойчивость и общую выносливость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова, И.А. Анализ и формирование мотиваций, влияющих на популяризацию физической культуры и спорта среди обучающихся основной и специальной медицинских

- групп / И.А. Авилова. – Текст : электронный // Коллекция гуманитарных исследований. - 2022. - № 1 (30). - С. 51-58
2. Бальсевич, В.К. Онтоинезиология человека / В.К. Бальсевич. – М.: Теория и практика физической культуры, 2000. – 275 с. – Текст : непосредственный
3. Блудова, И.Н. История возникновения борьбы дзюдо / И.Н. Блудова. – Текст : электронный // Вопросы педагогики. - 2022. - № 12-2. - С. 9-10. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50024391_23732583.pdf (дата обращения: 05.01.2025)
4. Бучнев, А.А. Педагогические условия повышения результативности действий дзюдоиста / А.А. Бучнев, Л.Д. Назаренко. – Текст : электронный // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. - 2012. - № 4 (25). – С. 17-24. - URL: <https://journalsport.ru/images/vipuski/7-1/4.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
5. Ветков, Н.Е. Тренировочные и соревновательные нагрузки / Н.Е. Ветков. – Текст : электронный // Наука-2020. - 2017. - № 3 (14). - URL: [Konf_MK-N-3\(14\)_2017_ч 2.pdf](Konf_MK-N-3(14)_2017_ч 2.pdf) (дата обращения: 12.09.2024).
6. Денисов, К.Г. Состояние гемодинамики спортсменов-дзюдоистов / К.Г. Денисов, М.М. Кузиков. – Текст : электронный // Человек. Спорт. Медицина. - 2012. - № 28. - URL: <https://sciup.org/sostojanie-gemodinamiki-sportsmenov-dzudoistov-147152985?ysclid=mjhkmvlqlt1554843241> (дата обращения: 01.10.2024).
7. Зекрин, Ф.Х. Методика специальной подготовки в дзюдо и адаптивном дзюдо спортсменов до 18 лет: монография / Ф.Х. Зекрин, Р.М. Закиров, Ю.В. Наборщикова // Сер. Адаптивное дзюдо Пермского края. - Пермь, 2011. – 155 с. – Текст : непосредственный
8. Лях, В.И. Двигательные способности школьников: Основы теории и методики развития физических качеств/ В.И. Лях. - М.: Терраспорт, 2020. - 192 с. – Текст : непосредственный
9. Мутаева, И.Ш. Показатели физической работоспособности и мальчиков 10-12 лет, занимающихся борьбой дзюдо и не занимающихся спортом / И.Ш. Мутаева, И.Е. Коновалов. – Текст : электронный // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. - 2009. - Т. 4, № 4. - С. 99-105. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18049262> (дата обращения: 09.01.2025).
10. Недуруева, Т.В. Особенности мотивации обучающихся к занятиям физическими упражнениями / Т.В. Недуруева, Т.Р. Соломахина. – Текст : электронный // Актуальные проблемы физического воспитания обучающихся: сб. материалов региональной науч.-практ. конф.; отв. ред. А.В. Володин. - Курск, 2023. - С. 91-93. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54791022_67405984.pdf (дата обращения: 25.11.2024).
11. Непочатых, А.В. Спортивная деятельность как ресурс физического и личностного развития молодежи / А.В. Непочатых. – Текст : электронный // Актуальные проблемы физической культуры и спорта в современных социально-экономических условиях: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной Году российско-китайского сотрудничества в области физической культуры и спорта (Чебоксары - Ташкент, 23 января 2023 г.). - Чебоксары-Ташкент, 2023. - С. 731-735. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50329606> (дата обращения: 12.10.2025).
12. Приказ Министерства спорта РФ от 24 ноября 2022 г. № 1074 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «дзюдо» // ГАРАНТ.РУ Информационно-правовой портал. – Текст : электронный. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405876429/?ysclid=mjeowrlc20939156119> (дата обращения: 20.09.2025)
13. Скрипlevа, Е.В. Мотивация студентов к здоровьесберегающей двигательной активности в вузе / Е.В. Скрипlevа, Т.В. Борсук, О.А. Конотопченко. – Текст : электронный // Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов национальной науч.-практ. конф.. - Санкт-Петербург, 2021. - С.

536-540. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47489961_82984597.pdf (дата обращения: 25.11.2024).

14. Типовая программа спортивной подготовки по виду спорта «дзюдо» (этап начальной подготовки). Методическое пособие. Авторы-составители: Денисов К.Г., Ерегина С.В., Кулдин Е.Л. – Текст : электронный – М.: ФГБУ ФЦПСР 2022. – 170 с. <https://fcpsr.ru/sites/default/files/2022-04/tpsp-judo-enp.pdf> (дата обращения: 09.09.2025).

15. Chronic Effects of Different Resistance Training Exercise Orders on Flexibility in Elite Judo Athletes / Alam R Saraiva, Victor Machado Reis, Pablo B. Costa // Journal of Human Kinetics. – 2014. – № 40 (1). – P. 37 – 129. – URL : https://www.researchgate.net/publication/264010091_Chronic_Effects_of_Different_Resistance_Training_Exercise_Orders_on_Flexibility_in_Elite_Judo_Athletes

16. Amtmann, J. Strength and Conditioning for Judo / J. Amtmann, A. Cotton Strength and Conditioning Journal. – 2005. - № 27. – P. 26-31. – URL : https://journals.lww.com/nsca-scj/abstract/2005/04000/strength_and_conditioning_for_judo.5.aspx

17. Franchini E, Panissa VL, Julio UF. Physiological and Performance Responses to Intermittent Uchi-komi in Judo / E. Franchini, V.L. Panissa, U.F. Julio // J. Strength Cond Res. 2013. № 27. – P. 1147-1155. – URL : <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22692119/>

Поступила: 26.09.2025

Принята к публикации: 25.12.2025

SPECIFIC FEATURES OF ORGANIZING EDUCATIONAL AND TRAINING ACTIVITIES FOR YOUNG ATHLETES IN THE JUDO SECTION

© Zurabi V. Kurasbediani, Anton V. Nepochatykh,
Roman N. Bereshvili

Zurabi V. Kurasbediani – Professor, Department of Physical Education, Southwestern State University

Address: 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya St., 94, Russian Federation

Anton V. Nepochatykh - Associate Professor, Department of Physical Education and Sports, I.I. Ivanov Kursk State Agrarian University

e-mail: Nepochatykh93@yandex.ru

Address: 305021, Kursk, Karl Marx Street, Bldg. 70, Russian Federation

184

Roman N. Bereshvili – Student, Kursk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Address: 305041, Kursk, K. Marx St., 3, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The pedagogical effects of students' development of self-development competencies, motivation, physical activity, and a healthy lifestyle are determined by a number of factors, the most important of which is well-structured educational and training activities at all stages of sports training. The initial stage of training is particularly important, when students are introduced to the training process, master the basics of sports life, and adapt to the requirements of educational and training activities. However, coaches do not always fully commit to the initial stage of training, which influences students' decisions about continuing in sports sections and moving on to the next stage. Objective: To study the specifics of organizing the educational and training activities of young athletes (using the judo section as an example).

Materials and Methods. The study utilized document analysis and survey methods. The study was conducted at the Kursk Regional Sports School of Olympic Reserve and the Southwestern State University.

Results. The initial training stage includes: an introductory stage; a preliminary stage; and a baseline stage. The introductory stage is aimed at developing an understanding of judo as a martial art; the importance of techniques and tactics in combat interactions with an opponent; and functional development of the body to develop competencies in physical and psychological preparation for mastering judo wrestling skills. The preliminary stage is aimed at understanding the rules, norms, and principles of wrestling, mastering techniques and methods for their execution; and at teaching young judokas the basic elements of training and the specifics of

training on mats and barefoot. The result of the initial stage is an understanding of judo philosophy through various types of sparring and the principles of interaction, the use of body resources, and moral principles when interacting with an opponent.

Conclusions. The initial stage of training achieves the following primary goals: creating a foundation for the success of young judokas, developing competencies in mastering judo techniques and techniques, developing physical qualities, realizing functional capabilities, and developing motivation and psychological resilience. An important role is played by the development of general physical fitness, developing competencies in the tactical components of combat and a set of exercises for psychological resilience and overall endurance.

Key words: young athletes, training activities, organizing educational, judo, physical activity

REFERENCES

1. Avilova, I.A. Analysis and formation of motivations influencing the popularization of physical education and sports among students of basic and special medical groups / I.A. Avilova. - Text: electronic // Collection of humanitarian studies. - 2022. - No. 1 (30). - P. 51-58.
2. Balsevich, V.K. Human ontokinsiology / V.K. Balsevich. – M.: Theory and Practice of Physical Education, 2000. – 275 p. – Text: direct
3. Bludova, I.N. History of the emergence of judo / I.N. Bludova. – Text: electronic // Voprosy pedagogiki. - 2022. - No. 12-2. - Pp. 9-10. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50024391_23732583.pdf (date of access: 05.01.2025)
4. Buchnev, A.A. Pedagogical conditions for improving the effectiveness of a judoka / A.A. Buchnev, L.D. Nazarenko. – Text: electronic // Pedagogical, psychological and medical-biological problems of physical education and sports. - 2012. - No. 4 (25). – P. 17-24. - URL: <https://journalsport.ru/images/vipuski/7-1/4.pdf> (date of access: 01.10.2024).
5. Vekov, N.E. Training and competition loads / N.E. Vekov. - Text: electronic // Science-2020. - 2017. - No. 3 (14). -- URL: Konf_MK-N-3(14)_2017_я2.pdf (date of access: 12.09.2024).
6. Denisov, K.G. Hemodynamics of judo athletes / K.G. Denisov, M.M. Kuzikov. - Text: electronic // Man. Sport. Medicine. - 2012. - No. 28. - URL: <https://sciup.org/sostojanie-gemodinamiki-sportsmenov-dzjudoistov-147152985?ysclid=mjhkmvlqt1554843241> (date of access: 01.10.2024).
7. Zekrin, F.Kh. Methodology of special training in judo and adaptive judo of athletes under 18 years old: monograph / F.Kh. Zekrin, R.M. Zakirov, Yu.V. Naborshchikova // Series: Adaptive judo of Perm Krai. - Perm, 2011. - 155 p. - Text: direct
8. Lyakh, V.I. Motor abilities of schoolchildren: Fundamentals of the theory and methodology of development of physical qualities / V.I. Lyakh. - M.: Terrasport, 2020. - 192 p. – Text : direct
9. Mutaeva, I.Sh. Indicators of physical performance of boys aged 10-12 years engaged in judo and not engaged in sports / I.Sh. Mutaeva, I.E. Konovalov. – Text : electronic // Pedagogical, psychological and medical-biological problems of physical education and sports. - 2009. - Vol. 4, No. 4. - Pp. 99-105. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18049262> (date of access: 09.01.2025).
10. Nedurueva, T.V. Features of students' motivation to engage in physical exercise / T.V. Nedurueva, T.R. Solomakhina. – Text : electronic // Actual problems of physical education of students: collection of materials of the regional scientific-practical conf.; responsible. ed. A.V. Volodin. - Kursk, 2023. - Pp. 91-93. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54791022_67405984.pdf (date of access: 11/25/2024).
11. Nepochatykh, A.V. Sports activity as a resource for physical and personal development of young people / A.V. Nepochatykh. – Text : electronic // Actual problems of physical culture and

sports in modern socio-economic conditions: collection of materials of the International scientific-practical conf., dedicated to the Year of Russian-Chinese cooperation in physical culture and sports (Cheboksary - Tashkent, January 23, 2023). - Cheboksary-Tashkent, 2023. - P. 731-735. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50329606> (date of access: 12.10.2025).

12. Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation of November 24, 2022 No. 1074 "On approval of the federal standard of sports training in the sport of judo" // GARANT.RU Information and legal portal. - Text: electronic. - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405876429/?ysclid=mjeowrlc20939156119> (date of access: October 20, 2025)

13. Skripleva, E.V. Motivating students to health-saving physical activity at the university / E.V. Skripleva, T.V. Borsuk, O.A. Konotopchenko. - Text: electronic // Physical education and sports in higher educational institutions: current issues of theory and practice: collection of materials of the national scientific and practical conf. - St. Petersburg, 2021. - P. 536-540. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47489961_82984597.pdf (accessed: 25.11.2024).

14. Standard sports training program for the sport of judo (initial training stage). Methodological manual. Authors and compilers: Denisov K.G., Eregina S.V., Kul'din E.L. – Text: electronic – Moscow: FGBU FTsPSR 2022. – 170 p. <https://fcpsr.ru/sites/default/files/2022-04/tpsp-judo-enp.pdf> (accessed: 09.09.2025).

15. Chronic Effects of Different Resistance Training Exercise Orders on Flexibility in Elite Judo Athletes / Alam R Saraiva, Victor Machado Reis, Pablo B. Costa // Journal of Human Kinetics. – 2014. – № 40 (1). – P. 37 – 129. – URL : https://www.researchgate.net/publication/264010091_Chronic_Effects_of_Different_Resistance_Training_Exercise_Orders_on_Flexibility_in_Elite_Judo_Athletes

16. Amtmann, J. Strength and Conditioning for Judo / J. Amtmann, A. Cotton Strength and Conditioning Journal. – 2005. - № 27. – P. 26-31. – URL : https://journals.lww.com/nsca-scj/abstract/2005/04000/strength_and_conditioning_for_judo.5.aspx

17. Franchini E, Panissa VL, Julio UF. Physiological and Performance Responses to Intermittent Uchi-komi inJudo / E. Franchini, V.L. Panissa, U.F. Julio // J. Strength Cond Res. 2013. № 27. – P. 1147-1155. – URL : <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22692119/>

МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ГИБКОСТИ У СПОРТСМЕНОВ-ДЗЮДОИСТОВ В УСЛОВИЯХ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ

© Непочатых А.В.

Непочатых А.В. – доцент кафедры физической культуры и спорта ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова»

e-mail: nepochatykh93@yandex.ru

Адрес: 305021, Курск, ул. Карла Маркса, д.70, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Для реализации спортивных задач важную роль играет эффективно организованный тренировочный процесс на ранних этапах, позволяющий в полной мере сформировать необходимые физические качества спортсмена, его навыки и способности, необходимые для успешной спортивной деятельности. Одним из важных физических качеств спортсмена-дзюдоиста, необходимых для эффективной спортивной деятельности и тренировочного процесса в целом является гибкость. Проблеме развития физических качеств дзюдоистов на разных этапах подготовки посвящено большое количество исследований. Однако проблеме развития гибкости юных дзюдоистов на начальном этапе подготовки отводится недостаточно внимания. По мнению специалистов, в практике тренировок различных спортивных дисциплин развитию гибкости уделяется внимание не в полной мере, а методы ее улучшения определяются исследователями как «однообразные», «неэффективные», что транслирует потребность в более тщательном подходе к исследованию данной проблемы.

Цель исследования – провести анализ методов развития гибкости спортсменов-дзюдоистов в условиях тренировочного процесса на начальном этапе подготовки.

Материалы и методы исследования. Исследование осуществлялось на базе ОБУ ДО «Областная спортивная школа олимпийского резерва» г. Курска. В исследовании приняли участие тренеры и спортсмены, занимающиеся в секции дзюдо, на начальном этапе подготовки. В качестве методов исследования применялся анализ документов; опрос.

Результаты. Тренеры-преподаватели по дзюдо, как и в других спортивных организациях в условиях дополнительного образовательного детей, реализуют два подготовительных этапа. Первый, начальный этап подготовки протекает в течение от двух до трех лет. Учебно-тренировочный этап реализуется в течение четырех-пяти лет, предусматривающий освоение различных элементов обучения, тренировок и включения игровых методов.

Анализ литературы и беседа с тренерами по проблеме методов развития гибкости юных дзюдоистов на начальном этапе подготовки показали, что исследователи описывают различные методы, направленные на развитие гибкости в условиях тренировочного процесса (упражнения с амплитудой движения, использующие различные утяжелители, на снарядах и др.; метод динамических усилий; метод сопряженного воздействия и др.).

Выводы. Применение упражнений на развитие гибкости предусматривает учет множества требований и рекомендаций, исходя из опыта тренировочной деятельности и возрастных особенностей юных дзюдоистов.

При выполнении комплекса упражнений на развитие гибкости особым требованием выступает контроль и анализ выполнения физических действий на развитие гибкости со стороны тренера, исходя из возрастных особенностей и индивидуально-личностных качеств юных дзюдоистов.

Ключевые слова: *тренировочный процесс; дзюдо; начальный этап подготовки; гибкость; физические качества.*

Введение

Традиционно дзюдо рассматривается исследователями как вид единоборств, в основе которого задействованы различные физиологические процессы организма человека, моторные и другие двигательные навыки [13]. Специфичность данного вида спорта определяется также наличием изменяющихся спортивных ситуаций, устойчивых противоречивых сопернических факторов при взаимодействии с соперником [20]. В связи с этим важную роль играет эффективно организованный тренировочный процесс на ранних этапах, позволяющий в полной мере сформировать необходимые физические качества спортсмена, его навыки и способности, необходимые для успешной спортивной деятельности [2; 6]. Одним из важных физических качеств спортсмена, необходимых для эффективной спортивной деятельности и тренировочного процесса в целом является гибкость [5].

Проблеме развития физических качеств дзюдоистов на разных этапах подготовки посвящено большое количество исследований, в которых рассматриваются проблемы развития функциональных систем дзюдоистов на разных этапах подготовки (А.В. Бакин, С.В. Струганов, 2023; Ф.Х. Зекрин, 2024), вопросы координационной подготовки дзюдоистов (М.А. Айтев, В.Б. Рубанович, 2023), проблемы оптимизации средств общей и специальной физической подготовки в дзюдо (Т.В. Трунева, 2023); методики развития физических качеств (С.А. Евтых, И.С. Матвеева, З.Х. Хахо, 2022) и др.

Однако проблеме развития гибкости юных дзюдоистов на начальном этапе подготовки отводится недостаточно внимания. По мнению специалистов, в практике тренировок различных спортивных дисциплин развитию гибкости уделяется внимание не в полной мере, а методы ее улучшения определяются исследователями как «однообразные», «неэффективные», что транслирует потребность в более тщательном подходе к исследованию данной проблемы [9; 11].

Цель исследования – провести анализ методов развития гибкости спортсменов-дзюдоистов в условиях тренировочного процесса на начальном этапе подготовки.

Объект исследования – развитие физических качеств спортсменов-дзюдоистов в условиях тренировочного процесса на начальном этапе подготовки. **Предмет исследования** – методы развития гибкости спортсменов-дзюдоистов в условиях тренировочного процесса на начальном этапе подготовки.

В исследовании применялись положения теории спортивной деятельности (В.А. Демин; Р.А. Пилоян; А.А. Красников; Ю.Б. Никифоров; Ю.А. Шахмурадов и др.); выводы исследователей по основам научно-методического обеспечения спортивной подготовки борцов (Г.С. Туманян; В.А. Воробьев; Н.Ю. Неробеев), в том числе развития гибкости юных дзюдоистов (Б.А. Ашмарин, С.И. Жданов, Л.Г. Манько, Е.А. Москаленко, Е.А. Шакина, Е.Я. Крупник); возрастные особенности юных дзюдоистов 9-10 лет (А.Г. Левицкий; И.О. Фалин).

В самом общем смысле гибкость рассматривается исследователями как критерий мобильности различных составляющих организма [3]. Специалисты в области физиологии анализируют гибкость при определении диапазона сводимых и разводимых операций. По

мнению педагогов, в области спортивной деятельности, в условиях тренировочного процесса гибкость взаимодействует с такими физическими характеристиками, как скорость, координация движений, сила, выносливость.

Как отмечают исследователи, недоразвитие отдельных составляющих гибкости оказывает влияние на координацию движений. Низкая мобильность суставов способствует снижению двигательной активности и, как следствие, нарушению координации движений. Определяющим критерием нарушения координации движений может выступать снижение активности, ухудшение психологической устойчивости к нагрузкам, развитие демотивации юных спортсменов к спортивной деятельности и тренировочному процессу.

В структуре физических качеств гибкость является «связующим звеном» при исполнении различных физических действий, спортивных комбинаций в структуре физического действия в условиях спортивной деятельности, что оказывает влияние на достижение спортивного успеха.

Теоретический анализ литературы позволил описать следующие специфические характеристики гибкости как физического качества:

1. Проявление гибкости в динамичных и статичных видах при выполнении физических упражнений: напряжение группы мышц при фиксации тела в определенном состоянии (статичное состояние); выполнение совокупности двигательных действий (динамическое состояние) [7].

2. Специфика исполнения физических движений оказывает влияние на проявление активной / пассивной гибкости: исполнение двигательных действий в отсутствии дополнительного (помогающего) оборудования (активная гибкость); исполнение двигательных действий спортсменов в условиях спортивного взаимодействия в паре, с привлечением спортивного инвентаря, что может выступать как дополнительное внешнее условие, оказывающее влияние на успешность двигательного действия (пассивная гибкость) [12].

К факторам, оказывающим воздействие на гибкость, исследователи относят [17]:

1. Физиологические особенности структуры суставов человека: ограничения в движении связаны с расположением сустава вглубь в сочленении.

2. Специфика связочных составляющих мышц в структурных тканях организма. В работах разных авторов дается эмпирическое объяснение соотношения физической активности и связанным с ним ростом температуры тела, что создает благоприятные условия для увеличения подвижности и упругости мышечно-связочной ткани.

3. Особенности силовых показателей деятельности мышц: чрезвычайное развитие мускулатуры тела снижает гибкость, в связи с чем актуализируется контроль развития мышечной массы в условиях учебно-тренировочного процесса с целью чередования выполнения упражнений на гибкость и рост мышц.

4. Демографические показатели: возраст, пол. Специалисты отмечают наличие преобладающей эластичности в более раннем возрасте. В гендерном аспекте склонность к развитию гибкости демонстрируют девочки.

5. Суточные ритмы: наибольшие показатели развития гибкости спортсмены демонстрируют в середине дня [15].

Проанализированные нами факторы исследователи относят к врожденным и контролируемым. К врожденным факторам исследователи относят демографические факторы, а также некоторые физиологические особенности структуры суставов человека. К контролируемым факторам исследователи относят факторы, которые возможно учитывать при планировании учебно-тренировочного процесса (время тренировок, чередование выполнения упражнений и др.) [19].

Таким образом, теоретический анализ литературы показал, что понятие «гибкость» рассматривается исследователями как система морфологических характеристик опорно-двигательного аппарата организма, оказывающая воздействие на мобильность и диапазон некоторых составляющих организма человека. В структуре физических качеств гибкость

является «связующим звеном» при исполнении различных физических действий, спортивных комбинаций в структуре физического действия в условиях спортивной деятельности, что оказывает влияние на достижение спортивного успеха [8].

Специфическими характеристиками гибкости как физического качества могут выступать ее динамичность / статичность, пассивность / активность. К врожденным факторам исследователи относят демографические факторы, а также некоторые физиологические особенности структуры суставов человека. К контролируемым факторам исследователи относят факторы, которые возможно учитывать при планировании тренировочного процесса (время тренировок, чередование выполнения упражнений и др.) [13].

Объектом нашего исследования выступает тренировочный процесс развития гибкости юных дзюдоистов на начальном этапе подготовки. В связи с этим охарактеризуем специфику и содержательные характеристики тренировочного процесса начального этапа подготовки дзюдоистов.

В самом общем смысле учебно-тренировочный процесс на начальном этапе подготовки дзюдоистов рассматривается исследователями как физкультурно-оздоровительная и воспитательная деятельность, сосредоточенная на освоении навыков в области техники дзюдо и формировании здоровой физически развитой личности [6; 14].

Начальная подготовка в спортивной деятельности дзюдо рассматривается исследователями как вид спортивной деятельности в рамках реализации тренировочного процесса с использованием методов и средств воздействия на функциональные особенности организма в контексте развития психической устойчивости и физической подготовленности обучающихся [1].

По мнению специалистов, тренировочный процесс юных дзюдоистов достаточно специфичен, детерминирующим элементом которого выступает формирование физического и психологического совершенствования, овладение компетенциями в области техники дзюдо и индивидуально-личностными характеристиками юных дзюдоистов [19].

Исследователи в области педагогики учебной деятельности описывают специфические особенности тренировочного процесса на начальном этапе подготовки юных дзюдоистов [16; 21]:

- учет физиологических и психологических возрастных черт дзюдоистов в связи с их динамичным развитием;
- развитие компетенций юных дзюдоистов в различных видах подготовки (физическая, техническая, тактическая, психологическая подготовка);
- организация системы учебно-тренировочного процесса с применением логически обоснованных техник, овладения тактиками и стратегиями с учетом возраста дзюдоистов;
- создание уравновешенности между тренировочными нагрузками и реабилитационными мероприятиями с целью обеспечения безопасности, избегания травматизма и перегрузок;
- организация доступной инфраструктуры в области спорта, оборудования, инвентаря, педагогического персонала;
- пропорциональность к повышению напряженности, насыщенности нагрузок и диапазону тренировок, предусматривая динамичное развитие юных дзюдоистов;
- опора на индивидуально-личностные характеристики юных дзюдоистов, их физический потенциал и психологические резервы;
- создание условий для участия юных дзюдоистов в соревновательной деятельности с целью развития спортивных компетенций в области соревновательной деятельности, формирования психологической устойчивости и причастности к большому спорту;
- создание благоприятной и толерантной атмосферы на тренировочных занятиях, развитие компетенций дзюдоистов в межличностное взаимодействия, спортивного командного духа [20].

Таким образом, детерминирующим механизмом в условиях учебно-тренировочного процесса на начальном этапе подготовки в дзюдо выступает спортивная деятельность в рамках реализации тренировочного процесса с использованием методов и средств воздействия на функциональные особенности организма в контексте развития психической устойчивости и физической подготовленности обучающихся.

Материалы и методы исследования. Исследование осуществлялось на базе ОБУ ДО «Областная спортивная школа олимпийского резерва» г. Курска. В исследовании приняли участие тренеры и спортсмены, занимающиеся в секции дзюдо, на начальном этапе подготовки. В качестве методов исследования применялся анализ документов; опрос.

Результаты исследования. Анализ официального сайта ОБУ ДО «Областная спортивная школа олимпийского резерва» г. Курска (далее – спортивная Школа) показал, что тренерский состав представлен 11 тренерами-преподавателями по дзюдо. В семи группах начальной подготовки занимаются более 60 обучающихся.

Остановимся на анализе документов организации и бесед с тренерами-преподавателями, осуществляющими начальный этап подготовки юных дзюдоистов в данной организации. Анализ показал, что тренера-преподаватели по дзюдо, как и в других спортивных организациях в условиях дополнительного образовательного детей, реализуют два подготовительных этапа. Первый, начальный этап подготовки протекает в течение от двух до трех лет. В целом учебно-тренировочный этап реализуется в течение четырех-пяти лет, предусматривающий освоение различных элементов обучения, тренировок и включения игровых методов. В рамках образовательной деятельности начальный этап подготовки включает освоение компетенций в области знаний, овладение навыками, формирование физических качеств и двигательной активности.

В работах разных авторов важное место занимает роль тренера в осуществлении профессиональной компетентности на начальном этапе подготовки юных дзюдоистов. По мнению специалистов, деятельность тренера способствует формированию представлений о философии дзюдо, совершенствованию навыков в развитии физических качеств, освоению техник дзюдо [9]. Тренер способствует развитию мыслительной деятельности юных дзюдоистов, направленной на осмысление ситуации на татами во взаимодействии с соперником, принятию решений в случае поединка, ведения боя, анализировать стратегии и тактики партнера и др. [11].

Как считают специалисты, реализуемые тренерами средства и методами в условиях тренировочного процесса должны соответствовать каждому элементу этапов начальной подготовки юных спортсменов для достижения поставленных целей и получения оптимального результата. В целях профилактики травматизма и безопасности юных дзюдоистов существующие нагрузки в дзюдо опираются на разработанные нормативы, формирующиеся для спортивных организаций с учетом возрастных особенностей юных спортсменов [18].

Как считают специалисты, развитие гибкости взаимосвязано с возрастными особенностями юных спортсменов, что налагает особые требования к учету таких составляющих, как рост, вес, сформированность двигательных действий, степень сформированности психических процессов, индивидуально-личностных качеств юных спортсменов (мотивация, психологическая устойчивость и др.).

Анализ бесед с тренерами-преподавателями показал, что при организации тренировочного процесса на начальном этапе подготовки (основной контингент занимающихся в спортивной школе составляет 9-10 лет) особое внимание уделяется анализу возрастных особенностей спортсменов [16], так как в возрасте девяти-десяти лет у юных спортсменов динамика развития двигательных способностей имеет достаточно высокие показатели, что способствует развитию гибкости [9].

Особые требования предъявляются тренеру при планировании тренировочного процесса, которые направлены на создание условий для предельно возможного уровня развития гибкости и других физических качеств юных спортсменов на начальном этапе

подготовки. В связи с этим особую роль играет встраивание в тренировочный процесс методов развития гибкости с учетом возрастных особенностей юных дзюдоистов [14].

Кратко охарактеризуем наиболее часто описываемые разными специалистами в области педагогики спортивной деятельности и тренерами-преподавателями спортивной школы эффективные средства развития гибкости.

На начальном этапе подготовки у юных дзюдоистов в условиях тренировочного процесса наиболее распространенное и эффективное средство исследователями характеризуется как растягивание. В качестве детерминирующих требований исследователи выделяют такие составляющего данного средства развития гибкости, как доступность, исполнение упражнений с максимальным диапазоном, исходя из возрастных особенностей, обучающихся [7].

Физические действия на растягивание исполняются юными дзюдоистами в максимальном диапазоне без наличия порывистых действий, исходя из их возрастных особенностей. После завершения процесса растягивания следует возвратиться к исполнению действий, направленных на разминание и активному расслаблению мышц. Заключительным этапом растягивания, как средства развития гибкости, выступает предельное расслабление мышц и полное отсутствие действие в течение нескольких минут.

Специалисты в области спортивной деятельности и педагогики тренировочного процесса описывают в ряду эффективных средств развития гибкости - *метод многократного растягивания*. Структура данного метода предусматривает на первом этапе выполнение упражнений с относительно низким диапазоном движений, повышая его к восьмому-двенадцатому повтору до предельных возможностей исполнения [6].

Наряду с описанным выше эффективным средством развития гибкости исследователи выделяют *метод статического растягивания*. Структура данного метода предусматривает на первом этапе выполнение упражнений на расслабление с последующим удержанием и стабилизацией данного положения 10-15 секунд (для юных спортсменов) [5].

В условиях тренировочного процесса контроль со стороны тренера в соблюдении требований выполнения такого средства развития гибкости как растягивание предполагает следующие правила: препятствование развитию болезненных ощущений; выполнение упражнений в постепенно, в неторопливом ритме, поэтапное повышение их диапазона и уровня использования силы помощника [15].

Следует отметить, что важную роль в развитии гибкости у юных спортсменов на начальном этапе подготовки исследователи отводят активным физическим действиям с амплитудой. По мнению специалистов, взаимодействие в совокупности с активным вовлечением мышц в отсутствие вспомогательных предметов лежит в основе применения активных физических действий на развитие гибкости [7].

В основе применения пассивных упражнений на развитие гибкости заложена взаимосвязь со сторонним содействием. К данным упражнениям исследователи относят движения, использующие различные утяжелители, на снарядах и др. [20].

В качестве средства развития гибкости специалисты в области педагогики спортивной деятельности рекомендуют применять статистические упражнения уже на начальном этапе подготовки у юных дзюдоистов. Между тем, особым требованием выступает контроль со стороны тренера и анализ выполнения данных действий спортсменов, которые выполняют статические упражнения.

Рекомендации специалистами в области спортивной деятельности и тренировочного процесса описывают требования к организации использования тренерами различных методов на развитие гибкости во время тренировки. Так, статические физические действия рекомендуется осуществлять в паре с партнером, исходя из особенностей телосложения [2].

В ряде работ, посвященных изучению эффективных методов и средств развития гибкости юных спортсменов, исследователи выделяют *метод динамических усилий* с целью в формирования силового напряжения в условиях динамики положения тела с малым

отягощением с предельным диапазоном и метод *сопряженного воздействия*, способствующий росту компетентности в области исполнения техники двигательных физических действий в обстоятельствах повышения физических усилий [2].

К методам развития гибкости в тренировочном процессе принято относить также *методы строго регламентированного упражнения*. Структура данного метода направлена на стабилизацию адаптационных перестроек в организме спортсмена (метод стандартного упражнения) [2; 10].

На начальном этапе подготовки юных дзюдоистов специалисты в области педагогики спортивной деятельности в качестве средства развития гибкости важное значение придают игровому методу. Исследователи отмечают ресурсность игрового метода в силу его роли в актуализации физического потенциала и психологических резервов организма юных дзюдоистов [8].

Преимуществами применения игрового метода в развитии гибкости юных спортсменов могут выступать его возможности в обеспечении системного развития физических качеств и формирование компетенций в области двигательных умений и навыков в силу комплексного их проявления в процессе взаимодействия.

Анализ литературы показал, что применение упражнений на развитие гибкости предусматривает учет множества требований и рекомендаций, исходя из опыта тренировочной деятельности и возрастных особенностей юных дзюдоистов. Охарактеризуем наиболее распространенные из них.

1. Применение комплекса упражнений на развитие гибкости в подготовительной части тренировки.

2. Сочетание физических действий на развитие гибкости с силовыми физическими действиями и упражнениями на расслабление [13].

3. Рост нагрузки в физических действиях на развитие гибкости в условиях тренировочного процесса в течение года при условии повышения числа упражнений и их повторений.

Между тем, исходя из возрастных особенностей юных спортсменов, включение в структуру тренировки упражнений на развитие гибкости предполагает соблюдение следующих требований:

1. На начальном этапе подготовки, исходя из возрастных особенностей юных спортсменов, введение упражнений в подготовительную часть тренировки не более трех занятий в условиях тренировочного процесса в неделю, что будет способствовать эффективному обеспечению поддержания определенного уровня мобильности суставов.

2. Выполнение физических действий предполагает следующую структурную последовательность: упражнения для суставов верхних конечностей, туловища, нижних конечностей.

3. Востребованность включения в подготовительную часть тренировки упражнений на развитие гибкости в связи с тем, что различные комплексы физических упражнений способствуют повышению эффективности спортивной деятельности. Кроме того, профессионально подобранный комплекс упражнений на развитие гибкости юных спортсменов на начальном этапе подготовки способствует развитию большей гибкости, чем необходимо для выполнения спортивных действий в дзюдо, что формирует определенный «запас гибкости».

4. В подготовительной части тренировки физические действия на развитие гибкости используют в ходе разминки, после динамических упражнений с учетом поэтапного увеличения диапазона двигательных действий и трудности упражнений. В основной части существует необходимость выполнения физических действий на развитие гибкости блоками, сменяя основные физические действия и силовые упражнения. При акцентировании занятия на развитии гибкости у юных спортсменов необходимо упражнения на растягивания спланировать на последующую часть тренировки. Финишные

элементы физического действия на развитие гибкости могут взаимодействовать с физическими действиями на расслабление [18].

5. Учет отрицательного влияния на использование физических действий на развитие гибкости при исполнении физических действий на силу.

Выводы. Анализ литературы и беседа с тренерами по проблеме методов развития гибкости юных дзюдоистов на начальном этапе подготовки показали, что исследователи описывают различные методы, направленные на развитие гибкости в условиях тренировочного процесса (упражнения с амплитудой движения, использующие различные утяжелители, на снарядах и др.; метод динамических усилий; метод сопряженного воздействия и др.). Применение упражнений на развитие гибкости предусматривает учет множества требований и рекомендаций, исходя из опыта тренировочной деятельности и возрастных особенностей юных дзюдоистов.

На начальном этапе подготовки юных дзюдоистов специалисты в области педагогики спортивной деятельности в качестве средства развития гибкости важное значение придают игровому методу, что позволяет актуализировать физические и психологические ресурсы организма юных дзюдоистов.

При выполнении комплекса упражнений на развитие гибкости особым требованием выступает контроль и анализ выполнения физических действий на развитие гибкости со стороны тренера, исходя из возрастных особенностей и индивидуально-личностных качеств юных дзюдоистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авила, И.А. Анализ и формирование мотиваций, влияющих на популяризацию физической культуры и спорта среди обучающихся основной и специальной медицинских групп / И.А. Авила. – Текст : электронный // Коллекция гуманитарных исследований. - 2022. - № 1 (30). - С. 51-58. – URL : <https://www.j-chr.com/jour/article/view/218> (дата обращения: 25.11.2024).
2. Бальсевич, В.К. Онтокинезиология человека / В.К. Бальсевич. – М.: Теория и практика физической культуры, 2000. – 275 с. - Текст : непосредственный
3. Бисярина, В.П. Анатомо-физиологические особенности детского возраста / В.П. Бисярина. - М.: Медицина, 2024. - 224 с. - Текст : непосредственный
4. Зекрин, Ф.Х. Методика специальной подготовки в дзюдо и адаптивном дзюдо спортсменов до 18 лет: монография / Ф.Х. Зекрин, Р.М. Закиров, Ю.В. Наборщикова // Сер. Адаптивное дзюдо Пермского края. - Пермь, 2011. – 155 с. - Текст : непосредственный
5. Иваниченко, Л.А. Физическая культура как ценность и образ жизни современной молодежи / Л.А. Иваниченко, А.В. Непочатых // Спорт, здоровье и физическая культура, в современном обществе: перспективы развития: сб. науч. статей Всерос. науч.-практ. конф. Курская ГСХА имени И.И. Иванова. - Курск, 2023. - С. 130-133. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_53747033_19947793.pdf (дата обращения: 25.11.2024).
6. Лизенко, К.В. Развитие гибкости обучающихся начальных классов на уроках физической культуры с использованием элементов гимнастики / К.В. Лизенко // Студенческая наука и XXI век. - 2020. - Т. 17, № 2-2(20). - С. 221-223.
7. Лобанова, М.А. Влияние дзюдо на осанку юных дзюдоистов / М.А. Лобанова // Вестник науки. - 2021. - Т. 1, № 1 (34). - С. 8-10.
8. Лях, В.И. Двигательные способности школьников: Основы теории и методики развития физических качеств/ В.И. Лях. - М.: Террапорт, 2020. - 192 с. - Текст : непосредственный
9. Мутаева, И.Ш. Показатели физической работоспособности и мальчиков 10-12 лет, занимающихся борьбой дзюдо и не занимающихся спортом / И.Ш. Мутаева, И.Е.

Коновалов. – Текст : электронный // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. - 2009. - Т. 4, № 4. - С. 99-105. – URL : <https://journalsport.ru/images/vipuski/4-1/4.pdf> (дата обращения: 09.01.2025).

10. Недуруева, Т.В. Особенности мотивации обучающихся к занятиям физическими упражнениями / Т.В. Недуруева, Т.Р. Соломахина. – Текст : электронный // Актуальные проблемы физического воспитания обучающихся: сб. материалов региональной науч.-практ. конф.; отв. ред. А.В. Володин. - Курск, 2023. - С. 91-93. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54791022_67405984.pdf (дата обращения: 25.11.2024).

11. Нельсон, А. Анатомия упражнений на растяжку / А. Нельсон, Ю. Кокконен; пер. с англ. С. Э. Борич. - Минск: Попурри, 2024. - 224 с. - Текст : непосредственный

12. Новрузов, Ш.Я.О. Методическая разработка «Методика развития гибкости у юных дзюдоистов» к дополнительной общеразвивающей программе физкультурно-спортивной направленности / Ш.Я.О. Новрузов. – Текст : электронный // «Дзюдо». – Отрадный, 2018. – URL : методическая-разработка.pdf (дата обращения : 22.10.2024).

13. Осьмак, К. Раствор, шпагат и гибкость в любом возрасте / К. Осьмак. - М.: Издательские решения, 2019. - 639 с. - Текст : непосредственный

14. Платонов, В.Н. Гибкость спортсмена и методика ее совершенствования / В.Н. Платонов, М.М. Булатов. - М.: СпортВ, 2020. - 364 с. - Текст : непосредственный

15. Погребной, А.И. Современные мировые тенденции в спортивной подготовке дзюдоистов (обзор зарубежной литературы) / А.И. Погребной, И.О. Комлев. – Текст : электронный // Физическая культура, спорт - наука и практика. - 2018. - №3. - URL: <https://journal.kgufkst.ru/arkhiv-zhurnala/> (дата обращения: 01.10.2024).

16. Пужаев, В.В. Использование игрового метода в обучении конфликтному взаимодействию единоборцев / В.В. Пужаев. – Текст : электронный // Психология и педагогика служебной деятельности. - 2023. - № 1. - С. 119–122. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50484968_22142312.pdf (дата обращения : 25.10.2024).

17. Скрипцева, Е.В. Мотивация студентов к здоровьесберегающей двигательной активности в вузе / Е.В. Скрипцева, Т.В. Борсук, О.А. Конотопченко. – Текст : электронный // Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов национальной науч.-практ. конф.. - Санкт-Петербург, 2021. - С. 536-540. – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47489961_82984597.pdf (дата обращения: 25.11.2024).

18. Типовая программа спортивной подготовки по виду спорта «дзюдо» (этап начальной подготовки). Методическое пособие. Авторы-составители: Денисов К.Г., Ерегина С.В., Кулдин Е.Л. – Текст : электронный. – М.: ФГБУ ФЦПСР 2022. – 170 с. <https://fcpsr.ru/sites/default/files/2022-04/tpsp-judo-enp.pdf> (дата обращения: 09.09.2024).

19. Фролов, Р.В. Адаптация человека к спортивным физическим нагрузкам / Р.В. Фролов, О.К. Казак. – Текст : электронный // Вестник науки. - 2021. - № 8 (41). - URL: Фролов Р.В., Казак О.К. АДАПТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА К СПОРТИВНЫМ ФИЗИЧЕСКИМ НАГРУЗКАМ (дата обращения: 09.09.2024).

20. Chronic Effects of Different Resistance Training Exercise Orders on Flexibility in Elite Judo Athletes / Alam R Saraiva, Victor Machado Reis, Pablo B. Costa // Journal of Human Kinetics. – 2014. - № 40 (1). – Р. 37 – 129. – URL : https://www.researchgate.net/publication/264010091_Chronic_Effects_of_Different_Resistance_Training_Exercise_Orders_on_Flexibility_in_Elite_Judo_Athletes

21. Amtmann, J. Strength and Conditioning for Judo / J. Amtmann, A. Cotton Strength and Conditioning Journal. – 2005. - № 27. – Р. 26-31. – URL : https://journals.lww.com/nsca-scj/abstract/2005/04000/strength_and_conditioning_for_judo.5.aspx

22. Franchini E, Panissa VL, Julio UF. Physiological and Performance Responses to Intermittent Uchi-komi in Judo / E. Franchini, V.L. Panissa, U.F. Julio // J. Strength Cond Res. 2013. № 27. – P. 1147-1155. – URL : <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22692119/>

Поступила: 26.06.2025

Принята к публикации: 14.12.2025

METHODS FOR DEVELOPING FLEXIBILITY IN JUDO ATHLETES DURING THE INITIAL TRAINING PROCESS

© Anton V. Nepochatykh

Anton V. Nepochatykh – Assistant of Department of Physical Education and Sports, I.I. Ivanov Kursk State Agrarian University
e-mail: nepochatykh93@yandex.ru
Address: 305021, Karl Marx Street, 70, Kursk, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. Effectively organized training in the early stages plays a crucial role in achieving athletic goals. It allows for the full development of the athlete's necessary physical qualities, skills, and abilities for successful athletic performance. Flexibility is an important physical quality in judokas, essential for effective athletic performance and the overall training process. Numerous studies have been devoted to the development of physical qualities in judokas at various stages of training. However, the development of flexibility in young judokas at the initial stage of training has received insufficient attention. According to experts, flexibility development is not given sufficient attention in training practices for various sports, and researchers define methods for improving it as "monotonous" and "ineffective," which highlights the need for a more thorough approach to researching this issue.

The aim of this study was to analyze methods for developing flexibility in judokas during the initial training phase.

Materials and Methods. The study was conducted at the Kursk Regional Sports School of Olympic Reserve. Coaches and athletes participating in the judo section participated in the study during the initial stage of training. The research methods used included document analysis and a survey.

Results. Judo coaches and teachers, as in other sports organizations, implement two preparatory stages in the context of supplementary education for children. The first, initial stage of training lasts two to three years. The educational and training stage lasts four to five years, involving the development of various elements of teaching, training, and the incorporation of game-based methods.

A literature review and discussions with coaches on methods for developing flexibility in young judokas during the initial stage of training revealed that researchers describe various methods aimed at developing flexibility during training (range-of-motion exercises using various weights, on apparatus, etc.; dynamic effort methods; conjugate impact methods, etc.).

Conclusions. The use of flexibility exercises requires consideration of a variety of requirements and recommendations based on training experience and the age characteristics of young judokas. When performing a set of flexibility exercises, a special requirement is for the coach to monitor and analyze the performance of physical exercises designed to develop flexibility, taking into account the age characteristics and individual personality traits of young judokas.

RELEVANCES

1. Avilova, I.A. Analysis and formation of motivations influencing the popularization of physical education and sports among students of basic and special medical groups / I.A. Avilova. - Text: electronic // Collection of humanitarian studies. - 2022. - No. 1 (30). - P. 51-58. - URL: <https://www.j-chr.com/jour/article/view/218> (date of access: 11/25/2024).
2. Balsevich, V.K. Human ontokinesiology / V.K. Balsevich. - Moscow: Theory and practice of physical education, 2000. - 275 p. - Text: direct
3. Bisyarina, V.P. Anatomical and physiological characteristics of childhood / V.P. Bisyarina. - Moscow: Medicine, 2024. - 224 p. - Text : direct
4. Zekrin, F.Kh. Methodology of special training in judo and adaptive judo for athletes under 18: monograph / F.Kh. Zekrin, R.M. Zakirov, Yu.V. Naborshchikova // Series: Adaptive judo of Perm Krai. - Perm, 2011. - 155 p. - Text : direct
5. Ivanichenko, L.A. Physical education as a value and way of life of modern youth / L.A. Ivanichenko, A.V. Nepochatykh // Sports, health and physical education in modern society: development prospects: collection of scientific articles of the All-Russian scientific and practical conf. Kursk State Agricultural Academy named after I.I. Ivanov. - Kursk, 2023. - pp. 130-133. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_53747033_19947793.pdf (accessed: 25.11.2024).
6. Lizenko, K.V. Developing flexibility of elementary school students in physical education lessons using gymnastics elements / K.V. Lizenko // Student science and the 21st century. - 2020. - Vol. 17, No. 2-2 (20). - Pp. 221-223. - Text: direct
7. Lobanova, M.A. The influence of judo on the posture of young judokas / M.A. Lobanova // Herald of science. - 2021. - Vol. 1, No. 1 (34). - Pp. 8-10. - Text: direct
8. Lyakh, V.I. Motor abilities of schoolchildren: Fundamentals of the theory and methodology for developing physical qualities / V. I. Lyakh. - M.: Terrasport, 2020. - 192 p. - Text: direct
9. Mutaeva, I. Sh. Physical performance indicators of 10-12-year-old boys involved in judo and not involved in sports / I. Sh. Mutaeva, I. Ye. Konovalov. - Text: electronic // Pedagogical, psychological and medical-biological problems of physical education and sports. - 2009. - Vol. 4, No. 4. - Pp. 99-105. - URL: <https://journalsport.ru/images/vipuski/4-1/4.pdf> (date accessed: 09.01.2025).
10. Nedurueva, T. V. Features of students' motivation to engage in physical exercise / T. V. Nedurueva, T.R. Solomakhina. – Text: electronic // Actual problems of physical education of students: collection of materials of the regional scientific-practical. conf.; responsible. ed. A.V. Volodin. - Kursk, 2023. - Pp. 91-93. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54791022_67405984.pdf (date of access: 11/25/2024).
11. Nelson, A. Anatomy of stretching exercises / A. Nelson, J. Kokkonen; trans. from English by S. E. Borich. - Minsk: Popurri, 2024. - 224 p. - Text: direct
12. Novruzov, Sh.Ya.O. Methodological development "Methodology for developing flexibility in young judokas" to the additional general development program of physical education and sports orientation / Sh. Ya. O. Novruzov. - Text: electronic // "Judo". - Otradny, 2018. - URL: <methodological-development.pdf> (date of access: 10/22/2024).
13. Osmak, K. Stretching, splits and flexibility at any age / K. Osmak. - Moscow: Publishing solutions, 2019. - 639 p. - Text: direct
14. Platonov, V. N. Athlete's flexibility and methods for its improvement / V. N. Platonov, M. M. Bulatov. - Moscow: SportV, 2020. - 364 p. - Text: direct
15. Pogrebnoy, A. I. Modern global trends in the sports training of judokas (a review of foreign literature) / A.I. Pogrebnoy, I.O. Komlev. - Electronic text // Physical education, sport - science

and practice. - 2018. - No. 3. - URL: <https://journal.kgufkst.ru/arkhiv-zhurnala/> (accessed: 01.10.2024).

16. Puzhaev, V.V. Using the game method in teaching conflict interaction of martial artists / V.V. Puzhaev. - Electronic text // Psychology and pedagogy of service activity. - 2023. - No. 1. - pp. 119-122. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50484968_22142312.pdf (date accessed: 25.10.2024).

17. Skripleva, E.V. Motivating students to engage in health-saving physical activity at the university / E.V. Skripleva, T.V. Borsuk, O.A. Konotopchenko. – Text: electronic // Physical education and sports in higher educational institutions: current issues of theory and practice: collection of materials from the national scientific and practical conference. – St. Petersburg, 2021. – Pp. 536-540. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47489961_82984597.pdf (date accessed: 25.11.2024).

18. Standard program of sports training in the sport of judo (initial training stage). Methodological manual. Authors and compilers: Denisov K.G., Eregina S.V., Kul'din E.L. - Text: electronic. - Moscow: FGBU FTsPSR 2022. - 170 p. <https://fcpsr.ru/sites/default/files/2022-04/tpsp-judo-enp.pdf> (date of access: 09.09.2024).

19. Frolov, R.V. Human adaptation to sports physical activity / R.V. Frolov, O.K. Kazak. - Text: electronic // Bulletin of science. - 2021. - No. 8 (41). - URL: Frolov R.V., Kazak O.K. HUMAN ADAPTATION TO SPORTS PHYSICAL ACTIVITIES (date of access: 09.09.2024).

20. Chronic Effects of Different Resistance Training Exercise Orders on Flexibility in Elite Judo Athletes / Alam R Saraiva, Victor Machado Reis, Pablo B. Costa // Journal of Human Kinetics. – 2014. - № 40 (1). – P. 37 – 129. – URL : https://www.researchgate.net/publication/264010091_Chronic_Effects_of_Different_Resistance_Training_Exercise_Orders_on_Flexibility_in_Elite_Judo_Athletes

21. Amtmann, J. Strength and Conditioning for Judo / J. Amtmann, A. Cotton Strength and Conditioning Journal. – 2005. - № 27. – P. 26-31. – URL : https://journals.lww.com/nsca-scj/abstract/2005/04000/strength_and_conditioning_for_judo.5.aspx

22. Franchini E, Panissa VL, Julio UF. Physiological and Performance Responses to Intermittent Uchi-komi inJudo / E. Franchini, V.L. Panissa, U.F. Julio // J. Strength Cond Res. 2013. № 27. – P. 1147-1155. – URL : <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22692119/>

Received: 26.06.2025

Accepted: 14.12.2025